

МОЛИТВА СВЯТЫМ РАВНОАПОСТОЛЬНЫМ МЕФОДИЮ И КИРИЛЛУ

Опреславнии язык словенских учителя и просветителие, святии равноапостольнии Мефодие и Кирилле! К вам, яко чада ко отцем, светом учений и писмен ваших просвещении и к вере Христове наставлении, ныне усердно прибегаем и в сокрушении сердец наших молимся. Аще бо и завет ваших, яко чада непокоривая, не соблюдохом, и о угождении Богу, якоже учите, небрегохом, и от единомыслия и любве, юже словенем, яко братьям в вере и по плоти, добре завещаете, отпадохом: обаче, якоже древле в житии вашем неблагодарных и недостойных не отвращаете тщи, но благими за злая воздавате, тако и ныне грешных и недостойных чад ваших молитвы не отвратите, но яко велие имущии дерзновение ко Господу, прилежно Того молитесь, да наставит и обратит нас на путь спасения, распри же и раздоры, посреде единовверных братии возникающия, да умирят, отпадающия паки во единомыслие приведет, и всех нас единением духа и любве во единой, святей, соборней и апостольстей Церкви соединит: вемы бо, вемы, яко много может молитва праведнича ко благосердию Владыки, аще и о грешных людех приносима бывает: не оставите убо нас, унылых и недостойных чад ваших (*имена*), ихже грех ради паства ваша, вами собранная, враждою разделяема и соблазны от иноверных прельщаема, умалися, овцы же ея словенския разсеяваемы от волков мысленных восхищаются: дадите нам, молитвами вашими, о православии ревность, да ею возгреваемы, отеческая предания добре сохраним, уставы и обычаи церковныя верно соблюдати потщимся, всяких лжеучений странных отбежим, и тако в житии Богоугоднем на земли преспевающе, жизни райския на небеси сподобимся, и тамо с вами вкупе Владыку всех, в Троице единого Бога, прославим во веки веков. Аминь.

Духовный Собеседникъ

2016 №3 (83)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Сызранский

Редакционный совет:

Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Диакон Алексей Подмарицын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:

Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Галина Гражданкина – набор
Анна Чупракова – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛИТВА СВЯТЫМ РАВНОАПОСТОЛЬНЫМ

МЕФОДИЮ и КИРИЛЛУ 1

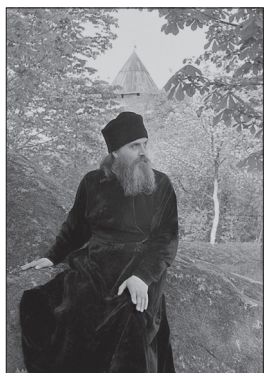
СЛОВО ПАТРИАРХА

Доклад Святейшего Патриарха Кирилла
на учредительном собрании Общества
русской словесности 4

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ

Епископ Петр (Екатериновский)
Качества и условия благоуспешности молитвы 8

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

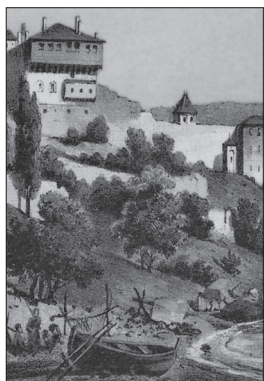

Митрополит Мануил (Лемешевский)
«Поминайте наставников ваших» 20
«Пастырь по призванию»
Воспоминания об архимандрите
Алипии (Воронове) 32

В СВЕТЕ ИСТИНЫ

Митрополит Нектарий (Пападакис)
Отеческие напоминания и увещания 70

АРХИВ

Петр Саломон
Очерк о заграничном путешествии 96

ТРИБУНА РУССКОЙ МЫСЛИ

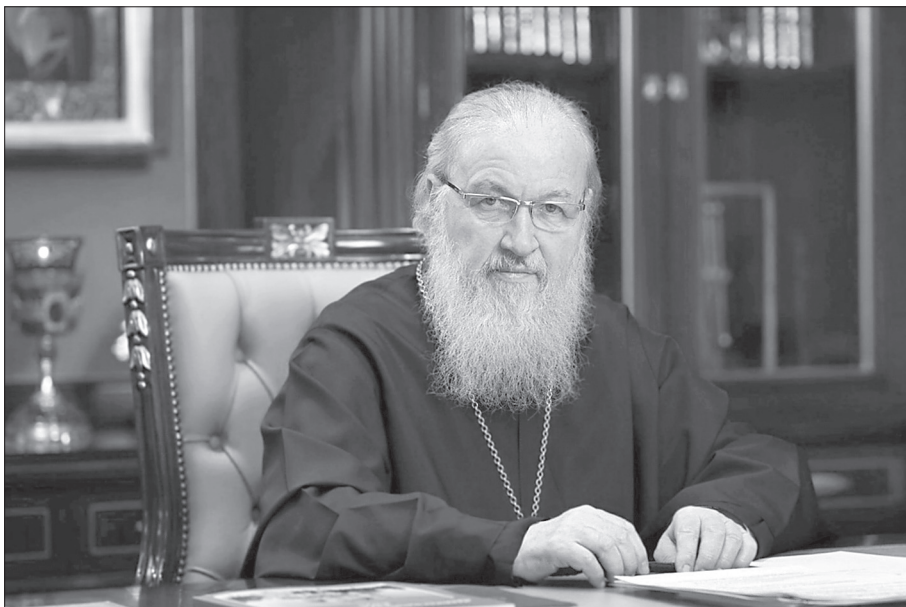
Константин Леонтьев
Как надо понимать сближение с народом? 120

СВЯТАЯ РУСЬ

Протоиерей Евгений Зеленцов
Сорочинский храм 134

ДОКЛАД СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА

НА УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ
ОБЩЕСТВА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Мы собрались сегодня, чтобы объединить наши усилия в сохранении едва ли не самых важных сегментов национального достояния – литературы и русского языка, которые являются надежным фундаментом для успешного развития России не только в XXI веке, но, если Бог благословит человеческую историю, на многие века вперед. Конечно, и русский язык, и литературу следует воспринимать как важнейшие элементы системы отечественного образования.

Традиционная русская школа – неотъемлемая часть российской цивилизации, основным формирующим началом которой исторически является духовно-нравственный критерий, духовно-нравственный базис. Как Предстоятель Церкви не могу не отметить, что наша цивилизация во многом выросла из христианского понимания сущности бытия, из православной веры, воспитывающей ту красоту народной души, которая за-

печатлена в русской литературе и искусстве. Воспитание любви к добродетельной жизни с самого раннего детства полагалось в основу педагогики. Удивительно – добродетельная жизнь как неперемное условие формирования личности! Согласие духовных принципов воспитания в семье и школе являлось залогом успешного нравственного воспитания подрастающего поколения, ведь не было никакого противопоставления – чему учили в школе, тому учили и дома.

Отечественное образование предполагало развитие, как говорили в старину, «разума и способностей души» при помощи, с одной стороны, точных наук, особе выделяя математику, а с другой – русского языка, классической литературы, истории, древних и новых языков, Закона Божиего. Все это формировало здоровое национальное самосознание, высокий уровень нравственности и, как результат, верность своей Родине.

Подобные объединения существовали в России и раньше. В 1811 году в России было образовано Общество любителей российской словесности, поставившее целью «способствовать успехам отечественной словесности как главному средству к распространению просвещения». На заседаниях Общества представляли свои первые опыты Ф.И. Тютчев и А.И. Полежаев. Один из учредителей Общества Василий Львович Пушкин читал на заседаниях стихи своего племянника Александра. Усилиями Общества, объединившего ученых и литераторов, государственных и общественных деятелей, за 119 лет его существования были опубликованы тысячи выдающихся произведений русских литературных критиков и языковедов, отечественное филологическое образование стало одним из самых успешных в мире, а глубокое изучение лучших произведений русской литературы прочно вошло в школьное образование. Вот замечательный пример общественной инициативы и развития школы как государственной институции. Именно благодаря этому, несмотря на все испытания и перемены, постигшие российское общество в советский период, удалось сохранить и развить высочайшую культуру и не утратить преемство с тысячелетней национальной традицией.

Отечественная школа советского периода, испытав отделение от Церкви, пережила внедрение «классового подхода» к образованию, разного рода «лабораторных методов» обучения, о которых мне с ужасом рассказывала мама. Насколько я помню, речь шла о том, что к урокам готовится не каждый в отдельности, а «лабораторно», то есть все вместе. Значит, кто-то расставлял запятые, а кто-то в это время голубей гонял или занимался другими важными делами. В результате кто-то что-то знал, а в общем, поколение, которое училось в школах в 20-х – начале 30-х годов, было безграмотным, в том числе литературно безграмотным. Однако в

предвоенные годы вернулись к дореволюционной традиции обучения, по крайней мере, сделали решительные шаги. Вновь стали утверждаться принципы научности и системности в образовании, ориентация на гармонически развитую личность. Советская средняя школа стала структурно соответствовать императорской гимназии, заимствовав от нее многое, в том числе полноту преподавания общеобразовательных дисциплин.

Любой советский школьник мог легко прочесть наизусть письмо Татьяны, отрывок из «Бородино», процитировать Грибоедова, Достоевского, Некрасова, Толстого, Горького, в чем я недавно убедился, прогуливаясь по набережной Магелланова пролива перед поездкой в Антарктиду и общаясь с членами делегации. Мы наперебой цитировали «Песню о буревестнике» – все-таки что-то осталось даже у пожилых людей с тех самых лет школьного обучения. Читая эти произведения, осмысливая их, дети познавали мир, у них формировались представления о добре и зле, о правде и лжи, о порядочности и преступности, усваивался опыт предыдущих поколений, развивалась культура речи и мышления, обретался художественный вкус; наконец, они приобщались к национальной истории.

В России на литературу традиционно возлагалась особо высокая миссия в области интеллектуального, эстетического и духовно-нравственного развития личности. Наши предшественники понимали, что родной язык и литература участвуют в формировании культурной самоидентификации личности, обеспечивают связь с историей родного народа, с предыдущими поколениями. Без этой связи разрушается культурная, а значит, ценностная преемственность. Ведь народ – это общность людей, но не только живущих, но и общность поколений настоящих и прошедших. Понятие «народ» объединяет людей как по горизонтали – ныне живущих, так и по исторической вертикали.

Сказанное верно, но не только по отношению к русскому языку и литературе, но и вообще по отношению к школе как понятию и институции.

Не скрою, что меня беспокоит растущее количество обращений самых разных людей – родителей и учителей, деятелей культуры и ученых, которые бьют тревогу в связи с резким падением знаний школьников, особенно в области литературы и русского языка. Стремительно снижается грамотность – чтобы убедиться в этом, достаточно почитать записи в соцсетях. Мы с радостью приветствуем возвращение в школу практики написания сочинений, однако назвать радужным положение в образовании пока не можем. Мы перестали быть, как я уже сказал, одной из самых читающих стран, и балл ЕГЭ по русскому языку снижен.

О чем это свидетельствует и какие последствия это может иметь? Безусловно, школьник, не знающий свой язык и не приобщающийся к наци-

ональной культуре и, в первую очередь, к литературе, отрывается от своих корней. Ему сложнее осознать и тем более чувствовать сопричастность по той самой исторической вертикали со своим народом, с великими событиями прошлого, разделять нравственные, духовные и культурные идеалы с национальными героями и выдающимися личностями.

Современное общество привыкло говорить, что молодое поколение индивидуалистично, прагматично, плохо владеет словом, не любит читать. Мне приходится общаться с молодыми людьми, и я вижу, как разгораются их глаза, когда говоришь о примерах из прошлого, в том числе о литературных примерах, когда они вдруг узнают то, о чем, к сожалению, не узнали в школе. Живой интерес ко всему этому есть, а иначе и быть не может. Мы не должны исключать того, что генетическая наследственность переносит не только физические или умственные потенции, но и склонности и даже идеалы, сформированные предыдущими поколениями. Так что же нужно сделать, чтобы открыть эти потенции? Нужно помочь детям, и, думаю, очень важно, чтобы эта помощь началась со школы, в том числе с выработки серьезного подхода к преподаванию русского языка и литературы.

Полагаю, что создаваемое Общество, состоящее, в том числе, из известных специалистов в области русского языка и литературы, сможет внести свой вклад в решение задач, которые стоят перед школой в области преподавания этих дисциплин. Известно, что сегодня для общественного обсуждения предлагаются некие идеи, которые имеют как своих сторонников, так и противников. Хорошо, что предлагаются разные идеи, но очень важно, чтобы было некое место, достаточно нейтральное и благожелательное, для обеспечения компетентной и уважительной дискуссии, с тем чтобы можно было выйти на решения, которые соответствуют чаяниям многих людей, на решения, которые реально помогут нашей школе преодолеть несомненный кризис и выйти на тот уровень преподавания русского языка и литературы, который будет во многом содействовать не просто возрождению, но и дальнейшему поступательному развитию нашей культуры и что, может быть, самое важное, поступательному нравственному, духовному развитию личности, чтобы будущие поколения россиян были способны отличать добро от зла, правду от кривды, порядочность от преступности, чтобы они были способны построить мирную, справедливую и процветающую страну. И да поможет нам в этом Бог.

9 марта 2016 г.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЕПИСКОПА ПЕТРА (ЕКАТЕРИНОВСКОГО)

*Ибо видели очи мои
спасение Твое (Лк. 2, 30).*

Наряду с именами духовных писателей и святителей, с которыми связан расцвет русской духовности в XIX веке – свт. Филарета (Дроздова), свт. Игнатия (Брянчанинова), свт. Феофана (Говорова), Затворника Вышенского – стоит имя епископа Петра (Екатериновского), их современника и сороботника на ниве духовной, ныне незаслуженно забытое. Книгу святителя Петра «Указание пути к спасению» современники

ставили в один ряд с сочинениями «Путь ко спасению» еп. Феофана Затворника и «Невидимая брань» Никодима Святогорца как настольную книгу и для пастырей, и для мирян.

Епископ Петр (в миру Феодор Екатериновский) родился в 1820 году в Саратовской губернии в семье священника. После окончания Саратовской семинарии поступил в Московскую Духовную академию, где в первый же год обучения, в 1841 году, принял монашеский постриг с именем Петр. Уже через неделю после пострига он был рукоположен во иеродиакона, а летом 1844 года – во иеромонаха. В том же году иеромонах Петр окончил Духовную академию и был назначен преподавателем Священного Писания в Иркутскую семинарию.

В Иркутске будущий святитель провел тринадцать лет своей жизни. В 1845 году иеромонах Петр стал инспектором семинарии, в 1852 был возведен в сан архимандрита, а еще через три года назначен на должность ректора. Однако, неся бремя преподавания и управления семинарией, архимандрит Петр не оставлял подвига внутреннего мо-

нашеского делания, что в немалой степени определило его дальнейшие труды на поприще духовного писателя.

В 1856 году в Москве впервые издается книга архимандрита Петра «О монашестве», начало работы над которой было положено еще во время учебы в академии, а возвращаться к ней святитель будет на протяжении многих лет. Изучив и проанализировав святоотеческую литературу, архимандрит Петр приводит здесь множество примеров аскетического опыта, свидетельствующих о разнообразных трудностях и искушениях на пути иноческой жизни. Он также указывает на необходимость и пользу старческого руководства, говоря об этом в ту пору, когда у старчества еще было много противников: «Кто решится идти в дальний, незнакомый и опасный путь один без проводника или не получив нужных сведений от людей, проходивших им? А путь христианской жизни самый длинный, самый трудный и опасный по причине множества распутий, на которых легко можно заблудиться, по причине многих затруднений и наветов врагов»¹.

Двадцать девятого марта 1859 года состоялась хиротония архимандрита Петра во епископа Новоархангельского, викария Камчатской епархии. Эту кафедру он возглавлял в течение семи лет. В 1866 году преосвященный Петр был назначен епископом Якутским. В 1867 – 1869 годах по собственному прошению пребывал на покое во вверенном в его управление Новоиерусалимском Воскресенском монастыре. В 1869 году получил назначение на Уфимскую кафедру, а с ноября 1876 по июль 1883 был епископом Томским и Семипалатинским.

Во время своего архипастырского служения преосвященный Петр много потрудился на ниве апостольской, распространяя и утверждая христианскую веру среди язычников. А при управлении Уфимской епархией ему пришлось еще бороться с насаждающимся магометанством, которое, как свидетельствуют пастыри-миссионеры того времени, лучше прививалось к язычникам, нежели Православие. Зная о всех трудностях, с которыми сталкивались православные священники вверенных ему епархий, и о том, что зачастую доброе семя, брошенное в души людей, засыхало или расхищалось, епископ Петр усердно молился о своей пастве. Однажды после доклада пастыря о печальных явлениях, происходящих среди новокрещенных его прихода, владыка Петр, молча выслушав, произнес: «Их может исправить и на путь наставить только Сам Христос».

¹ Петр (Екатериновский), еп. Указание к спасению. М.: Изд-во Срегенского м-ря, 2001. С. 25.

В 1883 году преосвященный Петр был снова уволен на покой, избрав местом своего пребывания Оптину пустынь. Здесь он провел два года, которые пришлось на время настоятельства архимандрита Исаакия и старчества прп. Амвросия. Архимандрит Исаакий, рассказывая впоследствии о пребывании владыки в обители, удивлялся его глубокому смирению, в особенности, когда перед совершением богослужения преосвященный приходил к нему за благословением.

В 1885 году епископ Петр был переведен в Московский Заиконоспасский монастырь, пожертвовав в пользу Оптиной обители все свои сочинения. Через полгода преосвященный получил назначение на управление Новоспасским монастырем, где прожил четыре года, вплоть до своей кончины в 1889 году.

Кротость, нелицемерная любовь к ближним и истинная духовная мудрость отличали преосвященного Петра и стяжали ему искреннюю любовь среди жителей Москвы. Кроме забот по управлению монастырем, он окормлял духовно священников многих московских храмов, обращавшихся к нему за советом, и мирян. Особенно его почитали бедные люди, которым владыка щедро благотворил.

Кончина епископа Петра последовала через тридцать лет после его епископской хиротонии 27 мая в субботу, накануне дня Святой Троицы. Весть о внезапной кончине архипастыря быстро разнеслась по всей Москве, и со всех окраин потекли толпы народа, чтобы отдать последний долг любимому владыке.

Погребен преосвященный Петр в склепе под алтарем монастырского собора рядом с могилой его предшественника по управлению монастырем, преосвященного Порфирия (Успенского).

Среди трудов епископа Петра, кроме наиболее известных «Указания пути к спасению» и «О монашестве», книги: «Поучение о вредных следствиях пьянства и распутства», «Наставление и утешение в скорби», «Поучение о причащении Святых Таин», «Поучение перед исповедью», «Поучение о покаянии», «Объяснение из книги святого пророка Исаии» и другие. И хотя все они были написаны более ста лет назад, их значение для современного читателя нисколько не уменьшилось. В наше время, когда оскуде преподобный¹, они дают нам возможность почерпнуть бесценный духовный опыт из богатейшей сокровищницы духовно-го наследия XIX века.

¹ Пс. 11, 2.

КАЧЕСТВА И УСЛОВИЯ БЛАГОУСПЕШНОСТИ МОЛИТВЫ

Из самого понятия о молитве как о возношении ума и сердца к Богу с прошением душеполезных благ или с изливанием чувств благодарности, славословия, видно, что молитва должна быть умственная и сердечная, то есть должна совершаться с сознанием того, о чем и как молиться, с сознанием нужды или долга молитвы. Необходимо, чтобы и сердце участвовало в молитве. Например, когда молимся о прощении грехов наших, то ум должен ясно представлять их тяжесть, противность Богу, губительные последствия, и в то же время сердцем надобно сокрушаться о совершенных грехах. Или когда воссылаем благодарение Богу за ниспосланные нам блага или благодеяния, то не только умом надобно оценивать важность их для нас, но и сердце должно преисполняться чувствами благодарности и любви к благодеющему Богу. Иначе одни мысли или представления ума без участия сердца не будут иметь никакой жизненности и как мимолетные птицы пролетят над сознанием, не оставив в душе глубоких следов по себе, не обратятся в пищу души для укрепления в добре и образования нравственного характера. Скорбь сердца о грехах, как противоядие, сильнее может парализовать греховную сладость, подавить страсти и сообщить воле более твердости для противодействия греховным искушениям.

Бог есть Дух, и поклонение или служение Ему должно быть по преимуществу *в духе и истине* (Ин. 4, 24) – духовное; потому и молитва может совершаться одним умом с участием сердца, без выражения словами и внешними знаками, в которых Бог как сердцеведец не нуждается¹. Однако же и устная молитва не только не излишняя, но и полезна, даже нужна, сообразна с устройством нашей природы. Живые представления, особенно пламенные чувствования, невольно выражаются в словах, восклицаниях и других действиях, например, поклонах и т. п. Самые мысли и чувства, выражаемые в словах и действиях, имеют больше существенности, жизнен-

Печатается по: *Петр (Екатериновский), еп.* Указание к спасению. М., 1883.

¹ См. Мф. 15, 9; 6, 7; Пс. 37, 10.

ности, плодотворности, глубже проникают в душу. Необходимость устной молитвы подтверждается и примером Спасителя, Который даже преподавал Своим ученикам образец молитвы *Отче наш*¹. Апостолы и все великие подвижники благочестия вместе с умственной молитвой соединяли и устную, которая также необходима в общественном богослужении для назидания других. Для духовного руководства было написано много прекрасных молитв на разные случаи и потребности жизни. Особенно нужны образцы устной молитвы для новичков, неопытных в духовной жизни, не привыкших к сосредоточению мыслей, к отвлеченным размышлениям, которые не знают, о чем и как молиться. Святые отцы-подвижники, очищенные долгими подвигами самоотвержения, наученные и просвещенные благодатью Божиею, лучше понимали немощи нашей природы и духовные нужды, лучше умели составить ... такие молитвы, в которых воплощаются светлые мысли и сильные чувства, излившиеся из их ума, просвещенного благодатью, и из сердца, согретого любовью к Богу. И потому эти молитвы силой выражений, живостью, горячностью чувств невольно трогают, возбуждают соответственные чувства в душе читающего их со вниманием. Потому святая Церковь и узаконила читать эти молитвы в определенные времена, а для всех послушных сынов Церкви чтение этих молитв составляет теперь не только образец и пособие к духовной молитве, но и священную обязанность. Для большего возбуждения духа к молитвенным воздыханиям, для более глубокого и продолжительного впечатления молитвенных чувств в сердце, для сообщения им большей живости святые отцы положили за правило полагать малые и большие, то есть до земли, поклоны на молитве. Об этом святой Исаак Сирин говорит, что «всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется за одно с недоношенным плодом чрева, потому что такая молитва не имеет в себе души»². Кто не читает составленных святыми отцами молитв, а думает довольствоваться одной своей умственной молитвой и не кладет поклонов как выражения смирения, покорности, преданности Богу, тот мало-помалу хладеет к молитве, наконец вовсе отвыкает от нее, не молится и живет одной чувственной жизнью, как животное.

¹ См. Мф. 6, 9 – 13.

² Исаак Сирин, св. Слова подвижнические. Слово 11. М.: Правило веры, 1993. С. 52.

Но по причине того, что устная молитва есть только выражение благочестивых мыслей и чувствований по отношению к Богу, то она должна происходить из сердца, а иначе она и не будет молитвой. Потому надобно опасаться, чтобы не считать молитвой одно произношение слов, которым ум не внимает и сердце не сочувствует. Хотя известные образцы молитв, каноны много способствуют к возбуждению и питанию наших благочестивых мыслей и чувств, но этим формулам нельзя присваивать особенной силы, как будто одно механическое произношение этих слов может произвести желаемое действие. Ошибаются те, которые всю важность приписывают прочтыванию многих молитв, канонов, акафистов, которым ни ум не внимает, ни сердце не сочувствует. Одно механическое лепетание уст – напрасный труд. Услышит ли Бог ту молитву, которой не внимает сам перечитывающий ее? Бывает, что такие люди, ежедневно прочитывая много молитв без участия сердца, уже считают себя благочестивыми, набожными, и уничижают других, хотя сами по нравам ничуть не лучше их. Это все равно, как дитяти или слабоумному дать меч для отражения зверей или врагов, а он этим мечом сам себя ранит и доброе орудие обращает себе во вред. Правда, сначала трудно иметь чистую молитву со вниманием, не развлекаемым сторонними помыслами, – часто и великие подвижники подвергались расхищению помыслов на молитве. Непроизвольное развлечение помыслами, особенно когда оно происходит по влиянию врагов, не вменяется во грех, а только уменьшает плоды молитвы. Но произвольное развлечение бывает не без греха и делает молитвенный труд напрасным. В таком случае надобно по возможности устранять причины к развлечению помыслов и надлежащим образом приготовляться к молитве. Причиной развлечения внимания и рассеяния мыслей бывают: привычка жить только внешней жизнью; чрезмерные заботы о житейских нуждах, земных вещах; неохота углубляться в себя, непривычка к отвлеченным размышлениям, неохранение чувств зрения, слуха, излишнее любопытство знать все современные события; продолжительные, бесполезные разговоры, особенно шуточные, смехотворные, а еще больше – развлечение суетными увеселениями, забавами, вообще рассеянная жизнь. Нет сомнения, что главный виновник развлечения внимания есть диавол, который, завидуя счастью христианина приближаться к Богу, соединяться с Ним духом в молитве, вся-

чески старается развлечь наше внимание: влагает нам сначала добрые, благовидные помыслы, и если мы охотно их примем, то за ними насильно навязывает худые, страстные. Готовящихся же к совершению богослужения часто возбуждает даже на гнев то напоминанием об оскорблениях, то подсылая какого-нибудь человека с пустым делом, чтобы помешать молитве и вызвать тем самым гнев. Кто хочет помолиться с неразвлекаемым вниманием и с пользой для души, тот должен по возможности устранять вышесказанные препятствия. Для чего перед совершением молитвы полезно почитать Священное Писание, писания святых отцов, особенно поучительные. Чтение назидательных книг, по отзывам опытных подвижников, успокаивает мятущийся ум и собирает рассеянные мысли. Некоторые подвижники неопытным в духовной жизни, не привыкшим к сосредоточению мыслей, к внимательному размышлению и умственной молитве, предлагают такой способ к собранию мыслей: сесть в уединенном месте, оставить все заботы и помышления, затем вместе с дыханием вводить ум в сердце, удерживая его там, и творить молитву Иисусову, но не часто повторять эту молитву, чтобы через частое перебирание слов опять не развлекалось внимание.

Чтобы мысли наши не рассеивались, нужно молиться от сердца, то есть сознавать и чувствовать, о чем хотим просить Бога. Представляя Его всеприсутствие, нужно с сокрушением сердца о грехах умолять Его о прощении и ниспослании нам помощи. Если читаем готовые молитвы, нужно вникать в смысл каждого слова. Если что прочитано без внимания, то надобно повторять раз и два, стараясь прочитать с вниманием. Если во время молитвы враг всевает сторонние помыслы, то, хотя бы они были и добрые, надобно тотчас отвергать их, иначе за добрыми помыслами враг будет по обычаю влагать и худые, и мы, добровольно принявши добрые помыслы, поневоле примем и худые, страстные. Отвергая сторонние помыслы, не обращая на них внимания, надобно с усиленным вниманием продолжать и повторять молитву. Гордый диавол, если заметит, что презираем его внушения, скорее отойдет от нас. Если же худые помыслы навязчиво пристают к нам, то, оставив чтение молитвы, надо помолиться Богу против помыслов, чтобы Он прогнал их от нас. Если и молитва против помыслов не помогает, то это, верно, попущение Божие за наше нерадение или духовную гордость и

осуждение других. В таком случае надобно смириться и быть усерднее, и не оставлять молитвы, сказав себе: «Лучше постою на молитве перед Богом столбом или статуей, а не отступлю от служения Господу. Может быть, Он, увидев мое смирение, умилосердится надо мною и избавит меня от бесов и всеваемых ими помыслов».

Для благоуспешности молитвы нужно, чтобы она была соединена со смирением и благоговением пред Богом, сознанием, с одной стороны, своего ничтожества, своих недостатков, немощей, греховности, а с другой стороны, с сознанием беспредельного величия Божия, высочайшей святости Его, перед которой благоговеют херувимы и серафимы.

Святой Исаак Сирий говорит, что кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом¹. *Очи Господни обращены на праведников, и уши Его – к воплю их* (Пс. 33, 16). «Молитва смиренномудрого как бы прямо из уст в уши»². *Бог гордым противится, а только смиренным дает благодать* (1 Пет. 5, 5; Притч. 3, 34). Бог с благоволением взирает только на смиренного, сокрушенного сердцем и благоговеющего перед Его словом³. Пример этого – смиренный мытарь и гордый фарисей⁴.

Молитва должна быть усердной, с сознанием нужды в том, о чем просим, неотступна, как просьба евангельской вдовицы, которая умоляла судью защитить ее от соперника⁵. Впрочем, молитва должна быть соединена с совершенной преданностью воле Божией, как Сам Спаситель молился: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26, 39). Если Бог долго не слушает нашей молитвы, не исполняет нашего прошения, не должно унывать, ослабевать в молитвенном усердии, по тому убеждению, что Бог это делает или по требованию правосудия, или по Своей благодати для нашей же пользы. Бог долго или вовсе не исполняет наши молитвы по следующим причинам. Когда просим недоброго – того, чего не должно просить, потому что тот, кто просит злого, оскорбляет Бога, как бы желая сделать Его виновником зла. Не получаем, когда просим чего либо хотя не худого, но для худой

¹ Исаак Сирий, св. Указ. соч. Слово 55. С. 255.

² Там же. Слово 58. С. 316.

³ См. Ис. 66, 2.

⁴ См. Лк. 18, 10 – 14.

⁵ См. Лк. 18, 2 – 8.

цели¹. Не получаем, когда сами бываем худы, недостойны просимого, потому что *грешников Бог не слушает* (Ин. 9, 31). Не получаем, когда просим без веры или с сомнением². Не получаем, когда просимое хотя бы и не было худо, даже было бы добро, но препятствует большему добру и без нарушения славы Божией не может исполниться. Иногда не получаем потому, что Бог хочет, чтобы мы часто просили, как это объясняется на примере двух притч³. Чего мы долго желаем, то с большим удовольствием принимаем, а скоро полученное не много ценится. Блаженный Августин говорит, что Бог бережет для тебя то, чего не хочет дать скоро, чтобы ты научился желать и ценить великое. Иногда же мы не получаем просимого, чтобы получить лучшее, нежели то, чего просим.

Если просишь чего у Бога, говорит святой Исаак Сирин, и Он медлит услышать тебя вскоре, не печалься, потому что ты не премудрее Бога. Бывает же это с тобой или потому, что недостойн ты получить просимое, или потому, что пути сердца твоего не соответствуют и даже противны прошениям твоим, или потому, что ты не пришел еще в духовную меру, чтобы принять дарование, которого просишь. Ибо не должно нам прежде времени касаться великих мер, чтобы дарование Божие от скорости принятия оно не сделалось бесполезным, ибо легко полученное скоро и утрачивается, все же приобретенное с сердечною болезнью и хранится с осторожностью.

Преподобный Нил говорит, что не надобно скорбеть, когда не скоро получаешь от Бога просимое, потому что этим промедлением Он хочет оказать тебе большее благо. Бог хочет больше облагодетельствовать тебя, когда ты докучаешь Ему в молитве. Ибо что может быть выше, чем то, как собеседовать с Богом и духом соединяться с Ним в своих молитвах. Потому не проси, чтобы все было по твоему желанию, но во всяком деле говори: «Да будет во мне воля Твоя». Ибо Он хочет доброго, полезного душе твоей, а ты не всегда этого ищешь. А кто хочет, чтобы все было по его желанию, тот сам не знает, куда идет, как слепой.

Надобно чаще молиться как для того, чтобы научиться молиться лучше, так и для того, чтобы сделать себя более способным и до-

¹ См. Иак. 4, 3.

² См. Иак. 1, 5 – 7.

³ См. Лк. 11, 8; 18, 3 – 8.

стойным просимых даров или благ. Правда, молитва – труд весьма тяжелый для плотского человека, и тяжесть эта увеличивается особенно от пресыщения пищей, от множества житейских забот, от развлечения мирскими увеселениями и вообще от пороков, а больше всего от погружения в чувственные удовольствия. Пост, уединение, целомудрие, спокойствие духа, собранность мыслей много облегчают молитвенный труд, к которому, впрочем, сначала надобно себя принуждать, а потом привычка сделает его легким, даже приятным.

Как часто надобно молиться? Этот вопрос не касается тех молитв, которые по предписанию Бога и святой Церкви должны совершаться в определенные времена, например, в праздники либо во время гонения, – это непрременный долг всякого христианина. Говорится здесь о молитве как о добровольном средстве к преуспению в духовном совершенстве. О такой молитве надобно сказать: чем чаще молиться – по возможности, без опущения других своих обязанностей, – тем лучше. Святой Давид при всем множестве дел по управлению царством семикратно в день славил Бога: молился утром, в полдень, вечером, ночью, в полночь, перед рассветом¹. И ныне сложился благочестивый обычай молиться утром после сна, вечером перед сном, каждый раз прежде и после вкушения пищи. Святой Иоанн Златоуст усердной молитве в полночь присвоит особенную важность потому, что в полночь, когда вся вещественная природа погружается в лоно покоя, и наша чувственная природа замолкает, меньше противодействуя духу, а всеобщая тишина, безмолвие и ночная темнота способствуют сосредоточению мыслей, глубокому погружению ума в благоговейное размышление о Боге. Потому тогда душа бывает чище, и ум легче возносится к Богу в молитве.

А так как мы всегда и во всем зависим от Бога, постоянно имеем нужду в Его помощи для подкрепления наших немощей и восполнения недостатков, имеем нужду в разных благах, необходимых для души и тела, часто прогневаем Его своими грехами, то, не ограничиваясь известными временами молитвы, постоянно должны молить Бога о помощи, о ниспослании душевных и телесных благ, о прощении грехов, а преимущественно, когда в том настоят надобность, благодарить Его за ниспосланные нам милости, бла-

¹ См. Пс. 54, 18; 118, 55, 164; 62, 7.

годения, прославлять Его благость и прочее. Апостол повелевает даже непрестанно молиться¹. Это не значит, что постоянно надобно стоять и перечитывать молитвы, но нужно постоянно иметь молитвенное расположение духа, не выпускать из сознания мысли о вседеприсутствии Божиим, о нашей зависимости от Бога во всем, и при всяком случае обращаться к Нему умом и сердцем с прошением Его благословения и помощи для всякого начинания, совершения любого важного дела, с прошением благ, необходимых для жизни, с благодарением за уже ниспосланные благодеяния, с прошением прощения грехов, которыми часто оскорбляем Бога, и избавления от искушений, напастей и от всех наветов вражиих. Так приобретается постоянное памятование Бога, или богомыслие. Когда ешь, говорит святой Златоуст, помышляй о Божественном вседеприсутствии, когда намереваешься лечь спать, разгневаешься, предаешься утехам и что бы ты ни делал, – помышляй, о присутствии Божиим². Сюда же относятся краткие молитвы, особенно молитва Иисусова, сердечные воздыхания; только надобно опасаться, чтобы набожные воздыхания не обратились в пустое механическое повторение и не сопровождалось тщеславием и лицемерием. Такие краткие молитвы некоторые предпочитают чтению молитв продолжительных по их удобству и легкости. Они неуютительны, их легко и удобно совершать во всякое время и во всяком месте. Кратким молитвам никакое дело не препятствует, и они никакому делу не мешают, напротив, еще освящают и возвышают его достоинство. Всякий случай, когда что видим, слышим, пользуемся какими-либо дарами Божиими, опасаемся или избавляемся от искушений и бед – все подает повод или предмет молитвы, славословия, благодарения Бога. От продолжительного чтения многословных молитв иногда приходит утомление внимания, развлечение мыслей по многим посторонним предметам, ослабление усердия – подобно тому, как от большого количества горючего материала огонь вдруг вспыхивает большим пламенем, а потом скоро угасает. Если же горючее хотя понемногу, но часто подкладывает, то огонь не угаснет и жар постоянно будет поддерживаться. Так и от кратких, но частых молитв сердечный жар и усердие стремления к Богу постоянно поддерживаются. Преподобный Кассиан говорит, что подвижники со-

¹ См.: 1 Фес. 5, 17; Кол. 4, 2.

² *Иоанн Златоуст, свт.* Полное собрание творений. В 12 т. М., 2006. Т. 11. Ч. 1. С. 288.

ветуют совершать молитвы чаще, хотя и краткие, чтобы через частовременные молитвы пребыть в непрестанном союзе с Богом, а через их краткость избежать стрел диавола, нападающего на нас во время молитвы.

Все святые подвижники благочестия во все времена полагали почитание Пресвятой Девы Богородицы и призывание Ее в помощь действительнейшим пособием к достижению совершенства. Она как близкая к сердцу Сына Своего имеет большое дерзновение к Богу, ходатайство Ее имеет большую силу и успех, и как сердобольная Мать и особенная покровительница нравственной чистоты, Она всегда оказывала скорую помощь притекавшим под Ее покров.

Особенную важность имеет также почитание и призывание в помощь своего Ангела-хранителя. Если постоянно будем помнить, что Ангел-хранитель всегда находится при нас, видит не только наши дела, но и мысли, желания, намерения, то это побудит нас больше стыдиться грешить, иметь большую ревность к добродетели. У нас будет больше бодрости в преодолении искушений или в восстании от совершенных грехопадений, если будем призывать его на помощь, будучи уверены, что это составит для него радость, ибо Ангелы радуются *и об одном грешнике кающемся* (Лк. 15, 10).

Также особенно полезно призывать в помощь тех святых, которых имена мы приняли на себя во святом Крещении и которые с того времени становятся особенными нашими покровителями. Хорошо призывать и тех святых, которых состояние было ближе к нашему теперешнему состоянию и добродетелям которых мы удобнее можем подражать, следуя их примеру, и за то удостаиваться большего их благоволения и покровительства.

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ»

АРХИВ МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕСШЕВСКОГО)

АРХИМАНДРИТ ПАНТЕЛЕИМОН

Сглубокой благодарностью возвращаю воспоминания о покойном о. Пантелеимоне. Я не смогла бы так хорошо написать. У меня было бы слишком длинно, субъективно. Были бы, главным образом, личные мои воспоминания и характеристика его как человека, а тут самое важное – его духовный образ, а не душевный. Он был такой удивительно яркий, самобытный, настоящий самородок, и про его детство и первые духовные шаги, может быть, когда-нибудь возможно будет написать, а также про его деятельность в Яблочниковском монастыре, если Вы благословите. Он, вроде бы, с детских лет был связан с афонскими подвижниками и стремился на Афон, побывал также в Богоявленском монастыре¹, стал близок владыке Трифону², узнал наместника монастыря Серафима (Остроумова), ставшего впоследствии архимандритом Серафимом. В этих воспоминаниях проявилась Катя, вся ее чистая душа. Отец Пантелеимон ее очень любил, называл ангелоподобной. Хотелось бы узнать в самых подробных воспоминаниях об о. Пантелеимоне. Они находятся в Орле у схимонахини Веры.

Публикуется впервые. Продолжение. Начало в «ДС» № 1 (81). Воспоминания подготовлены к печати кандидатом исторических наук А. П. Семеновой по материалам архива митрополита Мануила (Лемешевского), предоставленным А. С. Ивановой.

¹ Богоявленский мужской монастырь (метро «Площадь Революции», Богоявленский переулок, 2) основан в Китай-городе в 1296 г. московским князем прп. Даниилом. В 1929 г. был закрыт, в 1991 г. возвращен Церкви.

² Митрополит Трифон (Борис Петрович Туркестанов) (1861 – 1934) – выдающийся иерарх Русской Православной Церкви; принадлежал по рождению к аристократической, культурной и духовной элите российского общества. Его глубоко верующие родители были близки к митрополиту Филарету (Дроздову) и возили к нему на благословение своих детей. В юности Борис Туркестанов посещал старца Варнаву Гефсиманского, который и направил его в Оптину пустынь к старцу Амвросию. Борис Туркестанов, постриженный в монашество с именем св. мч. Трифона, по благословению настоятеля Оптиной поступил в МДА. После окончания академии его назначили ректором Вифанской духовной семинарии (1897) с возведением в сан архимандрита. В 1899 году он был назначен ректором Московской духовной семинарии. В 1901 году 1 июля была совершена в Успенском соборе Кремля его хиротония во епископа. Из Кремля он отбыл в Богоявленский монастырь, назначенный ему для местопребывания как епископу Дмитровскому. [Знакомство митрополита Трифона с иеромонахом Пантелеимоном состоялось, скорее всего, еще в бытность Пантелеимона в Яблочинском монастыре во время пребывания там епископа Трифона в 1906 году. – Ред.]

Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь. Фотография. Конец XIX века

Архимандрит Пантелеимон, в миру Онисим Иванович Филиппов, родился 27 января 1880 года в деревне Тимофеевка Звенигородского уезда Московской губернии. День его Ангела в миру 15 февраля в честь ап. Онисима¹, а в монашестве в честь вмч. Пантелеимона 27 июля по ст. стилю. Родители его, Иван и Параскева – были подмосковными крестьянами. С детства рос он очень слабым ребенком, поэтому и работу с него особенно не требовали. Когда Онисиму исполнился 21 год и его освободили от воинской повинности по слабости здоровья, мать отдала юношу в древний Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь² на Холмщине, так как условия монастырской жизни были для него более благоприятны. Мать привела своего сына к настоятелю монастыря архимандриту Серафиму (Остроумову)³ с просьбой принять его. Насто-

¹ Онисим – апостол от 70-ти, священномученик, память 15 февраля по ст. стилю.

² Яблочинский Св.-Онуфриевский мужской монастырь Холмской епархии на острове реки Бут. Здесь находилась древняя чудотворная икона прп. Онуфрия Великого. В XVII – XVIII вв. монастырь был верным хранителем Православия и обличителем унии.

³ Серафим (Остроумов Михаил Митрофанович; 1880 – 8.12.1937), архиепископ, свя-

*Епископ Серафим (Остроумов).
Фотография. 20-е гг. XX в.*

*Священномученик архиепископ
Серафим (Остроумов). Икона*

ятель, увидев юношу, подумал с недоумением: «Хватит ли у него сил вынести монастырскую жизнь?». Но принял его и при постриге дал ему имя Пантелеимон. Этим архимандрит Серафим как бы поручил Онисима целителю Пантелеимону. Так юноша оказался в Свято-Онуфриевском монастыре. С этих пор Пантелеимон стал мало-помалу поправляться телом и душой. В 1915 году, во время Первой мировой войны, о. Пантелеимону пришлось служить близко от линии фронта, большей частью в селах, но вскоре его возвратили в монастырь и вместе с братией эвакуировали в Москву в Богоявленский монастырь. Из Богоявленского монастыря его перевели на Варнавинское подворье, откуда он и отправился в Орел, так как его духовный отец Серафим (к тому времени уже епископ) был переведен на Орловскую кафедру. С 1918 по 1929 год о. Пантелеимон жил в г. Орле.

Имея домашнее образование, о. Пантелеимон много читал, интересовался всеми мелочами церковной жизни и был постоянно

щенномученик. С 1906 г. наместник Яблочинского Онуфриевского монастыря Холмской епархии, с 1908 г. – архимандрит. С 18.08.1917 г. епископ Орловский и Севский. С 1.11.1927 г. архиепископ Смоленский и Дорогобужский. В 1936 г. арестован, в 1937 г. – расстрелян. Определением Св. Синода 17.07.2001 г. причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских.

при о. Серафиме, который по долгу своей службы вникал во все дела епархии и обладал удивительной способностью собирать вокруг себя верующих, наставляя их в вере и борьбе с неприятностями. Отец Пантелеимон много занимался с детьми, которых очень любил, привлекал их в церковный хор, которым сам и управлял.

Вскороности о. Пантелеимон стал архимандритом, и с тех пор у него началась совсем иная, скитальческая жизнь, так как мужской монастырь¹ был закрыт и о. Пантелеимон с братией перешел в приходскую церковь, откуда в 1922 году [нрзб.]. Таким образом, у него мало оставалось времени для молитв и чтения. В церкви служба шла очень долго, так как о. Пантелеимон сам руководил ею. Он управлял хором и часто по воскресеньям после литургии говорил проповедь. Его проповеди народ слушал с великим вниманием, так как они были глубоки, жизненны и ярко характеризовали тот или иной момент. После таких проповедей народ, духовно подкрепленный, воодушевлялся, и на лицах молящихся светилась радость. Часто можно было слышать, как люди пересказывают его проповедь, чтобы лучше запомнить. В проповедях своих он не только вдохновлял, но и обличал. Одному Богу известны все подвиги и труды о. Пантелеимона.

Отец Пантелеимон просил своих духовных чад не унывать и не отчаиваться ни при каких обстоятельствах, всегда имея в своих сердцах незлобие и всепрощение. Он говорил: «Кто сердится, у того беспокойно на сердце, так как неприязнь к ближнему разъедает его, как рожь. Благодарить Бога нужно всегда, а не только тогда, когда ты в довольствии и здравии. Важно лишь одно, – чтобы душа была взята Богом в вечные обители, где нет печали и вздыхания».

Всегда приветливый, прямой, строгий – даже подчас резкий – о. Пантелеимон поразительно менялся на исповеди. В такой великий момент, как исповедь, особенно выказывалась его природная мягкость, которую он скрывал в обыденной жизни. Как сейчас вижу его у аналоя в полумантии, епитрахили и с четками в руках, с такой лаской выслушивающего исповедуемого! Ему было свойственно великое понимание человеческой души и ее немощей, он желал помочь каждому человеку. Мы знаем, что священник – посредник между Богом и нами, и это особенно сильно чувствовала душа кающегося. Отец Пантелеимон говорил на исповеди: «Надо себя ну-

¹ Свято-Успенский мужской монастырь. Основан в 1679 г. в г. Орле. К концу XIX в. представлял обширный комплекс построек, включавший в себя два собора и три храма. В 1918 году закрыт. В 1992 г. передан Орловско-Ливенской епархии.

Богоявленская церковь г. Орла. Фотография. Начало XX в.

дить к христианской жизни». Эти слова всегда настолько поднимали духовное настроение, что в момент исповеди вдруг почувствуешь, что так грешен, что и на святой Крест страшно от своих беззаконий взглянуть. И в такой момент душа, после слов о. Пантелеимона, как-то особенно старалась воспрянуть, и кающийся чувствовал, что не все потеряно, что, хотя ты и великий грешник перед Богом, но можешь стать христианином, а не другом греха. На исповеди о. Пантелеимон всегда просил, чтобы не забывали бедных. Сам же он, будучи по природе добрым и чутким, много им помогал.

Отец Пантелеимон благоговел перед образом Покрова Божией Матери. Перед этим образом он особенно горячо молился и возносил пред ним все свое упование. С этим образом он никогда не расставался, он был всегда у него в кармане, с ним и пошел в тюрьму. В письмах к духовным чадам о. Пантелеимон писал: «Покров Пречистой да будет с вами...». С необыкновенной любовью относился он к свт. Николаю, особенно после того, как Чудотворец явился ему в тюрьме. Ночью, когда все уснули и в камере было темно, о. Пантелеимон, не успев еще задремать, увидел в маленьком зарешечен-

ном окошечке свт. Николая, который ему возвестил: «Пришел сказать, что тебя освободят». После этого в камере опять стало темно. Действительно, вечером следующего дня о. Пантелеимона освободили. В этот же вечер одна духовная дочь навестила его и принесла иконку свт. Николая, которому усердно молилась за освобождение своего духовного отца. Это совпадение сильно подействовало на о. Пантелеимона.

Трудясь в Богоявленской церкви г. Орла, о. Пантелеимон положил много сил и здоровья, переживая недоброжелательность и оскорбления от общины церковной, которая довела его однажды до того, что он унес все свои вещи и акафисты. Да и духовенство церковное косилось на него за то, что прихожане стремились именно к о. Пантелеимону. Много он перестрадал из-за этого. В письме из ссылки он писал: «Слава Богу, что Господь убрал меня из Орла. Тяжело было бы переносить в дальнейшем то, что я переносил до ссылки».

После тяжких трудов Господь послал ему последнее испытание: 24 ноября 1929 года пришлось покинуть ему свою келейку, а на Вознесение 1930 года, как он сам писал, «мы, при пении кондака праздничного, покинули Орел навсегда». Последние слова кондака «Аз есть с вами...» сильно воодушевляли поющих, как писал сам о. Пантелеимон: «Несмотря ни на какие обстоятельства, чувствуешь, что Он с нами, и я не нахожу большего счастья».

В ссылке о. Пантелеимону пришлось перенести многое, но он всегда благодарил Бога и находился в прекрасном расположении духа. Он писал: «Ведь несмотря на все испытания и злоключения, выпавшие на мою долю, Господь дает мир моему сердцу, и во всех обстоятельствах мне остается только благодарить Его за все». «Мирен сердцем и бодр духом, а впредь да будет воля Господня, которой я всецело предан». Самым тяжелым в ссылке были отъезды о. Пантелеимона далеко от места проживания, из-за чего он не имел возможности обращаться в письмах к духовным чадам. Он писал: «Вы не можете представить себе, как это разобщение с горячо любимыми тяжело отражается на мне. Я считаю это время самым тяжелым».

Недолго пришлось нести этот крест о. Пантелеимону в Усть-Ваенге. Сердце о. Пантелеимона надорвалось от тяжелых условий, стало сильно побаливать. Но работал он всегда с удовольствием и не тяготился делами, не замечая в работе, как идет время. «Сегодня я так увлекся сбором дров в лесу, что не заметил, как прорабо-

тал два часа. Я унесся далеко-далеко от земли мыслями и пришел домой уже поздно».

Последнее время, работая со ссыльным протоиереем на выветривании соломы, он вспотел, а было морозно и ветрено, и его продуло. Придя с работы, о. Пантелеимон почувствовал сильное недомогание и к вечеру слег. Пролежал он шесть дней, а на седьмой протоиерей приобщил его Святых Тайн, так как о. Пантелеимону стало совсем плохо. На десятый день этот же батюшка повез его в больницу. Доктор сказал, что у о. Пантелеимона грипп. Но это оказался сыпной тиф. Отцу Пантелеимону становилось все хуже и хуже, и 27 января / 9 февраля 1932 года он тихо скончался. Протоиерей одел его в чистое белье, подрясник, клобук, в руки положили четки. Хоронили его очень торжественно. Было три протоиерея, много мирян. Пока несли гроб до могилы, все время пели. На могилке отслужили вселенскую панихиду, поставили крест и оградку. Было очень спокойно. На каждый праздник его духовный отец Иоанн на могилке служил панихиду. На двадцатый день после смерти о. Пантелеимона, 15 февраля, на день его Ангела, в Богоявленской церкви Орла отслужили панихиду. Да и в Москве служили: в редкой церкви столицы не было слышно его имени на панихидах и литургии. Это объединило его духовных детей. Все они чувствовали, что о. Пантелеимон помнит их, что его молитвы за них сильны перед Богом.

Е. М.

Декабрь 1932 года

АРХИМАНДРИТ ГЕОРГИЙ

Воспоминания об архимандрите Георгии (Лаврове) оказались в архиве митрополита Мануила (Лемешевского) отнюдь не случайно. Именно ему препоручил о. Георгий своих духовных чад, когда Господу было угодно повести его путем исповедников и новомучеников Российских.

Родился о. Георгий 28 февраля 1868 года в городе Ельце Орловской губернии. Приехал он в шестнадцать лет с родителями в Оптину пустынь и был замечен прп. Амвросием, который и благословил его остаться в монастыре. В Оптиной он пострижен был в 1899 году в монашество с именем Георгий и рукоположен в иеродиакона. Будучи впоследствии игуменом, он получил назначение на должность настоятеля Мещовского Георгиевского монастыря Калужской губернии.

В 1918 году о. Георгия арестовали по ложному обвинению в хранении пулеметов и учинили судилище. Среди лжесвидетелей даже нашелся один еврей по имени Иуда. Отца Георгия приговорили к расстрелу. В камере смертников ему было видение, что он и его союзники останутся живы.

На полустанке, куда их привезли на расстрел, не оказалось палачей-красноармейцев, и поезд проследовал в Москву, где смертников сдали в Таганскую тюрьму. Дело о. Георгия затерялось, а после нового рассмотрения его приговорили к пяти годам заключения.

В тюрьме о. Георгий был поставлен на должность санитаря. Благодаря этой должности о. Георгий имел доступ везде, в том числе и в камеры смертников. Как милосердный самарянин, он обмывал гнойные язвы, врачевал исповедью и причащением и раны душевные. В Таганской тюрьме о. Георгий был благословлен митр. Кириллом (Смирновым) на старчество, так как в нем явно обнаружился дар утешения страждущих. Среди заключенных оказался в то же время и настоятель Данилова монастыря архиепископ Феодор (Поздеевский). Освободившись, он взял о. Георгия к себе на поруки. В 1922 году игумен Георгий был возведен в сан архимандрита Данилова монастыря и получил послушание проводить исповедь. К этому времени, по всей видимости, и относятся воспоминания об о. Георгии (Лаврове).

В 1928 году о. Георгий был арестован по постановлению СОГПУ от 12.05.28 г. и обвинен в том, что «играл роль “старца” в черносотенном Даниловом монастыре». Его приговорили к трем годам ссылки в казахстанский поселок Кара-Тюбе.

В ссылке у о. Георгия открылся рак гортани, но власти тянули с освобождением даже по истечении срока заключения. В 1932 году было получено разрешение вернуться из ссылки без права проживания в Москве и ряде других городов. Будучи уже тяжело больным, отец Георгий приехал в Нижний Новгород, где поселился в домике, окруженном березками, о которых он особенно скучал в песках Кара-Тюбе.

Скончался о. Георгий вскоре после освобождения, 4 июля 1932 года, окруженный духовными чадами, слетевшимися к смертному одру своего отца.

Двадцатого августа 2000 года преподобноисповедник архимандрит Георгий (Лавров) был причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских Архиерейским Собором РПЦ. Его святые мощи обретенны и покоятся в Московском Свято-Даниловом монастыре.

Архимандрит Георгий (Лавров)

...Однажды я пришла к батюшке Георгию в его церковочку¹. Народу не было, только одна старушка, приехавшая откуда-то издалека. Батюшка с кем-то разговаривал в своей церковочке, а мы сидели в коридоре. Наконец дверь отворилась, и старец появился на пороге церкви. Отпустив кого-то от себя, он очень обрадовался, увидев нас. Лицо его просияло, он взял старушку за руку и ввел в церковь, при этом дверь оставил открытой, так что и я стала свидетельницей их радости, которая сообщила и мне. Когда батюшка открыл дверь церкви, я увидела, что моя любимая икона Вилен-

ской Божией Матери² одета в новый бархатный вышитый покров. «Смотри, смотри! – говорил батюшка старушке, в то же время как бы приглашая и меня порадоваться, – смотри на Царицу Небесную! Она Сама, Сама ведь тебя благодарит!» Старушка упала на колени перед батюшкой, а я, взглянув на образ Царицы Небесной, увидела на лике Ее, ставшем совершенно живым, такую улыбку и ра-

¹ «В Даниловом монастыре архимандрит Георгий (Лавров) старчествовал шесть лет. Нередко он принимал посетителей в своей церковочке во имя св. прав. Елизаветы. Там, справа у стены, стоял небольшой диванчик, а слева у алтаря – образ Божией Матери Виленской». Воспоминание А. И. Розановой // У Бога все живы. М.: Даниловский благовестник, 1996. С. 142.

² Виленская Одигитрия икона Божией Матери (празднуется 14 апреля) чудотворная; по преданию, это одна из древнейших икон, написанных при жизни Божией Матери евангелистом Лукой и принесенных в Константинополь из Палестины. В Москву Виленская икона, семейная реликвия византийских императоров, прибыла в 1472 г. с Софьей Палеолог, будущей супругой великого князя московского Иоанна III Васильевича. Московская княжна Елена Иоанновна, вступая в брак с великим князем литовским Александром, взяла с собой в Вильно благословение своих родителей – великого князя Иоанна III Васильевича и Софьи Палеолог – икону Божией Матери. После смерти Елены Иоанновны, согласно заветанию, икона была помещена над ее гробницей в виленском кафедральном православном Успенском соборе. В связи с последовавшими далее историческими событиями, икона несколько раз меняла свое местопребывание. С началом Первой мировой войны правительственные и церковные власти России организовали эвакуацию наиболее древних и ценных православных реликвий в глубь России. В августе 1915 года Виленскую икону вместе с мощами трех Виленских мучеников вывезли в московский Донской монастырь, дальнейшая ее судьба неизвестна.

дось, что сама прониклась тою радостью, которой были охвачены батюшка и старушка.

После этого батюшка закрыл дверь и стал беседовать со старушкой. Из их разговора мне стало понятно, что покров этот Царице Небесной подарила дама, приехавшая откуда-то издалека. Не помню, что именно говорил в этот раз батюшка, но в памяти отчетливо запечатлелось ощущение неземной радости. С тех пор я стала еще сильнее любить и чтить этот образ Божией Матери. В моем представлении Царица Небесная и батюшка были вместе. «Проси Царицу Небесную, Она Сама тебя всему научит!» – говорил батюшка. И верно, когда бы я ни приходила

к нему, он всегда прибегал к этому образу Пресвятой Богородицы: или он покрывал мою голову епитрахилью и служил перед Ней молебен, или читал молитву перед иконой Виленской Божией Матери после службы (ранней обедни) за молебном «К кому возопию, Владычице?». Помню, как сейчас, батюшку, стоящего на коленях перед этой иконой без митры и с благоговением читающего молитву Божией Матери: «К кому прибегну в горести моей?..». В каждом слове батюшки и в голосе его слышалась молитва радости, молитва прощения за весь мир, молитва покорности и смирения перед волей Богородицы и Ее Пречистого Сына. Обращаться прямо, непосредственно к Ней, просто, как дитя к своей матери, учил батюшка своим живым примером.

После батюшкиной смерти и моей ссылки я потеряла слова этой молитвы. И каковы же были мои удивление и радость, когда я получила ее из рук владыки [Мануила] в 1931 или 1932 году [с 1930 по 1933 год владыка Мануил служил в замоскворецком храме слободы Кадашево, где и была отслужена епископом Мануилом панихида по архим. Георгию (Лаврову)]. Но икону я потеряла из виду. Я не знала, где она находится и у кого. И вот ле-

*Преподобноисповедник Георгий (Лавров).
Икона*

Виленская икона Божией Матери

том 1938 года, войдя в комнату Груши с поручением от владыки [с 1936 г. по май 1939 г. владыка Мануил проживал в разных подмосковных местах], в котором, как потом выяснилось, шла речь как раз об устройении пребывания этой иконы Царицы Небесной, я неожиданно нахожу ее. Меня охватила та же неземная радость, которую я пережила когда-то давно в батюшкиной церкви. Снова взглянул на меня, как живой, лик Царицы Небесной, и я ясно ощутил в комнате присутствие батюшкиной души. Я села на тот же самый диван, где в последний раз сидели мы с батюшкой, и передо мной въявь встал образ любящего старца [архимандрита Георгия], и вспомнились давно прошедшие дни...

Как много было сказано мне в ту последнюю встречу! Батюшка давал мне завет на будущую иноческую жизнь. Он говорил о том, какие будут в последние дни монастыри, как должно вести себя – вплоть до одежды. Он говорил о той радости небесной, которую испытают иноки и инокини и которую невозможно сравнить ни с какими благами мира. Он говорил о той простоте жизни, которая способствует безмолвной... [текст не просматривается], что он любит меня... и ...в такой уголок, где отдохнет и успокоится моя душа... Он говорил о простой природе, о темном лесе, зимнем и душистом, о том, что еще есть святые уголки, где люди посвящают себя служению Богу, проводят тихое иноческое житие... Он открывал при мне завесу чудного жития и как бы измерял мои силы... Он как будто бы готовил меня для какого-то дела и любовью скрывал от людского взора... «Пусть никто из людей не знает, деточка, что у нас на душе-то делается», – говорил старец. Он чертил путь, скорбный в глазах людей, – путь оскорблений, обид, унижения, клеветы, насмешек. «Но пусть душа твоя, как свечеч-

ка горит перед Богом! Что все эти лишения по сравнению с наградой от Бога».

Важность поручения владыки [Мануила] Груше и странность самого поручения, вся скорбь прошедшей зимы, клевета, обиды, незаслуженное подозрение даже от тех, кто был мне самым близким, – все вдруг стало мне понятно. Все личное, свое, ушло куда-то вдаль, рассеялось, развеялось, исчезло... Нужно восстановить дух иноческий, соединить в одно – и под руководством Царицы Небесной и Ее верного служак владыченьки продолжать это дело. Я не могла объяснить Груше свое состояние в ту минуту, но чувствовала, что это то, что нужно для всех. Батюшкин дух был невидимо с нами, и Царица Небесная как бы благословила Грушу вступить в маленький монастырь. Та отчужденность, которая замечалась иногда в последние годы, к моей великой скорби, между Владыкой и батюшкой, вдруг куда-то исчезла.

Двенадцатого ноября я была в комнате Груши. Взглянув на лик Царицы Небесной, я заметила в нем грусть и печаль. И в это же самое время Груша говорит мне: «Что-то Царица Небесная такая скучная сегодня!». Вечером Владыка дал занавески для иконы Царицы Небесной, чтобы передать их Груше. Я уехала раньше, и их передала Катя¹. Занавески повесили только пятнадцатого ноября, и мы с Грушей опять увидели, что лик Царицы Небесной засиял радостью. Царица Небесная второй раз при мне благодарила за занавески!

*Е. М.
1938 год*

¹ Екатерина Максимовна Морозова (инокиня Ермиония) – хозяйка домика архимандрита Георгия (Лаврова) на окраине Загорска в районе Красюковки. В этот домик о. Георгий посылал на отдых своих духовных дочерей, работавших в Москве.

ПАСТЫРЬ ПО ПРИЗВАНИЮ

*Кто страхом Божиим ходит,
Тот, между мужами пребывая лукавыми, не боится, –
Страх свой внутри имея
И нося непреборимое оружие веры,
С ним же укрепляется и возмогает все совершать, –
И то, что мнится многим обременительным и невозможным.
Но как некий гигант среди обезьян,
Или лев рыкающий, среди псов и лисиц преходящий,
Вознадеясь на Господа,
Твердостью мудрования поражает их и пугает умы их,
Как жезл железный, мудростью слова налагаемый.*

Прп. Симеон Новый Богослов. Глаvizны

Архимандрит Алипий (Воронов)

Пятнадцатого марта 1975 года тысячи людей из Пскова, Ленинграда, Таллина, Москвы и других городов России приехали в Псково-Печерский монастырь, чтобы проститься с архимандритом Алипием (Иваном Михайловичем Вороновым). Закончилась его земная жизнь, началась вечность.

Ровно неделя отделяет день памяти кончины архимандрита Алипия от дня памяти самого выдающегося управителя Псково-Печерского монастыря – игумена Корнилия¹. Архимандрит Алипий был достойным последователем преподобного: строителем, иконописцем, мужем силы и разума. В один из самых сложных перио-

¹ Прпмч. Корнилий Псково-Печерский (1501 – 1570), игумен Псково-Печерской обители (1529 – 1570), под его управлением в монастыре появились иконописная и гончарная мастерские, начали лить колокола, была создана книжно-литературная школа, проведены многочисленные строительные работы. † 20 февраля.

дов для Русской Православной Церкви, когда Хрущев заявил, что в 1980 году покажет по телевизору «последнего попа», он сумел практически из руин восстановить древние стены, ограждающие святую обитель, произвел многочисленные реставрационные работы, уделяя особое внимание сохранению лаврской иконописной традиции.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Двенадцатилетний Ваня Воронов приехал в Москву из подмосковной Торчихи в 1927 году. Здесь жили его отец и старший брат. По окончании девятилетки, он снова возвратился в деревню, чтобы ухаживать за больной матерью.

Архимандрит Алипий рассказывал о несчастье, произошедшем с ним однажды в поезде, своему духовному сыну Владимиру Городнику: «Я с трудом протиснулся в переполненный вагон и помог старушке высвободить зажатый дверьми мешок. Но пальцы моей правой руки оказались зажаты, они обмякли и закровоточили. Домой нужно было идти по берегу реки Северки. Я перекрестился левой рукой, опустил правую в прозрачную воду и сказал: “Пресвятая Богородица, страданий ради Сына Твоего, исцели меня!” Стало легче. Каково же было мое удивление, когда дома пальцы смогли свободно двигаться».

С 1932 года Иван Воронов принимал участие в строительстве первой очереди московского метрополитена. В 1936 поступил в художественную студию при Московском союзе художников, без отрыва от учебы служил в армии, организовал изокружки и художественные студии при воинских частях Московского военного округа, затем работал в ночную смену на военном заводе. В мае 1941 года получил диплом, но мечты детства и юности были разрушены годами войны.

В годы войны

В 1942 году Иван Михайлович ушел в действующую армию. Впоследствии, будучи архимандритом, он вспоминал: «На войне некоторые боялись голодной смерти, брали с собой мешки с сухарями, заботясь о том, чтобы продлить свою жизнь, а не о том, чтобы сражаться с врагом, – и эти люди так и погибали со своими сухарями, не увидев многих дней. А те, которые снимали свои гимнастерки и бесстрашно сражались с врагом, – оставались живы».

«Один из наших воинов несколько раз возвращался живым, когда все подразделение полегло на поле боя. Командир обратил на это особенное внимание и спросил его: “Кто за тебя молится?” – “Мать”, – ответил воин. – “Я воцерковлен, я в воде не утону и в огне не сгорю!”».

Иван Воронов на фронте. 1944 г.

И все же война была такой страшной, что я дал слово Богу, что если выживу в этой страшной битве, – обязательно уйду в монастырь».

Бог хранил Ивана Воронова. Когда он уходил на фронт, мать благословила его образом Божией Матери со словами: «Сынок, будет худо, помолись».

Однажды с группой солдат Иван попал в окружение. С трех сторон немцы, с четвертой – болото. В отчаянии он вспомнил совет матери, отстал немного от отряда и, как умел, помолился. Вернулся к солдатам, а там какая-то старушка стоит: «Что, заплутали, ребятки? Ну, ничего, Я вам тропочку покажу». И вывела отряд к своим.

«Мать, не знаю, как Тебя и благодарить», – сказал Ей Иван. «Ты Мне еще всю свою жизнь служить будешь», – ответила Она. И только тут понял Иван, кто его Спасительница.

Иван прошел всю войну, неоднократно был контужен. Но и в страшные годы войны он не расставался с этюдником, да еще обнаружил у него дар слова. – Девятого мая 2003 года на братском захоронении Псково-Печерского монастыря была отслужена традиционная заупокойная лития. Среди молящихся был ветеран Великой Отечественной войны Алексей Богданович Турков. Он и рассказал, как благодаря отцу Алипию были спасены культурные ценности Франции и без единого выстрела взят германский город Фрайбург.

«Нашей армией был взят немецкий город Бельниц, лагерь Дебрицы¹, открылась дорога на Потсдам и Берлин. Все в огне, в дыму, бомбят самолеты... Мы шли на БТРе. Вдруг всем команда: остановиться! По громкоговорителю объявляют, что слово предоставляется лейтенанту Ивану Михайловичу Воронову. И тут раздается сильный такой голос:

– Слушайте, слушайте! Говорит представитель Четвертой Гвардейской танковой армии Воронов. Враги наши, немцы, остановитесь и

¹ Возможно, имеются в виду немецкие города Бодельвиц и Дёбриц.

вспомните, что вы привезли из Франции «богиню красоты», которую мы не видели. И если сейчас, при взятии высоты, мы разрушим эту скульптуру, то человечество нам этого не простит! Отступитесь, ради Бога, прошу вас, сохраните эту красоту, и вы тоже обретете Божественную веру!

Переводчица Мария Волонец со слезами переводила его речь. Мы все просто остолбенели, настолько проникновенной она была. Через некоторое время началось наступление. Но там, где находилась «богиня красоты», как мы ее называли, не было ни одного боя. У меня была фотография этой скульптуры, которую по приказу Гитлера вывезли из Франции в Германию. Это было изваяние Благовещения Божией Матери, к Которой спускался Архангел Гавриил. Солдаты называли скульптуру просто «богиня красоты».

Когда мы дошли до Берлина, развернулись у Бранденбургских ворот и вышли к городу Фрайбургу, к жителям этого города по громкоговорителю вновь обратился Воронов, а переводчица Мария переводила немцам его слова:

– Дорогие граждане! Мы не будем разрушать этот город, потому что ваш город – город нашей славы! Здесь учился наш великий ученый Михаил Васильевич Ломоносов. Здесь же он женился на немке Лизе-Кристине, – мы сначала не поняли, почему имя двойное, потом нам объяснили, что второе имя она получила, когда была крещена в Православие. – Если вы откажетесь нас встречать, мы будем вынуждены с боем взять ваш город!

Нас вышли встречать два немецких полковника и три дамы. Меня послали на переговоры, так как я немножко владел немецким. Подошел я, а они держат портрет Ломоносова, и внизу даты его пребывания в этом городе. Договорились, что несмотря на то, что в городе было много боеподготовленных подростков из числа гитлерюгенд, все сдаются и сдают оружие. Город Фрайбург был взят без единого выстрела, и в этом, безусловно, заслуга Ивана Михайловича Воронова, будущего архимандрита Алипия».

«Представьте себе: идет жестокий бой, – вспоминал отец Алипий, – на нашу передовую лезут, сминая все на своем пути, немецкие танки, и вот в этом кромешном аду я вдруг вижу, как наш батальонный комиссар сорвал с головы каску, рухнул на колени и стал... молиться Богу. Да-да, плача, он бормотал полузабытые с детства молитвы, прося у Всевышнего, Которого он еще вчера третировал, пощады и спасения. И понял я тогда: у каждого в душе есть Бог, к Которому он когда-нибудь да придет».

Весь долгий путь от Москвы до Берлина Иван Воронов прошел так: справа – винтовка, слева – этюдник с красками, был участником многих боев и сумел создать уникальную художественную летопись танковой армии. Его фронтные работы уже в 1943 году экспонировались в нескольких музеях СССР.

Воронов удостоился многих высоких боевых наград и благодарностей командования, в том числе ордена Красной Звезды и медали «За отвагу», был награжден двумя медалями «За боевые заслуги» и еще свыше десяти медалей получил за участие в освобождении разных городов.

Осенью 1945 года, возвратясь с фронта, он привез в Москву около тысячи своих рисунков, эскизов, этюдов и организовал персональную выставку фронтных работ в Колонном зале Дома Союзов, что послужило признанию его как художника.

ОБИТЕЛЬ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ. НАЧАЛО СЛУЖЕНИЯ

В 1948 году Иван Михайлович работал на пленэре в Загорске и, покоренный красотой этих мест, решил навсегда посвятить себя служению Богу.

Когда, осенив себя крестным знаменем и сделав поясной поклон, Иван Воронов вошел в Троице-Сергиеву Лавру, навстречу ему шел наместник обители архимандрит Иоанн (Разумов) – будущий владыка Псковский и Порховский. Иван робко объяснил причину своего прихода. «Лавра переполнена!» – оборвал его наместник, желая испытать твердость намерений пришедшего и наличие у него смирения, без которого в обители делать нечего.

«Простите, батюшка! – кротко отвечал Иван. – Но не я пришел к вам, а вы встретили меня у самых святых врат!» И пал к его стопам, не понимаясь до тех пор, пока отец Иоанн не ввел его в Лавру новым ее послушником.

Уже через полгода он был облачен в ангельский образ и наречен Алипием в честь прп. иконописца Киево-Печерского. Постриг состоялся 15 августа 1950 года.

Двенадцатого сентября 1950 года Патриархом Алексием монах Алипий был рукоположен во иеродиакона, а 1 октября, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы¹, – во иеромонаха с назначением ризничим Троице-Сергиевой Лавры. В 1952 году отец Алипий был награжден наперсным крестом, а к празднику Пасхи 1953 года возведен в сан игумена. Вместе с несением послушания ризничего ему поручено было руководить художниками и мастерами, проводившими восстановительные

¹ Дата указана по ст. стилю.

работы в Лавре, кроме того до 1959 года он принимал участие в восстановлении и украшении многих московских храмов. Отец Алипий приложил все свои знания и умения к реставрации древних лаврских святынь – настенной живописи Троицкого и Успенского соборов, Трапезной церкви, Патриаршей резиденции в селе Лукино (близ станции Переделкино).

Архимандрит Александр¹ рассказывал о случае, произошедшем в то время, когда отец Алипий руководил реставрацией Трапезного храма. Старую краску вместе с олифой снимали со стен с помощью промасленных тряпок, которые имеют свойство самовоспламеняться. И однажды во сне отцу Алипию явился преподобный Сергей со словами: «Скорей иди в храм!» Но отец Алипий отвечал ему: «Один я ничего не смогу сделать, если что случилось, а скажу – не поверят. Управь все сам, святыи отче!» Утром, по пробуждении, перед братским молебном о. Алипий поспешил в храм, – и что же он увидел: в центре храма дотлевала тумбочка, с вечера стоявшая у стены. Отец Алипий уходил последним, никто больше попасть в храм не мог. Сам преподобный Сергей спас храм от неизбежного пожара!

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ. НАСТОЯТЕЛЬСТВО

Указом Святейшего Патриарха Алексия [Симанского] от 15 (28 июля) 1959 года игумен Алипий (Воронов) был назначен наместником Псково-Печерской обители, которая к этому времени после многих лет войны и своей древности пришла в полное разорение, а в 1960 году возведен в сан архимандрита.

«В 1959 году наместник Псково-Печерского монастыря игумен Августин (Судоплатов) был отозван для назначения начальником Русской духовной миссии во святом граде Иерусалиме. На его место в Псково-Печерский монастырь назначили отца Алипия, который прибыл... к престольному празднику в честь Успения Пресвятой Богородицы, – вспоминает архимандрит Нафанаил². – Его пастырская ревность ко благу нашей святой обители, его усердие к служению и его таланты сразу же вызвали к нему особенную любовь братии монастыря, верующих печерян, псковичей и паломников. Их... молитвы и ходатайства помогли преодолеть все трудности к утверждению отца Алипия в должности наместника... Духовник монастыря, иеросхимонах Симеон (Желнин), вдохновил

¹ Схиархимандрит Александр (Васильев, 1927 – 1998) – духовник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря с 1993 г.

² Архимандрит Нафанаил (Кронид Николаевич Поспелов, 1920 – 2002) – помощник архимандрита Алипия (Воронова), казначей и секретарь Духовного Собора Псково-Печерского монастыря.

Архимандрит Нафанаил (Поспелов)

его на предлежащий подвиг словами: “Действуй, тебе ничего не будет!”

Отец Алипий имел дар слова: не раз приходилось слышать от паломников: “Поживем еще недельку, может, услышим проповедь отца Алипия”. В своих поучениях он поддерживал унывающих, утешал малодушных: “Братия и сестры, вы слышали призывы об усилении антирелигиозной пропаганды, вы головы не вешайте, не унывайте, это значит – им туго стало”. “Страшное дело – примкнуть к толпе. Сегодня она кричит “осанна!”, через четыре дня “распни, распни Его!”¹. Поэтому там, где неправда, “ура” не кричи, в ладоши не хлопай.

А если спросят: “Почему?” – отвечай: “Потому что у вас неправда”. – “А почему?” – “Потому что моя совесть подсказывает”.

“Как узнать Иуду?” – Омочивый со мною в солило руку, той Мя предаст², – сказал Спаситель на Тайной Вечери. Ученик дерзкий, который хочет сравняться с учителем, с начальником, занять первое место, первым взяться за графин. Старшие еще не завтракали, а малыш уже... наелся. Растет будущий Иуда. На двенадцать – один Иуда. Если старшие не сели за стол – и ты не садись. Сели старшие – садись по молитве и ты. Старшие не взяли ложку – не бери и ты... Старшие начали кушать, тогда начинай и ты”.

Так поучал в проповедях отец Алипий. Если на молитве в храме у него появлялись воздыхания и слезы, то воздыхания и слезы сразу же отзывались в сердцах молящихся с ним. Такова была сила его духа. Отец Алипий всегда помогал нуждающимся, раздавал милостыню, много просящих получали от него помощь, за это немало ему пришлось потерпеть.

Иконописец и реставратор, он восстановил темный иконостас Успенского храма, внутреннюю роспись Михайловского собора, Ни-

¹ Лк. 23, 4; Ин. 19, 6.

² Мф. 26, 23.

Архимандрит Алипий за работой

кольский храм... крепостную стену-ограду с боевыми башнями и переходами, устроил мостик через ручей Каменец, напротив Успенского храма. При его участии и руководстве написаны шесть икон Божией Матери в Никольской часовне. В праздник Казанской иконы Божией Матери 8-го июля и 22-го октября у нас на аналой ставится келейная икона отца Алипия, им написанная...

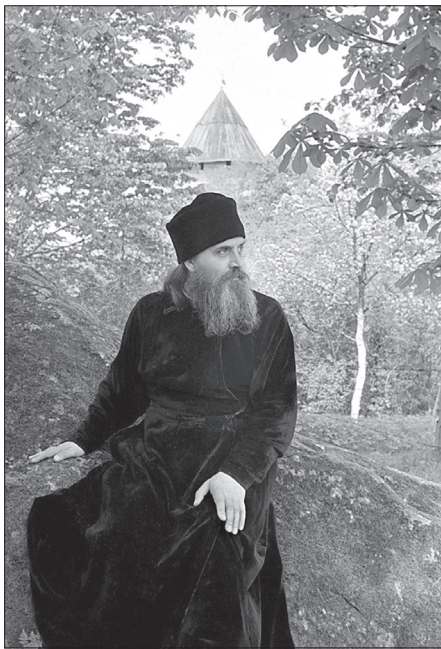
Отец Алипий защищал верующих людей пред сильными мира сего, заботился об устройстве их на работу, потому что вся вина этих людей была лишь в том, что они веровали в Бога.

На плечи архимандрита Алипия легла тяжелейшая задача – не только восстановить святыни древнего монастыря, но и спасти его от закрытия и развязанной клеветнической кампании в прессе.

Стоит взглянуть на заголовки центральных и местных изданий того времени, как становится не по себе: «Псково-Печерский монастырь – очаг религиозного мракобесия», «“Аллилуйя” вприсядку», «Нахлебники в рясах», «Лицемеры в рясах» и т. д. Противостоять клевете было трудно, еще труднее – выжить, сохранить монастырь.

В рапортах на имя владыки Иоанна¹ архимандрит Алипий писал: «Стопа газетных статей, переполненных незаслуженными оскорблени-

¹ Иоанн (Разумов, 1898 – 1990) – митрополит Псковский и Порховский.

Архимандрит Алипий в монастырском саду на Святой горе. Начало 70-х годов

Алипий писал: «Мы – христиане, мы лишены в гражданских правах, а враги Церкви этим пользуются и злоупотребляют себе на погибель. Мы верим – победит Правда, потому что с нами Бог».

«КЛЕЙМА ЖИТИЯ»

Архимандрит Алипий (Воронов) был «бескровным мучеником»: на его долю выпала борьба с советской государственной машиной за то, чтобы монастырь продолжал быть, за возможность служить Богу и пастве. Против всех нападков властей он находил веские аргументы, нужное слово, при этом стараясь с присущей ему смекалкой выйти из трудной ситуации и в этой «войне» без потерь.

Ниже приведены непридуманные истории, произошедшие в древней Псково-Печерской обители во время настоятельства Алипия (Воронова) и запечатленные специалистом по древнерусскому искусству, историком Вадимом Нарциссовым, искусствоведом Савелием Ямшиковым, писателем Валентином Курбатовым, архимандритом Нафанаилом (Поспеловым).

ями и клеветой в адрес советских честных, добрых и хороших людей, оскорблениями матерей и вдов погибших воинов, – вот их “идеологическая борьба”, – изгнание сотен и тысяч священников и клириков, причем самых хороших. Сколько их приходит к нам со слезами, что нигде не могут устроиться хотя бы на мирскую работу, у них жены и дети не имеют на что жить.

Они страдают за то, что родились Русскими христианами.

Невозможно описать все мерзкие методы “идеологистов”, которыми ведется борьба против Русской Церкви. Одно можно только сказать: “Всуде мятется всяк земнородный”¹».

В письме в Кировский народный суд города Уфы архимандрит

¹ Из канона о усопшем, седален.

+ + +

Приезжают как-то в Псково-Печерский монастырь гости из Финляндии. Для них проводят экскурсию, рассказывают обо всех святых обителях, кормят обедом, поят монастырским квасом. Все довольны. И вдруг один финский товарищ, торжествуя ухмыляясь, говорит: «Космонавты-то на небо летали, а Бога не нашли». А отец архимандрит ему отвечает: «Такая беда может и с вами случиться: в Хельсинки бывали – президента не видали».

+ + +

Из Пачковского поселкового совета приходит в монастырь жалоба, что, дескать, к хозяйственным воротам обители ведет ужасная дорога: люди падают, калечатся, животные ноги ломают.

Архимандрит Алипий пишет ответ: «По той дороге никто, кроме монахов да монастырских коров не ходит, так что спасибо за трогательную заботу о нас. Рады будем исправить дорогу. Только зимой таких работ не проводят, а весной присылайте смету – какую делать: грунтовую, булыжную, асфальтовую. Но прежде пусть оформят эти земли как монастырские, а то ведь их отобрали. В общем, мы не отказываемся внести свой труд в дело общественного строительства и построить удобную дорогу к обители. Только как мы дерзнем противоречить главному редактору газеты „Печорская правда“ Костомарову, который постоянно призывает, чтобы к монастырю и близко никто не подходил?» Больше о той дороге не вспоминали.

+ + +

У архимандрита Алипия звонит телефон. Из трубки раздается серьезный голос большого начальника: «Иван Михайлович (так он называл отца Алипия), мы не можем больше предоставлять монастырю пастбищ, которые принадлежат народу. Пасите коров, где хотите».

Через несколько дней снова звонок. Тот же голос говорит отцу Алипию: «Приехала большая делегация – коммунисты со всего мира. Монастырь – лицо Печор. Нужно провести экскурсию, показать Пещеры, потом накормить, угостить квасом – сами знаете. Надеюсь на ваше понимание».

И вот после сытного обеда гости прогуливаются по монастырю. Архимандрит Алипий отдает приказ выпустить всех коров и быков внутрь монастыря на клумбы. Это становится полной неожиданностью для заслуженных деятелей пролетарского движения, многие из которых впервые сталкиваются с этими животными. Одна пожилая французская

Псково-Печерский монастырь. Братский корпус. 1945 г.

коммунистка влезает со страху на сторожевую будку. Старый никарагуанский марксист подвергается нападению племенного быка.

У архимандрита Алипия разрывается телефон. Все тот же голос негодующе кричит: «Что это за безобразия, Иван Михайлович? Что это за публичная оплеуха коммунистическому движению?» Отец Алипий спокойно отвечает: «Какая оплеуха? Вы же сами знаете – животные могут заболеть. Вот мы и решили, что раз другого выхода нет, будем их пасти внутри монастыря».

В тот же день монастырю были возвращены все пастбища.

+ + +

Советские ученые были очень обеспокоены отсутствием запаха тления от захоронений в монастырских Пещерах. Они говорили так: «Монахи обманывают народ, будто нет запаха. Советская наука открыла, что этот запах поглощается песком!» Между тем, мировой науке известно, что кварц, а в Пещерах кварцевый песчаник, в химические реакции не вступает.

Тогда советские ученые провели в Московской области научный эксперимент: нашли аналогичный песчаник, выкопали пещеру, положили в нее гроб с телом. Через несколько дней ученые, трудящиеся и мировая общественность были приглашены в эту пещеру на симпозиум. Однако симпозиум не состоялся, потому что в пещере стоял такой смрад, что никто не смог туда даже войти.

+ + +

Вызывает архимандрита Алипия высокий начальник.

– Что это? Говорят, у ваших монахов у каждого по три бабы в келье. Почему допустили?

– Как? Неужели вы не слышали о моральном облике строителя коммунизма?

– Почему же, слышал, знаю.

– Зачем же вы тогда клеветеете на советских женщин? Ни одна советская женщина, в отличие от загнивающего Запада, не позволит себе вступить в незаконную связь, тем более с каким-то мракобесом-монахом. А иностранкам вы не даете виз. Так что это невозможно.

– Конечно. Значит, правильно говорят, что у вас женщина унижена.

– Как же унижена? Посмотрите, у нас женщины даже в службе участвуют: поют на клиросе, храмы украшают, следят за облачениями... Это у вас в военкомате они унижены – только мужчин берете.

+ + +

В Печорский райисполком поступает тайное донесение. В нем сообщается, что монахи хотят поднять царя в Пещерах.

Однако после тщательного исследования выяснилось, что информатор неправильно понял слова Литургии: «Яко да Царя всех подыдем...»

+ + +

Как-то в монастыре на время закрыли Пещеры. И вдруг приезжают важные гости – высокие партийные начальники. Их, конечно, сразу накормили, угостили квасом и повели в Пещеры. Только открыли дверь – подходят пионеры: можно и нам посмотреть?

«Конечно, можно», – говорит архимандрит Ириней¹. Партийцы начали было протестовать. «А что, пионеры не люди?» – этим вопросом пролетарская совесть была сражена.

+ + +

Печерский иеромонах проводил экскурсию по монастырю для итальянских гостей. Один итальянец постоянно перебивал его, задавал язвительные вопросы, вел себя вызывающе. Наконец иеромонах не выдержал и громко сделал ему замечание. Итальянец принял вид оскорбленного самолюбия, с негодованием посмотрел вокруг и воскликнул: «Как? Вы повы-

¹ Архимандрит Ириней (Пономарев Тимофей Иванович, 1928 – 1975) – эконом Псково-Печерского монастыря.

сили голос?» – «Да, – отвечает иеромонах, – у нас во всех газетах призывают возвысить свой голос против всякой неправды!»

+ + +

Приезжает однажды в монастырь генерал. Для него провели экскурсию, показали Пещеры, потом накормили, напоили монастырским квасом, сводили на Святую горку. Там генерал изъявил желание отдохнуть вместе с отцом архимандритом. Присели в беседке.

– Все у вас хорошо в монастыре, одно только плохо. С немцами вы сотрудничали во время войны.

– Не может быть! Вы – и клевете на советское правительство!?

– Каким образом?

– Разве оно допустило бы, чтобы враг Отечества остался безнаказанным? Или вы думаете, что доблестная советская разведка проглядела такое вопиющее преступление?

– Это, конечно, невозможно...

– Но вы же и на себя клевете!

– Как?

– Могли бы вы общаться с врагами народа? Стали бы пить квас в логове контрреволюционеров?

Последним доводом генерал был окончательно сломлен. Слишком сладок оказался ему квас.

+ + +

Праздник святителя Николая в монастыре. На службе проповедует архимандрит Алипий: «Недавно “Печорская правда”, ссылаясь на Евномия Самосатского¹, написала, что святителя Николая никогда не существовало. Вопрос: у кого в Печорском районе есть книги вышеупомянутого Евномия, чтобы проверить это утверждение? Далее – если историк о ком-то не пишет, это не значит, что этого человека не было. Известно, что Евномий Самосатский был арианом. Между тем, на Вселенском Соборе святитель Николай дал Арию пощечину. Будет ли писать о нем Евномий? Сомневаюсь. Я думаю, все дело в том, что святитель Николай не пришел в Пачковский сельсовет зарегистрироваться и не прописался в Печорском горисполкоме. Однако подтверждения того, что святитель Николай и был, и есть, у нас имеются.

Как-то в Троице-Сергиевой Лавре, после реставрационных работ, я встретился и разговаривал с одним военным командиром. Он мне ска-

¹ Арианский епископ Евномий был поставлен на Самосатскую кафедру, но народ его не принял.

зал так: “Есть ли Бог, не знаю, но что есть святитель Николай – это точно”. И рассказал такую историю: “Во время войны наш корабль подбили в Черном море, и он начал тонуть. Видим – дело плохо. Однако атеистический страх не позволял молиться. Вдруг один из наших матросов предлагает помолиться святителю Николаю – покровителю моряков. Все согласились: встали на колени и, как могли, попросили его о помощи. И тут наш корабль выправляется и плывет как ни в чем не бывало. Так и принес нас – с пробоиной – прямо до берега. И чудно сказать, я даже не успел приказа отдать, как вся команда бросилась в церковь – поставить по свечке святителю Николаю”. Вот что рассказал мне военный командир – это вам не Евномий Самосатский».

+ + +

Зима. Мороз. Архимандрит Алипий греется в келье у камина. Приходит келейник: «К вам гости». Входят двое в штатском. Подают бумагу. Отцу Алипию приказывают объявить на братской трапезе о закрытии монастыря и роспуске братии. Стоит подпись Хрущева. Отец Алипий рвет бумагу и бросает в камин. Двое в штатском бледнеют как полотно: «Что вы сделали?» Отец Алипий встает: «Я лучше пойду на мученическую смерть, чем закрою обитель». Монастырь так и не был закрыт.

+ + +

Однажды был большой прием в Псково-Печерском монастыре, устроенный специально для представителей зарубежной прессы. Приехало около ста пятидесяти корреспондентов самых разных газет, журналов, телевидения. В трапезной монастыря был накрыт праздничный стол, во главе которого сидел отец Алипий со своими помощниками.

Самый бойкий корреспондент одной американской газеты сразу вскочил и на довольно приличном русском спросил:

– Скажите, сколько у вас в стране верующих?

Архимандрит Алипий спокойно повернулся к одному из помощников и спросил:

– Скажите, сколько у нас в стране населения?

– Около двухсот тридцати миллионов.

– Вот столько у нас в стране и верующих, – ответил о. Алипий.

– Как! У вас же атеистическая страна?!

– Вера познается в трудные годы. Когда началась война, Сталин в своем первом обращении к народу сказал: «Братья и сестры» (не «...сёстры»!). Так же и я каждый день начинаю свои проповеди. Если в трудную минуту верят все, значит, все верующие.

Крестный ход в Псково-Печерском монастыре. Фото из архива М. И. Семенова

+ + +

Как-то народный контроль решил проверить финансовую деятельность монастыря.

– Скажите, а кто вас послал? – спросил отец Алипий.

– Вот мы, финансовые...

– Нет, у меня есть только один начальник. Это владыка Псковский – епископ Иоанн. Поезжайте к нему за разрешением, и тогда я вас допущу до своих финансовых бумаг.

Народные контролеры уехали, через пару часов владыка Иоанн позвонил о. Алипию и попросил допустить контролеров для проверки.

– Звонок к делу не пришьешь, пришлите мне телеграмму, – ответил о. Алипий.

Телеграмма пришла через час, а еще через час приехала делегация, и тогда архимандрит Алипий, держа в руках телеграмму, спросил:

– Скажите, вы все коммунисты?

– Да, в основном коммунисты...

– И получили благословение у духовного отца??? У Псковского владыки??? Ну вот, я сейчас пошлю-ка эту телеграмму в обком партии...

На этом история с финансовой проверкой монастыря и закончилась.

+ + +

Как известно, в застойные годы все должны были принимать участие в выборах. Не исключая и монахов Псково-Печерского монастыря. Обычно ящик привозили прямо в монастырь, где и происходило голосование. Но вот новый секретарь обкома, возмущенный неподобающей для чернецов честью, распорядился: «Прекратить это безобразие. – Пусть сами приходят голосовать».

«Прекрасно», – сказал, узнав об этом, архимандрит Алипий. И вот наступило воскресенье, день выборов. После литургии и братской трапезы монахи выстроились по двое и с духовными песнопениями отправились через весь город на избирательный пункт. Можно представить себе изумление советских граждан, наблюдавших подобное зрелище. Когда же в довершение ко всему монахи стали служить молебен прямо на избирательном участке, чиновники пытались протестовать. «У нас так положено», – отвечивал отец Алипий. Проголосовав, монахи так же чинно, проследовав через весь город, вернулись в монастырь. В дальнейшем избирательную урну стали снова приносить на место.

+ + +

Отец Алипий очень любил самолично проводить экскурсии по монастырским Пещерам. Однажды в обитель приехала делегация высокопоставленных чиновников, и о. Алипий лично их сопровождал.

Перед экскурсией он неизменно просил своего келейника намочить носовой платок в аромате сирени. Во время экскурсии по Пещерам почти всегда начинали раздаваться усмешки. И тогда Алипий, обратившись к насмешнику, говорил:

– Вот вы, молодой человек со средним образованием, не олух, как я слышал. Вот объясните мне – здесь, в шаге от нас, лежит, собственно говоря, разлагающееся тело монаха. А вы суньте нос и понюхайте, – есть запах тления?

Молодой человек начинает что-то невнятно объяснять об особых свойствах ущелья и Пещер.

– Хорошо, – парирует Алипий, – а теперь нате вам платочек, понюхайте. Узнаете духи? А теперь понюхайте настоящие живые цветы. Узнаете?

Вот так. Если бы вы, мерзавцы, были объективны. Мы лишенцы, у нас нет ничего... А вы, вы не научные атеисты, а научные аферисты.

+ + +

Архимандрит Алипий, будучи заместителем, мог ответить острым словом кому угодно. Вызвали его как-то раз городские власти:

– Почему вы не можете навести у себя порядок? Ведь у вас нищие в монастыре!

– Простите, – отвечает отец Алипий, – но нищие не у меня, а у вас.

– Как это у нас?

– А очень просто. Земля, если помните, отнята у монастыря по Святым воротам. Нищие с какой стороны ворот стоят, с внешней или с внутренней?

– С внешней.

– Вот я и говорю, что они у вас. А у меня в монастыре вся братия напоена, накормлена, одета и обута. А коли уж вы так нищих не любите, так вы платите им пенсию рублей по 500. И если после этого милостыню будет кто-то просить, – того, я думаю, можно и по закону наказывать. А у меня нищих нет.

+ + +

Один из самых интересных курьезов до сих пор вспоминают в монастыре. К приезду очередной государственной комиссии по закрытию монастыря архимандрит Алипий вывесил на Святых воротах извещение, что в монастыре чума и в силу этого он не может пустить комиссию на территорию монастыря. Во главе комиссии была председатель Комитета по культуре Медведева А. И. Именно к ней и обратился отец Алипий:

– Мне-то своих монахов-дураков, простите, не жалко, потому что они все равно в Царствии Небесном прописаны. А Вас, Анна Ивановна, и ваших начальников – пустить не могу. Я ведь за вас и за ваших начальников на Страшном Суде-то и слов не найду, как отвечать. Так что простите, я вам ворота не открою.

А сам – в очередной раз на самолет и в Москву: опять хлопотать, обивать пороги в битве за свой монастырь.

+ + +

Пастырей, прибывающих в обитель, отец Алипий наставлял прилежному служению в своем храме.

– Вот Вы, батюшка, от своего храма уехали, и в вашем храме бес будет служить.

– Как так?

– Бес обретет хранину пустую¹, – по-евангельски отвечал отец Алипий.

Сам он никогда в отпуск не ездил и по своей воле не выходил за монастырские ворота, исполняя монашеские обеты.

+ + +

Когда отца Алипия спросили гражданские посетители (экскурсанты), как живут монахи, то он обратил их внимание на богослужение, которое совершалось в Успенском храме.

– Слышите, – спросил о. Алипий.

– Слышим, – ответили посетители.

– Что слышите?

– Монахи поют.

– Ну вот, если б монахи худо жили, то не запели бы, – подвел итог отец Алипий.

+ + +

Однажды, увидев, как верующие в монастыре ухаживали за клумбами, оформляли цветники, один из представителей Печорских властей спросил:

– Кто работает у вас в монастыре и на каком основании?

– Это народ-хозяин трудится на своей собственной земле, – ответил Алипий.

Больше вопросов не последовало.

+ + +

Во время эпидемии ящура отец Алипий объяснял властям, что служение в храме прекращаться не будет, потому что «коровы в храм не ходят, и ни одно государственное учреждение не прекращает своей работы по случаю ящура».

Когда пришли отбирать ключи от Пещер, он скомандовал своему келейнику:

– Отец Корнилий, давай сюда топор, головы рубить будем!

После этих слов, видя решимость в глазах отца Алипия, пришедшие обратились в бегство.

«Побеждает тот, кто переходит в наступление», – этот принцип отец Алипий сохранил со времен Великой Отечественной. Впрочем, он следовал ему всегда, особенно когда вставал вопрос о несправедливом притеснении монастыря и верующих.

¹ См. Мф. 12, 44.

+ + +

Когда не разрешали посещать Пещеры, отец Алипий благословил ежедневно в семь часов утра служить в них панихиду, чтобы верующие имели возможность посетить Пещеры и помянуть своих родных и близких, особенно погибших в Великую Отечественную войну. Тогда был прислан указ, чтобы панихиды в Пещерах не служили. Но благословением отца Алипия их продолжали служить. Вопросившему отца Алипия, получил ли он указ, настоятель ответил, что получил. «Почему же не выполняете?» – последовал вопрос. На что отец Алипий сказал, что этот указ написан под давлением, по слабости духа, а «я слабых духом не слушаю, я слушаю только сильных духом». И служение панихид в Пещерах продолжалось.

+ + +

Рассказывая о методах борьбы с монастырем, архимандрит Алипий приводил такой пример: «Во вторник 14 мая сего [1963] года эконоом игумен Ириной организовал, как и во все прошлые годы монастырской жизни, поливку и опрыскивание монастырского сада дождевой и снеговой водой, которую мы собираем благодаря нами сделанной запруде около беседки, за крепостной стеной. Когда наши люди работали, к ним подошли шестеро мужчин, потом еще двое; у одного из них была в руках мерка, которой они разделяли бывшую монастырскую огородную землю. Он стал ругаться на работающих и запрещать качать воду, говорил, что это вода не наша... Наши люди пытались продолжать работать, но он подбежал к ним, схватил шланг и стал его вытаскивать, а другой – с фотоаппаратом – стал фотографировать наших людей...

Эконом сказал этим неизвестным людям, что пришел наместник, «идите и объясните все ему». Подошел один из них. Остальные трое стояли поодаль, фотографируя нас.

“Кто вы и что от нас требуете?” – спросил я. Человек в шляпе, не назвав своего имени и чина, заявил мне, что мы не имеем права на воду и на землю, на которой стоим. Я добавил: “Не смейте дышать воздухом и не смейте греться на солнце, потому что солнце и воздух, и вода – все и вся ваше, а где же наше?” И переспросил его: “Кто ты и зачем пришел?” Он снова не назвал своего имени. Тогда я ему сказал: “Я, Воронов Иван Михайлович, гражданин Советского Союза, инвалид и герой Великой Отечественной войны, и мои товарищи, которые живут за этой стеною, ветераны и инвалиды Отечественной войны, многие – потерявшие руки и ноги, получившие тяжелые ранения и контузии, которые обливали эту землю своей кровью, очищали этот воздух от фашистской нечисти. Также живут

здесь труженики заводов, фабрик и полей, старые инвалиды и пенсионеры, отцы, потерявшие своих сыновей в боях за освобождение этой земли и этой воды, – и все мы, проливавшие свою кровь и отдававшие свои жизни, не имеем права пользоваться своей землей, водой, воздухом и солнцем, – всем тем, что вырвали у фашистов для себя и для своего народа? Кто вы? – Снова спросил я. – И от чьего имени вы действуете?» Он стал что-то лепетать, называя райкомы, обкомы и т. д.

Уходя от нас боком, человек в шляпе сказал: “Эх... батюшка!” Я ответил, что батюшка я – вон для тех людей, а для вас я – русский Иван, который еще имеет силу давить клопов, блох, фашистов, коммунистов и вообще всякую нечисть».

+ + +

В 1965 году к престольному дню монастыря – празднику Успения Божией Матери – архимандрит Алипий был награжден вторым крестом с украшениями, в дальнейшем был удостоен орденов святого князя Владимира III и II степени, а также награжден Блаженнейшим Патриархом Антиохийским и всего Востока Феодосием VI орденом Христа Спасителя и крестом II степени.

В 1968 году благодаря стараниям о. Алипия был объявлен всесоюзный читательский поиск сокровищ ризницы Псково-Печерского монастыря, вывезенных фашистскими оккупантами в 1944 году. «Русские цари (и не только цари) одаривали “пребогато” монастырь. В ризнице хранились... вещи, принадлежавшие Ивану Грозному, Борису Годунову, Петру Первому – массивная золотая цепь, большой золотой крест, несколько золотых кубков, искусно шитая золотая плащаница ручной работы царицы Анастасии Романовны, ее же золотой перстень с камнями и серги из яхонтов, произведения из золота и серебра многих безвестных русских умельцев. В их числе золотой крест, украшенный драгоценными камнями и жемчугом (1590 год), “Евангелие” (1644 год), доски которого с обеих сторон и корень были обложены массивным позолоченным серебром чеканной работы. Еще одно “Евангелие” московской печати, изданное в 1667 году, также с золотом и яхонтами, риза из красного штофа, также хранившаяся в ризнице, украшенная жемчугом и другими драгоценными камнями значительной величины. И много других уникальнейших и драгоценнейших работ...»¹.

Поиск принес свои плоды в ФРГ. Фермер, а по совместительству детектив-любитель Георг Штайн обнаружил местонахождение Печерских

¹ *Алипий (Воронов), архим.* Где сокровища Печерского монастыря? // Советская Россия. 1968. 5 октября.

РАБОТЫ С ВЫСТАВКИ «РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА
XVIII – XX ВЕКОВ ИЗ СОБРАНИЯ И. М. ВОРОНОВА»

И. Горюшкин-Сорокопудов. Московская улица XVII века. XX в.

Н. Самокиш. На постой. XIX в.

В. Бялыницкий-Бируля. Серый день. XX в.

В. Поленов. За кого почитают Меня люди? 1890 – 1900 гг.

В. Поленов. Иаков и Иоанн. 1890 – 1900 гг.

Г. Семирадский. Христос и греки. XIX в.

сокровищ. Он выяснил, что в 1945 году сокровища монастыря вместе с другими ценностями попали к американцам, а затем оказались в запасниках музея икон города Реклингхаузен и никогда не выставлялись для всеобщего обозрения. В мае 1973 года монастырские ценности были возвращены законным владельцам контейнером через Ленинградский морской порт. Консул ФРГ в Ленинграде господин Диттер Боден сопровождал груз до Псково-Печерского монастыря.

Иконы, написанные или отреставрированные архимандритом Алипием, по сей день украшают храмы Троице-Сергиевой Лавры, Псково-Печерской обители и Свято-Троицкого кафедрального собора г. Пскова.

Кроме того, за многие годы отцом Алипием была собрана замечательная коллекция произведений русской и западноевропейской живописи. Сейчас шедевры этой коллекции – творения Сурикова, Левитана, Рериха, Поленова, Маковского, Врубеля, Айвазовского – украшают Государственный Русский музей, Псковский музей-заповедник, краеведческий музей в г. Печоры. «Все оставить людям!» – таков завет истинного собирателя и ценителя старины. Архимандрита Алипия по праву можно назвать «Псковским Третьяковым». К сожалению, ему не удалось присутствовать на открытии выставки «Русская живопись и графика XVIII – XX веков из собрания И. М. Воронова», которая состоялась в Русском музее через несколько месяцев после его кончины в 1975 году.

Отец Алипий часто проповедовал о христианской любви, говоря: «Страдавший на Кресте Христос заповедовал нам: *любите друг друга!* (Ин. 13, 34). И потому, чтобы избавиться от зла, нужно только одно: исполнять эту последнюю заповедь Господню».

Эту заповедь о любви пастырь стремился исполнить в своей собственной жизни. Многие больные, немощные получали от него немалую помощь. Под балконом его наместничьего дома часто видели калек, убогих, страждущих людей. И несмотря на запреты властей, архимандрит Алипий помогал им, чем мог: кормил, лечил, давал деньги, а если их в тот момент не было, шутил: «Еще не готовы – сохнут! Приходи-ка раб Божий завтра». Помогал постройиться погорельцам, покупал коров пострадавшим от падежа скота, высылал денежные переводы («хоть на первое время») попавшим в трудную ситуацию, считая дела милосердия неотъемлемой частью жизни святой Православной Церкви.

«Отец мой всю жизнь пас скот по деревням, беря иногда с собой и меня пасти какое-нибудь стадо, – вспоминал отец Алипий свои детские годы. – Вот почему, наверное, я теперь пасу малое, но Божье стадо, не без Промысла Божия, не без заступничества Царицы Небесной. Я пастырь по призванию».

В начале 1975 года у архимандрита Алипия был третий инфаркт. Заранее изготовили ему гроб по его благословению, который стоял у него в коридоре. Показывая на него, о. Алипий говорил: «Вот моя келья». В последние дни жизни при нем находился иеромонах Феодорит¹, который ежедневно причащал о. Алипия и, будучи фельдшером, оказывал ему медицинскую помощь.

Скончался архимандрит Алипий 27 февраля (12 марта) 1975 года, послужив Господу в монашеском чине, со дня поступления послушником в Троице-Сергиеву Лавру, ровно 25 лет. Ранним утром в среду Сырной седмицы, испросив у всех прощения и всех простив, он мирно и тихо отошел ко Господу.

За два с половиной часа до смерти отец Алипий воскликнул, что к нему пришла Матерь Божия: «О, какой у Нее чудесный лик! Спешите начертать этот Божественный образ!» – И больше уже никто не услышал из его уст ни единого слова. Но нам остались напутствием слова его проповедей, воспоминания его духовных чад и современников, наставления доброго пастыря, адресованные каждому из нас: «Словами нельзя выразить то счастье, которое испытывает человек, познавая Бога и приближаясь к Нему. Холодно и темно вдали от Него. Надо, чтобы каждый из нас открыл Ему свое сердце, – и светом и радостью наполнится вся жизнь наша».

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРХИМАНДРИТЕ АЛИПИИ (ВОРОНОВЕ)

В 1962 году, находясь в отпуске, я впервые приехал в Псково-Печерский монастырь в марте месяце. Шел Великий пост. Дали мне сначала послушание помогать в коровнике при монастырском хозяйстве. Прожил я там недели три, отпуск мой уже подходил к концу. И вот отец Алипий позвал меня к себе на беседу и благословение.

Встретил архимандрит меня очень ласково, усадил за стол и велел подать чай. Батюшка спросил, откуда я, поинтересовался семейным положением, узнал, что я не женат, живу с мамой в Куйбышеве. Зашла речь и о моем образовании; я сказал, что учусь заочно в техникуме. Вдруг он встал и говорит: «Брось его (то есть техникум). – Да тебе и не дадут его закончить. Приезжай к нам – вот тебе академия и семинария!» После слов отца Алипия мне захотелось покончить с техникумом. Взял благослове-

¹ Схиигумен Феодор (Ожиганов Федор Григорьевич, 1917 – 1995) – прошел всю Великую Отечественную войну, где дал обет послужить Богу, военфельдшер, потом сельский фельдшер. С 1966 по 1979 г. подвизался в Псково-Печерском монастыре, где принял постриг с именем Феодорит. Служил в Эстонской епархии. С 1988 г. в Пюхтицком монастыре, митрополитом Алексием (Ридигером) был рукоположен в сан игумена. С 1992 г. переведен в Дивеевский монастырь, в 1993 г. принял схиму с именем Феодор. Преставился ко Господу 30.06.1995 г.

ние дорогого батюшки на возвращение домой, приезжаю в Куйбышев, – а у меня и на работе, и в техникуме возникли большие проблемы. Меня и с работы уволили, и из техникума отчислили.

Вот тогда я понял, что отец Алипий не простой монах, что его устами говорит Сама Пречистая Богоматерь. Он и сам свидетельствовал: «Меня поставила игуменом этой обители Сама Матерь Божия, и моими устами Она руководит всеми, кто имеет послушание и кто меня слушает».

Когда в начале 1964 года я снова прибыл в обитель, батюшка меня благословил помогать отцу Кенсорину ухаживать за больными старцами¹. Однажды собираюсь в храм в воскресный день. Подзывает меня отец Лука², валаамский старец, и просит, чтобы я их не забывал. Я думаю: «Да куда я денусь, если у меня послушание помогать отцу Кенсорину!» Прихожу в храм, а о. Алипий вручает мне ключ от своих покоев и дает послушание быть его келейником.

Когда я нес послушание келейника о. Алипия, у него не закрывалась дверь, все шли к нему за советами, и все, что он ни скажет, – все исполнялось. Там, где отец Алипий появлялся, собирались толпы народа. Все жаждали помощи и советов о. Алипия. Отец наместник был щедр на милостыни ближнему своему, он никому не отказывал в помощи как материальной, так и духовной – своим советом. Каждого человека наставлял на путь покаяния. Всех принимал с лаской и в любом человеке видел себя: «А если я бы оказался в этой ситуации?» – говорил отец Алипий. И народ чувствовал доброе сердце истинного пастыря, тянулся к нему, как к пастырю доброму ... Многие семинаристы из духовных школ и студенты из Академии ехали к нашему батюшке за помощью и советом. Юноши проникались чувством благоговения, считалось великим счастьем услы-

¹ Архимандрит Кенсорин (Федоров) родился в 1934 г. в Ярославской области в верующей семье. В 1957 г. поступил в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. В 1959 г. постригся в монашество, через три дня – в сан диакона. По благословению наместника архимандрита Алипия в 1962 г. поступил на послушание к валаамским старцам, которое и нес с великой радостью 8 лет. Будучи в сане архимандрита, о. Кенсорин окормлял Святогорский монастырь. С 2004 г. – духовник женского Спасо-Елеазарова монастыря Псковской области.

² Схиигумен Лука (Земсков) родился в 1880 г. в с. Годеново Ярославской губернии в крестьянской семье. С благословения родителей в 25 лет отправился в Валаамский монастырь, где после строгого испытания был удостоен монашеского пострига с именем Луки в честь святого апостола. В 1917 г. был посвящен во иеродиакона, а через пять лет во иеромонаха. В Валаамской обители о. Лука провел 52 года (сначала на Старом, а затем на Новом Валааме в Финляндии). В 1957 г. иеромонах Лука вернулся в Россию и с ним еще шесть братьев. Все они поселились в Псково-Печерском монастыре. За год перед кончиной о. Лука повредил бедро и больше года лежал неподвижно. За три месяца до смерти начал причащаться каждый день. В 1968 году 2 декабря о. Кенсорин причастил о. Луку, начал читать «Ныне отпушаещи», а когда закончил молитву, старец с миром отошел ко Господу.

Псковский протоиерей Олег Тэор в своих воспоминаниях свидетельствовал о многих случаях исцелений по молитвам старца Луки.

Пасха красная. Архимандрит Алипий с келейником Геннадием Феоктистовым. 1960-е гг.

шать слово из уст наместника. Часто о. Алипий благословлял их иконами. Однажды приехал студент и просит благословение на супружество. Батюшка, не говоря ни слова, вынес икону Божией Матери и благословил. Вернулся жених в Питер, а невеста нареченная умерла скоропостижно, и тот принял монашество. Сейчас он уже епископ.

А сколько делал батюшка добрых дел тайно! Он и нас наставлял: «Пусть правая твоя рука не знает, что делает левая».

В наш монастырь часто приезжала одна семья – два сына, дочь и мать с отцом. Старший сын учился в Ленинградской Духовной академии и был келейником митрополита Никодима (Ротова)¹. Мать его часто говорила отцу Алипию: «Мой сын будет архиереем!» И ситуация складывалась так, что быть ему архиереем. Окончил академию на «отлично», принял монашество, сам был преподавателем в академии, поставили его начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме. И однажды отец на-

¹ Никодим (Ротов) (1929 г.). С 1963 по 1967 год митрополит Ленинградский и Ладожский, с 1967 года – митрополит Ленинградский и Новгородский. Постоянный член Св. Синода Русской Православной Церкви, Патриарший Экзарх Западной Европы, президент Всемирного Совета Церквей. Скончался скоропостижно 5.09.1978 года в Ватикане во время аудиенции у папы Римского Иоанна-Павла II. Погребен на кладбище Александро-Невской Лавры.

местник в узком кругу своих близких сказал: «Не быть ему архиереем, а архимандритом будет». Прошло три года, слова нашего батюшки исполнились. Что случилось, не знаю, но он вернулся из Иерусалима, служил во многих храмах Питера, а через некоторое время умер еще молодым.

В нашем монастыре жили и молодые батюшки, которые окончили Духовную академию. Часто высказывались они недоброжелательно об о. Алипии, иной раз было просто стыдно слушать. Со своей стороны, о. Алипий увещевал их по-отечески, чтобы они никого не судили. Он говорил: «Веруйте в Бога, без Божьего произволения ничего не бывает; если Богу угодно, будете и на моем месте, если Матерь Божия вас поставит нести крест мой». Но они не унимались, делали свое злое дело. И о. Алипий молился за них, как за неразумных детей своих. При жизни его они не осознавали своего греха, а когда батюшка умер, – спохватились, но было уже поздно...

Приезжали к о. Алипию люди из разных городов за советом и благословением. Вспоминается такой случай. Приехала однажды красивая, образованная девушка из Питера за благословением. Она собиралась выйти замуж. Отец Алипий ее принял. Девушка восхищалась своим женихом, его умом, красотой, ученостью... Наш батюшка сидел и молчал, давая ей высказаться. Потом спросил: «Ну все сказала?» Она восторженно закончила: «У меня будет самый лучший муж». Отец Алипий посмотрел на нее, перекрестился да и говорит: «На все воля Божия. А ты спроси, за что он в тюрьме сидел?». Девушка смутилась и возразила: «Это неправда. Но я спрошу своего жениха», – и ушла в полнейшем недоумении от нашего батюшки. Прошло некоторое время, девушка приехала в наш монастырь, чтобы поблагодарить о. Алипия. Оказалось, что когда она объявила своему жениху о том, что сказал о. Алипий, тот смутился, покраснел и воскликнул: «Откуда он узнал?!» После этого исчез жених хваленый и больше у невесты не появлялся.

Читая воспоминания об о. Алипии многих послушников, духовных отцов, келейников, я подтверждаю верность событий, которым и я сам был свидетелем. Повторяться не хочется. О нем знали, его любили – и не только в церковном кругу, но и светские люди – ученые, музыканты Москвы, Питера, Киева, Таллина, Риги и других городов. Он хорошо владел не только кистью художника-иконописца, но и, как монах-летописец, пером историка. В завершение своих воспоминаний о дорогом нашем батюшке о. Алипии хочется привести апостольские слова: «Поминайте доброго пастыря и подражайте его жизни»¹.

¹ См. Евр. 13, 7: *Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.*

Дорогого о. Алипия я никогда не забуду, молился и буду молиться за него до последних дней своей жизни. Он был и будет примером всей моей жизни. Больше я никогда не встречу такого доброго пастыря, как о. Алипий.

*Клирик самарского храма в честь Трех святителей
схиархимандрит Николай (Феоктистов),
келейник о. Алипия в 1964 – 1969 гг.
Самара, 2013 г.*

+ + +

Я впервые оказался в Печерском монастыре в 1959 году, в самом начале августа, когда отец Алипий прибыл сюда (почти инкогнито) как предполагаемый в дальнейшем наместник и еще только знакомился с положением дел в обители.

В ту пору мои представления о православной вере были весьма туманны, а в монастырях я вообще никогда не бывал. Тем более я был поражен всем увиденным – и древностью полуразрушенных крепостных стен, и храмами, и пещерами, которые посещал с проводником – отцом Нафанаилом, и даже нищими у стены, ведущей к Никольскому храму, которые были точно такими же, как на фотографиях начала XX века.

Передо мной была живая, явно не советская, а настоящая православная Россия. Замечательно было и добро-назидательное отношение ко мне, восемнадцатилетнему юноше, полному невежде в духовной сфере, со стороны насельников обители. И я уже не смог не приехать сюда хотя бы на несколько дней и в следующем году, и в последующем – уже с женой, а потом и с сыном: и так продолжается, слава Богу, по сию пору.

Лично же познакомиться с о. Алипием привелось мне в начале лета 1964 года, когда я, будучи студентом исторического факультета МГУ и специализируясь по истории древнерусского искусства, приехал в Печоры с приятелями – художником В. Архаровым и поэтом Г. Сапгиром. Отцу наместнику мы попались на глаза к вечеру, когда и он, и мы оказались рядом на площади перед Успенским храмом. Поинтересовавшись тем, кто мы такие и чем занимаемся, он сразу же, будучи знатоком православной традиционной культуры и ревностным хранителем церковной старины, расположился к нам до такой степени, что тут же стал показывать свои новейшие достижения в деле восстановления монастырских стен и с удивительной бодростью затащил нас на самый верх – в могучий шатер башни Верхних решеток. Шатер и дощатая кровля стен были только что просмолены – в истинном духе строгой северной обители XVI века. Было видно, что батюшке здесь дорог каждый камень и что он сам получает удоволь-

Псково-Печерский монастырь. Вид на Успенский собор. Фото из архива М. И. Семенова

ствие от этой высоты, от верхового крепкого ветра, от пламенного заката, особенно широко сиявшего при взгляде на него с вершины шатра. Мы же были благодарны отцу наместнику за такую впечатляющую экскурсию и, как оказалось впоследствии, нас (в том числе и меня) он запомнил. Замечу, что уже через много лет поэт Сапгир, насколько мне известно, крестился и закончил свои дни христианином: вероятно, одним из первых значительных моментов на пути его будущего воцерковления стало как раз посещение Печерской обители и та непосредственная, живая встреча с о. Алипием.

Я же по приезде в обитель в следующий раз, уже через пару месяцев, чувствовал себя в ней привычнее и по благословению батюшки начал понемногу принимать участие в некоторых послушаниях: чистил колокола, красил крыши, трудился в просфорной. Так продолжалось несколько лет, а с 1969 года я стал приезжать в обитель уже как представитель Владыки Питирима¹ – по линии Издательского отдела Патриархии. С этого времени и по 1974 год включительно я имел ду-

¹ Питирим (Нечаев) – митрополит Волоколамский и Юрьевский, в 1963 – 1994 гг. возглавлял Издательский отдел Московской Патриархии.

Псково-Печерский монастырь. Башня Верхних решеток. Фото из архива М. И. Семенова

ховно полезную и просто человеческую радость довольно близкого и откровенного общения с о. Алипием.

Темы бесед были самыми разными: и о жизни монастыря, и о положении Церкви в большевистской России, и о личном жизненном пути самого батюшки, и об искусстве, и о православной культуре, и о поэзии. Иногда он писал какие-то свои бумаги, письма, а я играл на фисгармонии – ему нравились Бортнянский, Сарти, киево-печерские распевы. Сам он был весьма музыкален, неплохо пел и как-то даже пел дуэтом в своих покоях вместе с Козловским, которого мы с архимандритом Агафангелом (Догадиным) потом провожали из монастыря, – и великий певец со своей подругой, солисткой Большого театра, все никак не могли прийти в себя от доброго приема, от гостеприимного и остроумного наместника, от замечательного глубоко черного неба в первом уже часу ночи – с сияющими на нем чистейшими печерскими звездами.

Батюшка ставил выше всего в литературном творчестве, конечно же, псалмы Давида, но любил и светскую поэзию: ему нравились Есенин, Кольцов, Тютчев, «Василий Тёркин» Твардовского. Но самым высоким духовным достижением светской поэзии он считал «Пророка» Пушкина: «“Как труп, в пустыне я лежал” – это про нас, про нас! – восклицал он. – “И вырвал грешный мой язык” – это нам, нам надо вырывать грешные наши языки!.. А в конце-то, в конце: “глаголом жги сердца людей!” – вот-вот, так никто не говорил и не скажет больше... это-то нам и нужно делать, это-то и нужно!» И действительно, в известной мере ему и самому удавалось добиваться этого в своих храмовых проповедях, всегда отличавшихся большой силой веры и замечательной искренностью.

Относительно монашества, его общественного назначения и роли в жизни страны, он также высказывался весьма определенно и всегда бесстрашно, даже с амвона, что в пору гонений на Церковь было редким явлением.

Особенно часто он говорил о необходимости помогать миру в его христианском просвещении – поскольку это было ему по-человечески близко в силу его равнодушного отношения к людям и личного интереса к христианам-интеллигентам образованного круга: художникам, поэтам, историкам, врачам, даже физикам и космонавтам. Он считал, что страну нужно поднимать, начиная с духовного просвещения интеллигенции, которая когда-то – именно в силу своей духовной темноты – и разрушила страну.

Нередко от него можно было услышать, что монастыри должны быть светом миру. Но раньше мир сам был христианским и шел к монастырям за молитвой, – теперь же мир оболванен, обманут и самообманут. Теперь нужно идти к нему! «Но кто же нам сейчас это позволит?! Поэтому мы, – говорил батюшка, – должны мир сами в монастыри заманивать! Одно-го заманим – а он другого приведет... Но чем же монастырь может заманить, чем привлечь? Христианин христианина может привлечь только любовью! А нехристя, язычника? Любовью вдвойне!»

Поэтому о. Алипий считал чрезвычайно важным и свое личное миссионерство; каждый, кто к нему обращался, получал ответную неравнодушную, заинтересованную реакцию: на зло – отповедь, иногда весьма ядовитую, на добро – добро вдвойне. Причем сам он всерьез никогда и ни на кого не злился: у него был большой опыт трудной и духовно осмысленной жизни, в свете которого он умел отделять грехи от самого грешника. Даже атеистов он скорее жалел, и порой эта жалость выражалась в шутке. Советского начальства он нисколько не боялся – ни духовно (как истинный воин Христов), ни практически-бытово.

В отношении трапез был очень скромен, ел мало, и почти не употреблял спиртного, зато любил угощать и мог делать это по-русски широко. В отношении же братских трапез не слишком экономил, считая, что у братии много работы и кормить их нужно основательно, да и пришлые «трудники» питались тогда вместе с монашеством. При этом он не допускал самовольного самоограничения кого-либо из братии, считая это проявлениям гордости и своеволия. Известен случай, когда один новоназначенный брат стал поститься сверх меры, перестал даже ходить на трапезу, бил бесконечные поклоны, в общем «замолился» – и без духовного при том руководства. Узнав об этом, о. Алипий решил дать этому энтузиасту хорошую духовную выволочку. При всей братии в трапезной он сказал по этому поводу: «Ишь, какой святой выискался! Это в миру все темно – там святые и нужны, чтобы в нем светить, а у нас в монастыре святые не нужны, у нас Пресвятой Богородицы дом – здесь и так светло. А нужно только, чтоб вы из себя человека делали, да и другим помогали человеками становиться». И затем обратился к отцу эконому: «Отче, купи завтра сала и колбасы. И дай ему, чтобы съел. А не будет, так я его из монастыря выпишу! Посмотрим: хватит ли его святости – с колбасой справиться?». Разумеется, колбасы никто не покупал. Но так батюшка, нарочно заостряя ситуацию, провозглашал важнейшую для монаха истину: послушание – паче поста и молитвы, и самовольникам в монастыре не место.

Необходимость послушания для должного внутреннего устройства монаха вообще была его излюбленной темой. Относительно монашеской активности, проявляемой без рассуждения и самостийно, он говорил так: «Нужно кипение, но с благословения. А то все сами-то кипят, кипят, а благословение им не нужно. И по большей части получается, что как крышки на чайнике: гремят-гремят, пар выходит, а толку никакого. Нужна рука, которая этот чайник благословит да крепко возьмет – тогда чайку и попьем. Вот только что и пример состоялся – что бывает без благословения. Уехал у

«Христианин христианина может привлечь только любовью! А нехристиа, язычника? Любовью вдвойне!»

нас на днях один монах в Псков. Я ему говорил: поедешь – зайди перед тем за благословением. Так нет: меня не было, а он не дождался, взял и поехал. И тут же под машину и попал – погиб бедняга за непослушание. У другого, может, и обошлось бы, а у монаха – нет. Сам на себя такую тяжесть брал – чтоб не по своей воле жить! А он по своей захотел – монашеская жизнь оказалась не по нраву, так вот теперь и вообще, бедняга, не живет».

Душа о. Алипия была широка и вмещала многое. Он мог сердиться и быть жестким с враждебными и агрессивными атеистами, мог иногда пошутить и даже чуточку поюродствовать для духовного назидания паствы. Но на службе и во время проповеди голос его иногда дрожал от умиления, а глаза увлажнялись от искренней любви к Богу. Он благоговел перед святынями и глубоко почитал человеческий подвиг. Всегда священной оставалась для него, например, память об Отечественной войне, которую он сам прошел от начала и до конца. Помнится, как-то за завтраком он вновь затронул тему непрекращавшегося тогда преследования со стороны начальствующих «товарищей»: «Они говорят – вы, мол, христиане, все непротивленцы и психология у вас, рабов Божиих, рабская: всё, мол, щеки подставляете, и толку от вас никакого! Так я им в нос одну штуку сунул!» – О. Алипий встал, ушел в комнаты, но тут же вернулся с пакетом в руках: «Я им говорю – вот наше христианство!» – он развернул пакет и достал небольшую книжку. Это оказалось Евангелие. Раскрыв его, батюшка показал мне: внутри оно все было когда-то залито кровью. «Это мне из Сибири привезли – как великую святыню последней войны. Говорят, под Сталинградом человек погиб. Евангелие у сердца носил. Вот она – кровь, за ближнего пролитая...». Я спросил: «И что же “товарищи”-то сказали?» Он ответил: «А что тут скажешь? Молчат». И добавил: «Такое Евангелие надо в алтаре хранить».

За подобного рода словами и поступками стояла его природная доброта. Она же постоянно призывала его к делам милосердия, которые он почитал, следуя примеру преподобных Сергия Радонежского, Иосифа Волоцкого, древнего печерского игумена Корнилия, важнейшими в монастырской жизни – особенно в современной. За это ему постоянно грозил местный представитель КГБ – «уполномоченный по делам религии».

Но уже с утра, зная любовь батюшки к подаванию милостыни, под балконом наместничьего дома собирались просители. Здесь были и сторонние проходимцы, и местные пьянчужки, и подлинные страдальцы. Батюшка выходил время от времени на балкон «на смотр их рядов» и принимал свою любимую позу, опершись на перила и для основательности поставив ногу внизу между узоров решетки. При этом он напоминал капитана на корабельном мостике: отсюда он окидывал взором пол-

монастыря, и именно самую активную его половину, где толклись зеваки, туристы, богомольцы, искатели правды Божией, а также всевозможные попрошайки. Всех их о. Алипий мгновенно просчитывал и для каждого находил подходящий и достойный ответ, а то и нелюбезную отповедь. Истинно же нуждавшимся он всегда помогал: мог дать денег на корову, помочь погорельцам – так он тут же послал меня на почту отправить деньги на временное обустройство пострадавшему при пожаре известному местному народному изборскому художнику П. Д. Мельникову, только я сообщил ему об этом несчастье. Иногда по утрам я разбирал его корреспонденцию, среди которой немало было жульнических писем и якобы сельсоветских справок ложных «страдальцев» от эпидемий или тех же пожаров – с туманными оттисками обычных советских пятаков. И это было свидетельством того, что люди хорошо знали о его душевной отзывчивости: авось, номер да пройдет! Но номер не проходил – такие бумажки своей наивностью батюшку даже как-то умиляли: «Пусть они и надуть хотят, но ведь верят же, что именно Церковь им скорее всего поможет и даже обязана помочь!» – говорил он порой в таких случаях.

Он твердо считал, что Церковь должна быть путеводительницей мира во всех смыслах – и в деле спасения, и в деле устройства общества, и в культуре, и в науке, и в экономике, и непременно в политике. «Сейчас, – говорил он, – этого нет, но вечно же так не будет; наши-то дураки еще очнутся, а вот чужие – не вем!» Он был убежден, что вестью о Воскресении Христовом, христианством, его словом и духом, его учением и делом должна быть пронизана вся наша жизнь и жизнь всей вселенной в целом – ведь вся тварь, естественно, должна повиноваться своему Творцу и Пастырю. При этом батюшка часто говорил: «Мы сейчас все сидим по окопам, война у нас позиционная, а нужно переходить в наступление. Атеизм давно прогнил: они и в свое неверие-то давно не верят, тут все давно прогнило, только инерцией и держится».

Его заботило положение Церкви – не только внешнее, но и внутреннее. Он часто печалился о нехватке широко образованных пастырей, равно как и монашества, говоря: «Нас ведь и до революции образованием не очень-то баловали. Только-только начали развиваться – вон какой мудрец тот же Патриарх Сергей [Страгородский] был или нынешний Алексей [Симанский], только-только в Церковь культурный народ пошел – даже наш здешний о. Николай Верхоустинский¹ у самого Флоренского на тайных курсах при большевиках учился, – так революция все разорила, загнала да вогнала – кого в лагерь, а кого в гроб. Тут не до культу-

¹ Верхоустинский Николай Эллиевич (1908 – 1953) – священник в Новгородской обл. В 1953 г. приговорен к 25 годам лагерей.

ры было. А после войны в семинарии образованных не пропускали, чтобы с нами легче потом бороться было и чтоб мы среди интеллигентной публики как лунатики бы выглядели! Как таких просвещать, когда они заранее на тебя, как на темного чудака смотрят? Нам нужно и образование, и культура, и искусство, и наука, и поэзия, и кино – иначе нас не послушают: с волками жить – по волчьему выть. Один... душой, может, поверит – и так придет к Богу, а другой – прежде через голову должен! А с такими нужно на равных говорить». Вероятно, поэтому о. Алипий и сам не брезговал просвещать, как он говорил, и «этих балбесов-художников», и «чудаков-поэтов», и ушедших киношников. «И у них у всех, – говорил он, – живые души. Их только наточить нужно, с душ мирскую тупость снять. Ведь, верно, нравится им здесь – если приезжают...»

И было понятно, что им, конечно же, здесь нравилось, и столь же нравился им он сам: веселый, бодрый, умный, с живым чувством юмора; почти по-детски – искренне, чисто и просто – верящий Христу и во Христа, твердый Его воин, добрый человек и честный русский монах. Таким он запомнился и мне.

*Диакон Георгий Малков.
29 августа 2004 г., Москва*

ПРОПОВЕДЬ АРХИМ. АЛИПИЯ В ТРЕТЬЮ НЕДЕЛЮ ВЕЛИКОГО ПОСТА¹

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! *Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возьмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16, 24) – так говорит нам, возлюбленные братия и сестры, Господь наш Иисус Христос в сегодняшнем Евангелии, и еще говорит: *Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть. Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11, 27 – 30).

Каждому из нас... необходимо взять свое иго, то есть крест, и нести его со смирением, терпением, кротостию, послушанием воле Божией. Это иго, или крест – есть наши скорби, болезни, поношения, заушения, заплевания, – и все это мы должны нести безропотно, с любовью и благодарением, чтобы найти покой, утешение, спасение своей душе.

Господь называет Свое иго благим, легким, потому что оно дается каждому по силе. Кто сильнее духом, тому дается крест тяжелый, чугунный – по силе его, а кто послабее, тому дается крест полегче – деревян-

¹ Печатается по: У «Пещер Богом зданных». Псково-печерские подвижники благочестия XX века. М.: Правило веры, 2000. С. 416 – 421.

ный, но тоже по силе. Одним словом, каждый из нас несет свое иго, свой крест, нет ни одного человека, кто бы его не имел.

Без смирения человеку невозможно найти душевного покоя, что бы он ни делал: будь то молитва или милостыня, или какое другое доброе дело, – ко всему нужно приступать со смирением. Пусть человек будет творить чудеса: передвигать горы, исцелять болезни, изгонять бесов, воскрешать мертвых, – однако же Господь скажет на последнем суде Своим всем таким людям: *отойдите от Меня¹ – Я не знаю вас²*. Они скажут: «Господи, ведь мы творили чудеса Твоим именем, и Ты отвергаешь нас?» И опять Он повторит: «Отойдите от Меня, делающие беззакония, Я не знаю вас». Почему же Господь так грозно и решительно отвергает таких людей, творящих много добрых дел Его именем? Потому что все дары, все таланты – не наши, а Божии, мы получаем их от Бога: кто один, кто два, кто три, пять, десять – и делаем много дивного, чудного, великого, воображая себя богами, не хотяще воздать славу и благодарение Тому, от Кого мы все это получили: и разум, и все таланты душевные и телесные. Поэтому Господь и отвергает от Себя таких людей, которые все дары Божии присвоили себе и все великие дела делают для своей славы, наслаждаясь, восторгаясь ею в своем сердце, получая похвалу людей. Они уже получили свое, и Господь не дает им вечного покоя.

Когда евреи, избранный народ Божий, сорок лет путешествовали по пустыне после выхода из Египта, то в одном месте на них напало множество змей, от укусов которых они умирали тысячами. Тогда они просили своего вождя о защите, а Моисей взмолился к Богу, чтобы Он избавил их от такой напасти. И Господь Бог велел Моисею сделать деревянный крест и повесить на него медного змия³. Этот крест прообразовал собой Крест нашего Спасителя Господа Иисуса Христа, и кто из ужаленных змеями смотрел на этот крест, получал исцеление.

Так вознесем и мы свой мысленный взор на Голгофу, где невинный, безгрешный наш Спаситель страдал за наши грехи, посмотрим на Него, как смотрели древние иудеи на прообраз этого Страдальца, и тоже получим исцеление от всех змеиных укусов, которые наносит нам враг-искуситель.

Взойдя мысленно на Голгофу, мы увидим три креста: посредине – Крест Спасителя, неизмеримо тяжелый, на нем пригвожден Праведник за то, что делал людям одно только добро. С правой стороны – крест благо-

¹ Лк. 13, 27.

² Лк. 13, 25, 27.

³ Чис. 21, 8.

разумного разбойника – представителя благоразумных людей рода человеческого. С левой стороны крест неблагоразумного разбойника – представителя неблагоразумных людей мира сего, потому что он, сам невыразимо страдая, хулил, поносил Спасителя, подражая проходившим мимо фарисеям, злословившим Господа Иисуса Христа.

Благоразумный разбойник видел знамения, какие были при распятии Спасителя, и по Его необыкновенной кротости, смирению, терпению – понял, что рядом с ним распят не простой человек, но Праведник, Сын Божий. Возмущенный злословием своего товарища – разбойника, распятого с левой стороны, – он стал вразумлять, останавливать его от злословия, говоря: «Мы страдаем по делам нашим, мы заслужили эти страдания, но среди нас распятый есть Праведник, невинный Страдалец, не делавший никому никакого зла, кроме добра»¹. С верой и искренним раскаянием он обратился к Господу: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии си*². Господь же за его веру и искреннее покаяние обещал не только помянуть разбойника, но сделать наследником Своего Царства. Он сказал ему: *ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 43).

Но участь разбойника, висящего на кресте с левой стороны от Спасителя, ужасна – сделать так много зла на земле, невыразимо страдать на кресте и не получить никакого утешения, никакого душевного покоя, обречь себя на вечное страдание! Как это ужасно, возлюбленные братия и сестры, поставить свой крест с левой стороны и добровольно обречь себя на вечные мучения. Ибо это зависит от нас, на какую сторону от Христа мы себя поставим – на правую или на левую, все зависит от нашего произволения...

Все мы несем свой крест на Голгофу: потому что нес его Спаситель, несли разбойники, несем его и мы на свой смертный одр. Наш смертный одр и есть Голгофа, и каждый при своей смерти узнает, по какую сторону от Господа он поставил свой крест – по правую или по левую.

Благоразумный разбойник искренне покаялся в своих злодеяниях, во всеуслышание исповедал Иисуса Христа Сыном Божиим и соделался наследником Царства Небесного. Но разбойник, висящий по левую сторону от Христа, не сделал этого, хотя он тоже мог бы сказать от всего сердца Спасителю вслед за своим товарищем: «Помяни и меня, Господи, во Царствии Твоем», – но он не сделал этого и погиб навеки.

Не оправдится пред Тобою, Господи, всяк живой на земле³, сказано пророком, то есть на суде Божиим все будут безответны и не смогут сказать Господу: «Я не знал этого». Все знают, что есть Бог: знал это и разбой-

¹ См.: Лк. 23, 40 – 41.

² Лк. 23, 42.

³ Пс. 142, 2.

ник, висящий по левую сторону от Спасителя, книжники и фарисеи знали, что распяли Сына Божия, знает и теперь каждый живущий на земле – верующий он или неверующий. Все знают, что есть Бог, что Он пришел на землю во плоти, творил непостижимые для ума человеческого чудеса, пострадал от злобы людской, умер и в третий день воскрес. Все это знают – однако же не хотят последовать за Христом на Голгофу, смирить свою гордыню и добровольно пригвозждают себя по левую сторону от Креста Спасителя – туда, где висел неблагоприятный разбойник, – такой же злой и гордый человек. Эти люди также несут свои кресты: страдают от болезней, бед, скорбей и неудач, – но эти страдания служат им не во спасение, а в осуждение, потому что они не хотят смирить себя, верить, надеяться и любить Сына Божия. Им нравится пребывать во зле, в вечной темноте – это самое ужасное состояние. Сатана никогда не хочет смирить себя, не хотят смирить себя и служители его.

Но мы последуем благоумному разбойнику, потому что мы все, без исключения, разбойники. Нет ни одного человека на земле, кто бы не согрешил. Все мы согрешаем, потому что *дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5, 8). Мы, слабые, маленькие, немощные люди, не можем устоять против его страшных искушений, поэтому вольно или невольно согрешаем. < ... >

Итак, понесем каждый свой крест на Голгофу, поставим его по правую сторону от Спасителя и скажем: «Господи, мы – разбойники, мы много сделали зла, тяжело согрешили пред Тобою, пред людьми, пред животными и против самих себя. Мы – грешники, но Твои. Веруем в Тебя, надемся на Тебя и любим Тебя, а поэтому просим Тебя: как Ты принял покаяние благоумного разбойника, сказавшего Тебе от всего сердца: “Помяни мя, Господи, когда приидеши во Царствие Твое”, и Ты ему ответил: “Сегодня будешь со Мною в раю”. – Так и мы молим Тебя: помяни и нас, егда приидеши во Царствие Твое, и Ты, как любящий кающихся детей Своих, скажи нам: “Сегодня же будете со Мною в раю”». Аминь.

1962 г.

ЛИТЕРАТУРА:

- Алипий (Воронов), архим.* Автобиография // Слово. 1992. № 1 – 6.
Алипий (Воронов), архим. Проповеди. М., 1999.
Алипий (Воронов). Непридуманнные истории // Псковские Печоры. (Электронный ресурс) / pechori.ru/people/alipij-voronov-nepridumannye-istorii
Пономарев А. М. Я – русский Иван // Русский дом. 2006. № 3.
 У «*Пещер* Богом зданных». Псково-печерские подвижники благочестия XX века / Сост. Ю. Малков и П. Малков. М., 1999. С. 403 – 422.

Митрополит Нектарий (Пападакис) – епископ полуавтономной Критской Православной Церкви в составе Константинопольской Православной Церкви, митрополит Петрийский и Херсонисский, ипертим и экзарх Карпатского моря.

Родился в 1951 г. в поселке Каталагари Педиадос близ Ираклиона на Крите. В 1970 г. принял монашеский постриг в монастыре Святого Георгия Эпаносифис и в 1971 г. рукоположен в иеродиакона, а в 1972 г. – в сан иеромонаха архиепископом Критским Евгением. Служил в Критской архиепископии в качестве директора благотворительного фонда. В 1975 г. закончил богословскую школу Афинского университета.

В 1977 – 1978 гг. – генеральный архиерейский эпитроп. С 1978 по 1990 гг. занимался должностью протосинкелла (ближайший помощник правящего архиерея, должность сопоставима с должностью секретаря епархиального управления в современной Русской Церкви) и преподавал в средних школах.

6 октября 1990 г. хиротонисан во епископа с возведением в сан митрополита Петрийского и Херсонисского.

Отошел ко Господу 15 октября 2015 года в Афинах.

ОТЕЧЕСКИЕ НАПОМИНАНИЯ И УВЕЩЕВАНИЯ

КЛИРИК НА ЦЕРКОВНОМ СЛУЖЕНИИ В МИРУ

*Моим дорогим сотрудникам, досточтимым
иереям и боголюбивым монахам*

Мои дорогие иереи! Я не буду говорить научным языком и давать рекомендации нравственного характера. Сегодня мы не слушаем ничего, что начинается словами «надо» и «я обязан». А кто этому следует? Сегодня мы говорим не о нравственности, но об этике, потому что редко встречается теперь нравственность. Сегодня мы не выполняем наш долг, и потому опутаны долгами. Я буду говорить, исходя из опыта, и приводить примеры. С другой стороны, кто может определить сущность, исследовать причины поступков и поведения священнослужителей?

БЛАГОЛЕПИЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ

Дорогие мои отцы и братья, признаюсь вашей любви, что когда я вас вижу, точнее, когда мы видимся с вами, то я скорее сам поучаюсь у вас. Приснопамятный патриарх Афинагор¹ рассказывал, что когда в патриархию к нему приходили жители Эпира², они ему говорили: «Мы, Владыка, пришли повидаться». Эти свидания лицом к лицу освещают глубины наших душ и согласовывают биение наших сердец.

Верю, что отеческая любовь – это единственное, что ведет к укреплению, к поддержке священнослужителя, к его покаянию и восстановлению. Каждого епископа судят по тому, любит ли он своих клириков. Если ты хочешь узнать, что за человек какой-либо епископ, обратись к его сотрудникам. Они его знают хорошо.

Идеальных священников не бывает. Все мы стремимся к совершенству в меру наших сил. Профессор Савва Агуридис³ говорил: «Всех вме-

Это обращение было произнесено на собрании священнослужителей Священной Критской Архиепископии 30 мая 2013 г. в стенах Высшей церковной академии Крита.

Перевод с греческого иеромонаха Антония (Подоровского).

¹ Афинагор (Спиру, 1886 – 1972), патриарх Константинопольский с 1948 по 1972 гг. (Эта и все последующие сноски, а также разделение на части в оригинальном издании отсутствуют. – *Прим. пер.*).

² Эпир – историческая территория к северу от Пелопонесского полуострова на побережье Адриатического моря, в настоящее время разделена между Грецией и Албанией. Патриарх Афинагор был родом из Эпира.

³ Савва Агуридис (1921 – 2009), известный греческий православный библист, профессор Афинского и Фессалоникского университетов.

щает в себя Евангелие. Лишь одна категория не входит в него – это лицемеры. Эти люди не находили себе места в Христовом сердце». Всех клириков вмещает в себя Церковь, только лицемерных служителей не принимает Христос, в каком бы чине они ни были. Но и мир отвергает таких. Поэтому первая задача в жизни священника состоит в том, чтобы исполнять положенное ему служение по истине, нелицемерно нося бремя священства и священные сосуды.

Старец Паисий¹ сказал как-то монаху, который намеренно носил слишком ветхую рясу: «Сквозь дыры в твоей рясе видны эгоизм и лицемерие». Бог не будет нас судить слишком строго, когда мы являемся миру такими, какие мы есть. Однако Он весьма сурово осудит нас, если мы лицемерим, и хотим казаться святыми, если мы не благочестивы, но демонстрируем благочестие. Сейчас, в последнее время, мы различными способами демонстрируем человеколюбие, которое должно совершаться постоянно и по-евангельски.

Меня ужасает одна фраза в Священном Писании о том, что проклят всякий, делающий дело Господне с небрежением². Небрежение священника приводит к дерзости и заканчивается хулой на Духа Святого. Тот, у кого нет нравственных границ, может пойти на все. Его даже Бог боится.

Апостол Павел пишет, что многие болеют, многие подвергаются страшным испытаниям, потому что причащаются Пречистых Таин, будучи недостойными. Может быть, это относится и к нам? *Ядый ... и пияй недостойне* Кровь Господню, повинен есть³. Такому причастие становится в суд и в осуждение. Наше тело напитывается Кровью Господней! Какое это благословение – но и какая ответственность!

Очень вас прошу, будьте внимательны к духовным законам. Они непреложны. Если клирик не предстоит, не служит как подобает перед святым Престолом, Престол его отвергнет с математической достоверностью.

На протяжении своей жизни мне довелось познакомиться со многими священнослужителями. Не обижайтесь на меня за то, что я вам скажу. Вижу, что постепенно оскудевают эти прекрасные образы священников. Я сравниваю тех, старых иереев, с нынешними. Не буду утверждать, что раньше все были добродетельными. Но зато все были благолепными. Сегодня, по моим наблюдениям, везде господствует неестественность, стремление к внешнему во всем.

¹ Преподобный Паисий Святогорец (в миру Арсений Эзнепидис, 1924 – 1994) – выдающийся современный святой, большая часть подвижнической жизни которого протекала в монастырях Святой Горы. Его прославление в лике святых состоялось в 2015 г., поэтому здесь владыка Нектарий еще называет его «старец Паисий».

² См.: Иер. 48, 10.

³ См.: I Кор. 11, 29 – 30.

Звук, свет и образ определяют нашу православную веру. В этих трех сферах раскрывается ее Таинство. Поэтому я полагаю, что фигура священника вдохновляет. Прошу вас, не щеголяйте, не выставьте себя напоказ. Носите рясу с достоинством. Эта ряса дала нам хлеб, и мы обязаны ее чтить.

Как-то я был на приеме у приснопамятного патриарха Димитрия¹. Разговор зашел о священнической рясе. Патриарх рассказал нам о событиях в Константинополе в тридцатые годы, когда всем клирикам запретили публичное ношение рясы. Некоторые из них заболели, не хотели выходить из своих домов. Для самого патриарха это было тяжелейшее испытание. И патриарх Димитрий завершил: «Расскажите тем, кто желает ходить без рясы, с каким нетерпением мы здесь ожидали, когда турки нам снова разрешат ее носить». Вот каким был смиренный патриарх Димитрий.

Приснопамятный афинский архиепископ Серафим², который очень любил священников, говорил: «Ежедневно целуйте вашу рясочку и будьте отважными». Эта ряса сделала нас людьми. Давайте-ка посмотрим, кто с нами будем здороваться, если мы снимем рясу. Мы обязаны хранить нашу рясу в чистоте во всей полноте смыслов этого слова, не окрашивая ее в цвета мирских идеологий.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ

Божией милостью мы стали иереями и держим преемственность священства, и нам надо непорочным передать его последующим поколениям. Не с нас начинается священство, не нами и закончится. Молитесь, чтобы эстафета нашего священства не осталась без преемников. Тогда на нас будет огромная ответственность. Хороший священник всегда заботится о своем преемстве. Конечно, призывает Господь, но и мы являемся Его сотрудниками в этом деле.

Не говорите мне, что сейчас люди безразличны: проблемы и кризисы были всегда. Церковь всегда пребывала в кризисе. Но где есть добрый священник, который источает любовь, там и сотрудники найдутся, и молодежь будет готовиться к принятию священства. Народ у нас очень хороший.

Святитель Иоанн Златоуст в сложные годы внутренних гонений, которые пришлось на его время, с болью писал: «Самый большой грех священнослужителей – это маловерие». Господи, умножь в нас веру!³ При-

¹ Димитрий (Пападопулос, 1914 – 1991), патриарх Константинопольский с 1972 по 1991 гг.

² Серафим (Тикас, 1913 – 1998), архиепископ Афинский с 1974 по 1998 гг.

³ См.: Лк. 17, 5.

снопамятный митрополит Пирейский Хризостом¹ рассказывал на епархиальном собрании о том, как он был свидетелем кончины одного священника, который, отчетливо увидев противоположный берег вечности, со слезами говорил: «Христе мой! Теперь я уверовал в то, о чем столько лет говорил – и не верил».

Не приведи Господь и нам оказаться в такой ситуации! А мы-то сейчас понимаем ли, что читаем, действуем ли – или пребываем бездейственными? Знаем ли мы, что такое сокровищница личной молитвы? Являясь проводниками благодати, испытываем ли сами прикосновение Божественной Благодати? Сколько клириков отходит в вечность неисповедавшимися и не получившими прощение?

Некоторые из нас должны были бы испытывать пожизненно чувство недостойности за свои канонические препятствия. Только это не приносит пользы. Оно может даже быть делом дьявола, который желает, чтобы мы разочаровались, и сеет в наших душах чувство безнадежности.

Да, братья мои! Мы можем стать святыми иереями, святыми епископами. Не будем отчаиваться! Что мы читаем в светильничных молитвах? Бог – это Тот, Кто удостоил нас Небесного Царствия ради уже уготованных для нас благ, поручивый обещанное царство, дарованными благими². Бога умиловливляет Его собственное благоутробие, оно преумножает Его милость на нас. Мы должны ценить это и благодарить Его о всех и за вся.

Отметим слова, которые произносятся в коленопреклонной молитве: «Господи, Тебе единому согрешаем, но Тебе единому и поклоняемся»³. Мы не воздвигали наших рук к иным богам. Совершайте, братья мои, дарованное вам служение добровольно. Не ждите приказов стоящей над вами власти, чтобы исполнять ваши обязанности.

Однажды мне довелось встретить одного священника, которого много лет не видел. Он находился в плачевном состоянии, его эгоизм отлучил его от Церкви. Я пристально посмотрел на него, и он спросил: «Ты меня не узнаешь?» Я ответил ему: «Знаю тебя, но не признаю тебя в том состоянии, в котором ты находишься».

Путеводителем в нашем служении должен стать голос нашей совести. Пусть он будет голосом Божиим и звучит ясно, неискаженно. Во всем, даже в мельчайших подробностях нашей жизни, пусть проявляется наше внутреннее состояние – в движениях, в походке, в словах, в улыбке. Божи-

¹ Хризостом (Тавладоракис, 1909 – 1977), первый митрополит Пирейской митрополии Элладской Православной Церкви с 1965 года до своей кончины.

² Шестая светильничная молитва на вечерне.

³ Ср. с молитвой «Согреших, беззаконнах» после канона Иисусу Сладчайшему.

ей милостью мы являемся пастырями Церкви, впрочем, на время. «Пастыри и овцы различаются для людей, а перед Богом все овцы».

Придет и для нас час суда. Как же сложно спастись клирику! Мы читаем в святоотеческих книгах откровения о состоянии иереев в иной жизни – и плачем. Поэтому-то многие иереи, которые видели в своей жизни какие-либо божественные знамения, не дерзали больше священнодействовать.

Старец Августин, епископ Флоринский¹, рассказывал прекрасную историю, желая подчеркнуть смирение, которым должны обладать священники. «Как-то один алтарник навьючил на осла две большие иконы, чтобы отвезти их в храм. По дороге все христиане поклонялись им и целовали их прямо там, где они находились, на животном. Осел, видя такое отношение, стал любоваться собой и зашагал медленно и важно. Он решил, что почести адресованы ему. Владелец осла подумал: “Погоди-ка, вот сейчас приедем, и ты у меня попляшешь!” И когда они добрались до храма, а иконы были разгружены, хозяин взял палку и как следует отдубасил осла!

Так, – говорил владыка Августин, – верующие почитают и нас, священников, потому что мы несем на себе образ Христа. Не принимайте почести на свой счет, они относятся ко Христу. Если мы будем много мнить о себе, то будем сурово наказаны в судный день».

ЧАСТОЕ СЛУЖЕНИЕ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Я был знаком с малограмотными священниками, которых бы сегодняшние клирики осмеяли за их простоту. Хотя они жили в трудные времена, их день начинался с колокольного звона в храме. Они сами возжигали лампы, совершали богослужение и затем отправлялись трудиться на свои поля, чтобы вырастить хлеб насущный, а вечером, возвратившись, шли в храм и совершали вечерню с повечерием. Раньше было много благоговейных клириков, следовавших этому обычаю. Их нелегко перечислить, вы сами их знаете и еще услышите о них.

Так ежедневно жила приходская община, и люди видели, что иерей находится на своем посту. Они слышали звон колокола своего храма, и его мелодичный звук наполнял их безмятежностью. А сейчас кто совершает ежедневные службы? В самом деле, сколько священников живет в деревнях? Но и в городах, где в приходах более одного священника, ежедневные службы не проводятся, за исключением немногих храмов. Случается, что священник живет рядом с храмом или очень близко от него – а храм всю неделю стоит закрытый.

Один клирик написал такие слова: «Я люблю приходские храмы. Что скрывают они, о чем умалчивают! Это личное пространство священ-

¹ Августин (Кантиотис, 1907 – 2010), митрополит Флоринский с 1967 по 2000 гг.

ника, которое навевает живительные воспоминания. Заходишь в такие храмы и чувствуешь, будто их стены обнимают тебя. Невольно задумаешься, какие же духовные священнослужители здесь молились, что так благоуукрашили их».

Священники знают каждый закуток, каждый уголок своих храмов. Это их царство. Это место, где им лично открывается Бог, это их Неопалимая Купина. Вся жизнь священника определяется, вдохновляется ими.

Я был знаком со священниками, заботой которых было непрестанное служение на своих приходах. Они не жаловались на певцов, у них было рвение обучать людей чтению и пению – простому, обиходным напевом. Они не пропускали ничего, не оставляли ни малейшей памяти святого без совершения литургии.

Можно было почувствовать аромат благоговения, окутывающий тебя запах ладана, когда ты их приветствовал. Я с давних пор вспоминаю многих клириков, после посещения которыми епархиального управления в здании оставался запах ладана на целый день! Что это было за благоухание!

ОБРАЩЕНИЕ К СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЮ

Я знал священников, которых никто вне дома не видел без подрясника. Они даже среди детей стыдились появиться без него. И где бы ни были, они носили свою скуфью, и народ приветствовал их: «Здравствуйте, батюшка». Даже их матушки раньше называли своих супругов при обращении словом «батюшка», а не по имени. «Батюшка» значит отец, папа. Отсюда же происходит и титул Папы.

Сейчас даже между собой мы не употребляем слово «отец», называя друг друга только по имени. В таких вопросах фамильярность недопустима. Можем ли мы наших отца или мать назвать просто по имени?!

Часто случается, что, только когда мы отпеваем жен священников старшего поколения, народ узнает их имена. Потому что все их знали и называли «матушка», «попадья». В нашей митрополии многие женщины названы именем «Попадья» в честь своих бабушек, которые были женами священников. Когда их крестили, то называли не по имени бабушки, а по тому, кем она была – попадьею. Какой прекрасный взаимный переход имени человека и его служения!

ОТНОШЕНИЕ К МОЛИТВЕ И ЦЕРКОВНОМУ УСТАВУ

Я был знаком со священниками, которые в своем доме, порой маленьком и невзрачном, имели комнатку, куда не дозволялось входить остальным членам семьи. Там, в своем евангельском имении, они читали духовные книги, молились, совершали бдения, читали Псалтирь,

Жития святых, повечерие, часы, прежде чем идти в храм. Изучение духовных книг для священника подобно Святому Причащению.

Чем лучше мы готовимся к Божественной Литургии, тем более мы ее чувствуем и переживаем. Сколько клириков вовсе не знают, что такое «Последование ко Святому Причащению». Они его никогда не читали. А Священное Писание, хотя бы Новый Завет, мы прочитали?

Я знал священников, которые многократно просыпались ночью, когда, по словам иеромонаха Ефрема Катунакского¹, небеса отверсты. И рано поутру шли в храм, где начинали читать полунощницу, которую мы все забыли. Затем они читали все каноны до тех пор, пока не рассветет.

Они все это знали наизусть. Какое почтение к Типикону, к уставу! Сейчас мы не знаем богослужебный устав, многое опускаем и хотим изменений, потому что мы прогрессивные. Сегодня нам нужны переводы, поскольку, по нашему мнению, необходимо, чтобы прихожане понимали. Можно ли перевести Таинство? Чтобы его вульгаризировать? Для чего? Эти нововведения – симптомы фарисейского себялюбия, и их предлагают некоторые, кто считает, что они не *как прочие* иереи и архиереи²...

Так делают люди, лишённые церковного воспитания, не знающие вкуса церковной жизни. Таким вещам нет места в Церкви. Избегайте нововведений.

Язык, на котором написано Евангелие – древнегреческий, и также, как мы учим иностранные языки, мы обязаны учить и язык Церкви. Эта большая честь для нашего народа – что все эти тексты были написаны на греческом языке. Посмотрите на нашего Патриарха: на каком красивом языке он говорит и пишет. Это исторические тексты. Ах, как замечателен Фанар³! Слава Богу, что он находит силы выживать!

Оплотом греческого языка является Церковь. Если мы начнем менять церковные тексты, то ничего правильного, прямого не останется. Был один «прогрессивный» священник, говоривший во время венчания: «Венчается сын Божий такой-то с дочерью Божией такой-то». Ему претило сказать «раб Божий». Когда он умер, его причуды были забыты.

О богослужениях, совершаемых вне монастырей, я как-то имел беседу с отцом Даниилом из братства «данилейцев»⁴, он мне высказал свою

¹ Старец Ефрем Катунакский (в миру Евангел Папаникитас, 1912 – 1988), выдающийся святогорский подвижник, ученик старца Иосифа Исихаста, особенно прославившийся своим послушанием.

² Ср. Лк. 18, 11.

³ Квартал Константинополя, где находится резиденция Вселенского Патриарха и его кафедральный собор. В переносном смысле – администрация Константинопольского Патриархата.

⁴ «Данилейцы» – монашеская святогорская община, основанная в Катунаках старцем Даниилом Катунакским (Димитриадисом, 1846 – 1929).

скорбь. Как-то его пригласил попеть на службе один приходской священник. В субботу вечером отец Даниил спросил священника: «В каком часу мы начнем службу утром?» Священник ему ответил: «Я сам, отче, вас разбуджу». Наступило четыре часа, пять, шесть – а священник все его не зовет. И когда около семи он позвал его, то отец Даниил с горечью сказал ему: «Как же мы, отче, пойдем в церковь в такой час? Что мы там будем читать? Мы должны были, как мироносицы, зело рано во едину от суббот¹ находиться во дворах Господа».

Те из вас, кто постарше, помнят, как в наших деревнях часто совершалась литургия на рассвете дня. В нашей митрополии в некоторых деревнях совершаются службы по ночам, особенно Успенским постом. Не думайте, что если вы перенесете Божественную Литургию с семи на девять или десять часов, то придет больше народу. Те, у кого есть ревность, придут тогда, когда их зовет церковный звон, который является гласом Божиим. Церковь располагает свободой во времени совершения богослужений. Богослужения согласуются с разными временами года, местами, условиями, распорядком рабочего дня.

Благословенны небольшие ночные службы, совершаемые в последнее время на приходах. Совершайте их, они облегчают жизнь народу. Говорите христианам, что как цветы дышат ночью, так и мы должны по ночам молиться. Что мы произносим на Утрени? «Помяни, Господи, в нощи к Тебе вопиющая»².

Можно ли, ИЗМЕНЯЯ БОГОСЛУЖЕБНУЮ ТРАДИЦИЮ, ПРИВЕСТИ ЛЮДЕЙ В ЦЕРКОВЬ?

Много изменила после Второго Ватиканского собора³ римокатолическая церковь. До того ее клирики служили, обратившись к востоку. С тех пор она развернула священника назад, и он, вместо того, чтобы обращаться на восток, теперь смотрит на запад, то есть видит людей. Думают, что так лучше. Однако священник во имя народа воссылает Богу свои молитвы на восток, обращаясь в сторону своего вожделенного Отечества.

Римокатолическая церковь и протестантские конфессии наполнили свои храмы скамейками и сиденьями и озаботились социальной деятельностью. Они почти упразднили священные каноны, пост, препятствия к участию в литургии и многое другое. Я вас спрошу, много ли народу, много ли молодежи они привлекли такими мерами?

¹ См.: Мк. 16, 2.

² Шестая молитва на Утрени.

³ Второй Ватиканский собор (1962 – 1965), который римокатолики считают XXI Вселенским, собирався с целью «обновления Церкви и ее разумной реорганизации» и прославился, в частности, своей радикальной литургической реформой.

Посмотрите, что происходит. Храмы постоянно пустеют в Европе и не только. А что насаждается? Мечети, которые наполняются фанатичными исламистами. Церковь, которая последовала течению мира и впадала в великое искушение обмирщения, изменила свою жизнь и свое учение. Раздаются многие голоса, которые об этом свидетельствуют.

Если вы поедете в Россию, вы увидите, что в храмах нет сидений. У русских «деревянные» ноги, они стоят всю службу и постоянно благоговейно совершают поклоны. Я не настаиваю на отмене традиционных стасидий в храмах. Они действительно нужны. Но именно стасидии, а не лавки и бесчисленные сиденья, которые превращают Церковь в зал кинематографа. Какой глубокий символизм у стасидии! Не делайте скидок за счет нашего Предания, потому что таким образом мы потеряем все и останемся одни.

Люди употребляют выражение «начальник Церкви» и подразумевают патриархов, архиереев и других. У Православной Церкви нет начальников. Мы все – служители Церкви, служители Таинств.

Мы не представители Бога. Бог пребывает с нами *до скончания века*¹. Это мы читаем в первом воскресном евангелии на утрени. И Церковь нам поручила держать в одной руке Евангелие, а в другой – Святое Причастие. Вот залог, который вручил нам Епископ, когда рукополагал нас. Вы знаете, что в конце нашей священнической жизни это самое Евангелие, обоюдоострый меч духа, возложат на нашу грудь, так же, как раньше погребали погибших воинов, которым на смертном ложе клали оружие, с которым они воевали и пребывали на боевом посту.

О МАНЕРЕ СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИЯ

Прошу вас, делайте более частыми ваши богослужебные собрания. Служите с радостью. Не торопитесь, произносите все четко, не совершайте формально ваши литургические молитвы. Народу открывается глубина веры иерея по тому, как он дает возгласы и поет. Большинство из нас, произнося молитвы вслух, не обращается к Богу, а заботится, чтобы нас было приятно слушать.

Мы часто слушаем и смотрим по радио и телевидению трансляцию литургий и других богослужений. По возгласам архиереев и иереев можно понять, верят ли они тому, что говорят. Искушение эстетизмом и челоукоугодием велико. И часто и мы с вами падаем, становясь его жертвами.

Мы здесь, на Крите, который является епархией Вселенского престола, с давних времен славились прекрасным, подлинно мужским исполнением возгласов и Божественных Литургий в наших монастырях и на приходах, согласно со звуковым колоритом Великой Христовой Церкви.

¹ Мф. 28, 20.

Сейчас, однако, испортились и мы. Большинство из нас поют, а не возглашают. Священник никогда не поет, произнося возгласы. Он декларирует, мягко интонируя. Поет певец. И поет по-византийски, а не в составе хоров на европейский манер, чье пение похоже на игру на мандолине. Будем следить за этим. Особенно пусть будут внимательны те, кто служат в больших приходах, и их литургии транслируются средствами массовой информации.

Мы несем ответственность за соблюдение устава Великой Христовой Церкви, мы должны изучать богослужебный устав, и когда у нас возникают недоумения, нужно обращаться за советом. Наш Патриарх очень строг в этих вопросах, он посылал нам несколько соответствующих Патриарших указов. Я полагаю, что для Критской Церкви это великая честь, что один из ее клириков является составителем богослужебного раздела календаря Вселенского Патриархата.

Учитесь, братья мои, этой литургической традиции, этому характеру богослужений, преданию, которое всегда соблюдали приходы и монастыри Крита. И хочу отметить вот что: мы должны сделать наши монастыри рассадниками жизни во Святом Духе, школами жизни для молодых священников. Мы очень любим наши монастыри и не хотим, чтобы они подверглись влиянию духа мира и уподобились приходам.

Нам не нужно, чтобы они под предлогом стремления к современности превращались в общественные супермаркеты. Мир ждет от монастырей молитвы и братолюбия. Нельзя совместить дух предпринимательства и подлинную духовность. Нам нужно, чтобы монахи любили богослужение, чтобы они были примером для священников, чтобы священники у них исповедовались.

Епископ Аркадии, добродетельный владыка Василий¹, который впоследствии стал митрополитом Крита, всех кандидатов на рукоположение отправлял в Кудумский² монастырь, который тогда был критской лаврой, к достославному Парфению, чтобы они наизусть выучили Псалтирь и познакомились с глубинами духовной жизни.

Хочу сказать и вот о чем. Почему церковная школа в Халки³ принесла так много пользы для Церкви? Потому что она была при монастыре,

¹ Василий (Маркакис), епископ Аркадии с 1902 по 1940 гг., митрополит Критский с 1941 по 1950 гг.

² Монастырь Кудума в честь Успения Божией Матери находится на южном побережье о. Крит, на склоне горы Кофина. Упоминания о нем сохранились с XIV в. Был восстановлен и обновлен родными братьями, принявшими монашескую схиму с именами Парфений († 1905) и Евмений († 1920), ныне прославленными в лике святых.

³ Богословская школа в Халки (1844 – 1971), располагавшаяся в зданиях Свято-Троицкого монастыря на о. Хейбелиада (греч. вариант – Халки), долгое время оставалась

где совершались богослужения с порядком, с уставом, с внутренней жизнью, с распорядком дня, с обучением и самостоятельной научной работой под покровом Матери-Церкви! Об этом нам говорили епископы – ее выпускники. Поэтому она процветала и принесла столько пользы нашему народу и всей Патриархии. Помолитесь, чтобы она открылась вновь, чтобы исполнилась мечта нашего Патриарха. В нынешнее время мы в ней весьма нуждаемся.

О ДУХОВНИЧЕСТВЕ

Время подтвердило примерами современных отцов, что мир стремится к Преданию, он жаждет встретить людей от Бога, и, где бы те ни находились – на Святой Горе, в пещерах или в укромных местах самого общества, на приходах, – он придет к ним, чтобы получить упокоение. Самым современным, самым перспективным оказывается то, что определяется евангельским поведением и жительством во Святом Духе.

Там, где есть хороший духовник, происходит возделывание душ. Без духовника не может быть духовной жизни. Сегодня люди не ходят на исповедь. Чем они себя оправдывают? Тем, что не могут найти никого, кто им подходит. Такое положение характерно для многих Церквей за рубежом. Но и сами мы стали меньше ценить служение духовника. Мы им не дорожим, если большинство из нас никогда не исповедовалось. Имело место множество случаев злоупотреблений и раскрытия тайны исповеди, которые обесценили духовническое служение в глазах народа. Но я повторяюсь, и прошу вас обратить на это особое внимание: там, где есть добродетельный человек, отчетливо видно присутствие освященного духовника.

Только хочу отметить и следующее: есть некоторые, кто строят из себя старцев, не имея для этого необходимых свойств. Они пользуются своим положением, распространяют и возделывают болезненное старчество, которое заражает тело Церкви. Это шарлатанство наихудшего вида, оно совершается исключительно из болезненного самолюбия, для того, чтобы уловить себе последователей через насильственное подчинение чужой совести, делая их несчастными существами. Таковые создают большие проблемы в местной Церкви.

Никакой духовник не может раздирать тело Христово, поощрять элитаризм, отделяясь от своего епископа, создавать команду своих последователей, которая нередко носится с места на место подобно песку. Недавно один епископ возводил священников в чин духовников. Мне

единственной богословской школой Константинопольского Патриархата в Турции. Была закрыта под предлогом несоответствия ее деятельности турецкому законодательству.

запало в душу, что он сказал: «Не обращайтесь своих духовных чад против епископа и против других священников».

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ

Отцы и братья мои, большинство священников, монахов, духовных людей испытываются болезнями и искушениями. Почему так происходит? Бог разве не знает, что делает? Это совершается затем, чтобы были прощены их грехи, чтобы народ видел, что они переносят, как они терпят, и таким образом и сам народ смог бы вдохновиться на терпение в тяготах своих. Об этом говорил отец Порфирий¹, который был сам преисполнен болезнями. И когда его духовные чада говорили, что будут молиться о его выздоровлении, то он просил, чтобы молились не о том, чтобы ему стало хорошо, а чтобы он сам стал хорошим.

Я знаю, что наибольший крест для священнослужителя – это его дом. За его домашними очень внимательно следит народ. Именно благочестивая семья вызывает доверие к деятельности священника. Апостол Павел возвещает, что в числе достоинств клирика одним из самых важных должно считаться состояние его семьи². Священник должен быть добрым управителем своего собственного дома. Мы не несем всю полноту ответственности за то, что происходит в нашем доме, однако на нас ложится вся тяжесть креста.

Много раз мне приходилось размышлять, как клирик с амвона может проповедовать людям, чтобы они соблюдали Закон Божий, когда священническая семья его не соблюдает, и его дом является местом борьбы, вражды и ненависти, противостояния и взаимных упреков, когда единственное, чего он не излучает, – это любовь и прощение людям? Для вас, женатых, жизнь гораздо тяжелее, чем для нас, монахов.

Непоследовательность, имеющая место в жизни иерея, или его некоторые слабости, которые в основном наблюдают его дети, являются отрицательными факторами для веры его собственных детей.

Один сын священника говорил: «Дома я наслушался столько дурного о епископах и священниках, что не смогу их полюбить никогда. Как я могу полюбить Церковь, когда мой отец отвергает меня от духовной жизни?» Я как-то сказал одному священнику: «Помоги одному из своих

¹ Преподобный Порфирий Кавсокалит (в миру Евангел Байрактарис, 1906 – 1991), современный великий греческий святой, принявший монашеский постриг в Кавсокалитском скиту на Афоне, был отослан в Афины по болезни, где и служил приходским священником. Прославлен в лике святых в ноябре 2013 г., спустя полгода после этой беседы владыки Нектария.

² См.: 1 Тим. 3, 4 – 5.

сыновей стать священником». Знаете, что он мне ответил? «Никогда!» Вы слышали? И чего теперь от этого можно ожидать?

Я говорю так не для того, чтобы вас осудить, а хочу лишь подтвердить, что величайший крест для священника – это его семья. Никто в мире не судит священника так строго, как его семья. И пусть она этого не показывает. Посмотрите в невинные глаза ваших детей, и вы все почувствуете.

Я мог бы даже сейчас перечислить имена известных вам священников, которые были бескровно распяты в основном своими же детьми. В вашей мысли будут эти лица и сцены. Да покроет всех нас благодать Божия.

Не надо ничем хвалиться, потому что мы не знаем, что в будущем случится в нашем доме. Будем внимательны. Будем иметь смирение. Приведу вам в пример отца Тита из собора святого Мины города Ираклион. Это новый Иов Критской Церкви. Никто из критских клириков не поднимал большего креста, в конце концов он был найден на каменоломне, спустя много месяцев после смерти. Он станет святым, попомните мои слова!

Один священник сказал на епархиальном собрании своему епископу: «Владыка, то, что вы нам говорите, – прекрасно. Мы согласны со всем, но от нас не зависит, как домашние на это откликнутся. Позовите наших матушек для вразумления, ведь они оказывают влияние на наше дело, и многие из них вмешиваются в наше служение».

Если в ваших домах происходит подобное, не пытайтесь словами и советами поучать членов вашей семьи, чтобы образумить их. Напрасны будут ваши труды. Единственное, что может вам помочь, – это коленопреклонение перед Святым Престолом, ваша молитва со слезами, воздевание ваших рук, чтобы Бог сократил время ваших испытаний, чтобы даровал вам терпение и силу, и пусть вырвется из глубины вашего сердца: «Слава Тебе, Боже». Когда мы терпим и говорим: «Слава Тебе, Боже», – Бог нас благословляет обеими руками.

Святые отцы говорят, что самая прекрасная проповедь – это наша жизнь. Если наша жизнь не проповедует, наше слово не принесет плода. И эта проповедь, та молчаливая похвала, которая может затронуть когда-нибудь и самых безразличных.

ЛЮБОВЬ СЯЩЕННИКА К БОГУ И БЛИЖНИМ

Нужно знать, что наша любовь, наша доброта – это ключ, который открывает все двери. Давайте не будем пытаться самоутверждаться, пользуясь нашими титулами и наградами, не будем искать почестей, не бу-

дем требовать соблюдения наших прав и почтения к нам. Будем сами источать уважение. Не будем стараться создать себе имидж, чтобы нас хвалили люди. Как священники мы в этом не имеем нужды. И нам не нужны покровители. Благодать Бога и любовь народа нас защищают. Что до других, которые изображают из себя наших всемогущих покровителей, я скажу словами приснопамятного митрополита Ставропольского Максима¹: «Да покроет нас Бог от тех, кто нам покровительствует». Любовь, которую явил нам Господь с высоты Своего Креста – вот наше предстательство. Пречистая Богородица – вот наше непостыдное Предстательство.

Те из нас, кто недостойны священства, кто отреклись от Него подобно Петру и бросили свой крест, потому что он показался тяжелым, поменяв его на мирские низости и бесстыдство, должны еще раз прочесть одиннадцатое воскресное Евангелие на Утрени, то самое, которое восстанавливает Петра в его достоинстве после Воскресения. Три раза отрекся Петр, но трижды его и спросил Христос: «Симон Ионин, любишь ли ты Меня, друг ли ты Мне?» И расплакавшийся Петр ответил Ему: «Да, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя». И восстановление произошло незамедлительно: «Паси овец Моих, паси агнцев Моих»².

Храним ли мы сами нашу первую любовь ко Христу, как говорит Откровение, или, может быть, мы ее оставили, и она увяла? Может быть, у нас ее украли другие лица или вещи? Один у нас путь к восстановлению. Это всецелая наша любовь ко Христу, от всей души, от всего сердца, от всей крепости и от всего помышления.

И там, где есть эта любовь, открывается тысяча возможностей для священнического свидетельства и служения, подлинного взаимодействия и общения. Пусть мир это не принимает в расчет. Пусть ненавидит нас. Он Самого Христа ненавидел!

Многие жили вместе со Христом, сотрапезничали, получали благодеяния и однако оставались незатронутыми Его жизнью, непричастными ей. А тем, от кого меньше всего этого можно было ожидать – блуднице, хананейке и разбойнику – людям, казалось, недостойным божественной любви – открылась Его истина.

Эта опасность подстерегает и нас. Когда мы все те годы, которые Господь сподобляет нас священнодействовать, не воспринимаем присутствия Христа в нашем земном существовании, то, когда мы уйдем, люди будут говорить о нас: «Хороший человек, со множеством дарований, порядочный семьянин – но ничего более».

¹ Максим (Репанеллис), митрополит Ставропольский и экзарх Карийский с 1961 по 1991 г.

² См.: Ин. 21, 15 – 17.

Экспресс, увозящий в вечность, уже свистит нам, особенно пожилым. Слышим ли мы его? Мне как-то сказал один священник, потрясенный семейной драмой (он потерял своего ребенка): «Я пришел в себя. Я пребывал в окамененном нечувствии. Молитесь, чтобы оставшиеся годы мне прожить в осознании своего предназначения».

Самым большим крестом Христа были Его ученики. Профессор Панайотис Трембелас¹ говорит: «Петр от Него отрекся, Иуда Его предал, Фома Его осязал, Филипп Ему сказал: “Покажи нам Отца”, а двое других, Иаков и Иоанн, через свою мать попросили первые места».

Итак, даже среди двенадцати апостолов в Нем сомневались. И даже Самого Христа огорчали. И мы видим, это повторяется часто. Не будем недоумевать по этому поводу. Разве мы все столько раз не плакали из-за неблагодарности тех, кого мы облагодетельствовали, и не претерпевали этого даже от наших соратников?

Каждый год в Великую Пятницу меня охватывает волнение, когда слышу пророчество Исаии: *Множество пастухов испортили Мой виноградник*². На этом слове – «множество» – я задаюсь вопросом: неужели и я один из них? Да помилует меня Бог.

Помню, как однажды какой-то священник сказал приснопамятному архиепископу Евгению: «Ты мне не нужен, и я тебя не поминаю». И тот ему ответил: «А я тебя, чадо, поминаю. Даже несмотря на то, что ты меня не поминаешь». Так исправляется священнослужитель. Не будем ожидать, что церковные суды и расследования восстановят честь священнического жительство. Церковные суды были установлены несколько веков назад. Раньше их не было. На них оказало влияние гражданское право.

До них центральное место в Церкви принадлежало духовнику, Собору, Телу Церкви, которое отсекало и низвергало недостойных. Более того, это низвержение происходило не посредством официальной процедуры, как оно совершается сегодня, а при чтении тропарей Великого Пятка: «Днесь Иуда оставляет Учителя и приемлет диавола»³. Об этом мы узнаем из книги «Грешников спасение».

О ЦЕРКОВНЫХ СОБЛАЗНАХ

Невозможно, невероятно, чтобы соблазны не приходили. Однако горе тому, кто их вызывает. Евангелие определяет такому наказание –

¹ Панайотис Трембелас (1880 – 1977) – один из самых авторитетных греческих богословов середины XX в. Преподавал в Афинском университете, занимался вопросами библеистики и догматики.

² Иер. 12,10.

³ Тропарь четвертого антифона из службы Утрени Великой Пятницы.

возложить мельничный жернов на шею и утопить в море¹. Преувеличение? Да, но Христос хочет показать, как это страшно – соблазн!

Впрочем, старец Паисий говорил так: «Считаю, что пусть лучше один шквал обрушится на одну Церковь, которая будет укреплена духовным врачеванием, чем в Ней они постоянно будут пребывать десятками».

Скажите мне, можем ли мы быть безразличными к тому, что происходит? Можем ли мы оставить проблемы наших священников неразрешенными, надеясь, что их разрешит время? Нет! Я придерживаюсь следующего мнения: то, чем не занимается Церковь вовремя и серьезно, этим будет заниматься дьявол. И неразрешенное вовремя станет соблазном, причиной оправдания порока и очернения священнического сословия. Однако не будем поручать все одному епископу, безразлично перешептываясь за его спиной и возлагая на него всю ответственность за все, что происходит.

Возможно мы, епископы, несовершенны, так как совершенство несоединимо с нынешней жизнью, однако и на вас лежит ответственность, она лежит на всех нас. Поэтому-то нам нужно видеть вас, слышать, получать от вас сведения и даже слушать вашу критику, чего хорошего мы не делаем. Наше доброе сотрудничество способствует успеху дела Церкви.

Часто – и горько – наши священники жалуются, что они нас не видят, что мы не уделяем им времени, что не посещаем их домов. И они правы. Все другое относится к второстепенным задачам управления, а первое, что нужно взрастить – это личное общение с нашими священниками, поскольку они несут тяжесть управления приходом, который есть сердцевина Церкви.

Однако вам известно, что у нас нет отчужденности, и нашим священникам нет необходимости идти на прием в кабинет, чтобы встретиться с критскими епископами. Такова наша давняя традиция. В нашей Церкви не существует неформальных информационных центров и коридоров для сплетен. Они-то и создают проблемы и портят жизнь нашим клирикам. Ни в коем случае нельзя допускать их появления. Говорите нам, о чем хотите, и не бойтесь. Мы вас очень любим.

Хочу обратить ваше внимание еще на один момент. Лучше вам поссориться с Богом, чем со своим епископом. Отцы Церкви говорят: «Кто покоит своего епископа, тот покоит Бога». А когда кто-то осуждает своего епископа, то его молитва не принимается небесами. Клирик, огорчивший своего епископа, если не покается, закончит плохо, и поэтому про-

¹ См.: Лк. 17, 2.

сите вашего архиерея, когда он приезжает в ваш приход, читать вам разрешительную молитву.

Никогда не осуждайте Церковь, что бы ни сделал вам конкретно какой-либо епископ. Церковь свята и непорочна. «Церковь нам ничего не должна, а мы, напротив, всем обязаны ей», – так говорил приснопамятный старец, митрополит Халкидонский Мелитон¹.

Как-то раз в сложный период, когда по идеологическим причинам всплыли проблемы отношений Церкви и государства, и возникли непредвиденные соблазны, один священник сидел в кофейне и обвинял Церковь. Он говорил: «Церковь понимает вообще, что делает?» Этот грешник не знал, что Церковь – это не Синод, не священники, а все мы вместе с народом Божиим.

Не верьте с первого слова всему, в чем обвиняют Церковь. Ты услышал обвинение в адрес священнослужителя? Если попытаешься обнаружить источник, из которого оно вышло, то будешь изумлен. Обычно за ним скрывается чья-то ряса, чья-то зависть.

Вы знаете, что клирика можно легко обвинить, легко обидеть. И чем меньше община, тем сложнее его дело. Приснопамятный владыка Кисамский и Селинский Евдоким² горько шутил: «Если какой-нибудь смерч из Африки принесет сюда камень, он упадет или на косынку какой-нибудь вдовы, или на камилавку священника». Какое же страшное это дело – осуждение духовенства! Сколько нас, священников, которые совсем беззащитны.

Отец Ефрем Катунский как-то не мог служить, поскольку присутствовал при разговоре, где кого-то осудили. Ночью он в глубоком смущении пошел к духовнику и попросил прочитать разрешительную молитву. Видите, какова строгость священнической совести!

Бог да сохранит и да покроет нас от людей, у которых язык без костей. Один даровитый проповедник афинского кафедрального собора говорил: «Избави мя от клеветы человеческия, и сохраню закон Твой, Господи³. Если я буду оклеветан, кто же будет верить тому, что я говорю?»

Клирик, которого слишком много хвалят в этом мире, не кончит хорошо. Славу нужно воздавать только Богу. Нельзя вытягивать, подобно змее, свою хвастливую голову выше Церкви.

Величайшее таинство Церкви – это ее единство, и величайший грех – это когда ты раскалываешь Церковь. Когда ты создаешь группы, партии,

¹ Мелитон (Хадзис, 1913 – 1989), митрополит Халкидонский с 1966 по 1989 гг. Духовный наставник нынешнего Константинопольского Патриарха Варфоломея I.

² Евдоким (Сингелакис), епископ Кисамский и Селинский с 1937 по 1956 гг.

³ Ср.: Пс. 118, 134.

«непоминающие» приходы. А если раскол затянется, то он превращается в ересь. Даже мученическая кровь не смывает раскол.

Как часто происходят маленькие расколы внутри местной Церкви, когда на защиту своего священника выступает весь приход и протестует, так как думает, что епископ его обидел! Мы много раз переживали это, и переживаем непрестанно. Все мы правы, однако эта наша правота доведет нас до ада.

Знаете, что я делаю в тех случаях, когда ко мне приходят такие делегаты? Прошу у них прощения. Что еще мне остается делать? Кого я смогу убедить? Однако те, кто баламутит народ, кто манипулирует им, чтобы добиться своего, дорого за это заплатят в силу действия духовных законов. Нужно быть внимательными, неспроста раньше говорили: когда роешь другому яму, рой ее на глубину своего роста.

Святитель Иоанн Златоуст был низложен епископами, прелюбодейно оставившими свои кафедры, и отправлен в ссылку. Его наказание было несправедливым. Однако когда духовные чада его спрашивали, что им делать и кого слушаться, он отвечал: «Преклоняйте ваши главы перед вашим епископом, как перед Иоанном».

Итак, избегайте разделений, даже и излишеств, которые ведут к крайностям – в любом направлении. Излишества приводят к падениям. Над своим кабинетом я написал: «Считай подозрительной строгую добродетель».

О ЧИСТОТЕ ДУШИ

Отцы и братья мои, какое же это великое дело – священный сан! Мы даже не можем этого представить. Какая слава! Какая честь! Какое благословение он дает человеку! Нас избрал, нас отделил Сам Бог. Кто из нас был достоин такого дара? Когда вы служите и читаете молитву «Никто же достоин из связавшихся плотскими похотьми...», то особенно подчеркивайте фразу: «но обаче, неизреченного ради и безмерного Твоего человеколюбия»¹.

Следите за вашими помыслами. Один помысел может низвести нас в ад. Несколько лет назад некий епископ посетил монастырь на Святой Горе и служил там Литургию. Он обратил внимание на одного благоговейного иеромонаха и попросил игумена отпустить его с ним, желая назначить его духовником своей епархии. Несмотря на возражения игумена и самого иеромонаха, в конечном итоге он добился своего, и иеромонах за послушание ему вышел в мир и стал епархиальным духовником.

¹ Молитва Великого входа.

С тех пор прошло двадцать дней, он ежедневно исповедовал, и на двадцатый день пришла какая-то женщина и сказала ему: «Отче, помолитесь. Я хочу стать матерью, и не могу». Духовник прочитал ей разрешительную молитву, и она ушла. С этого момента началось мученичество этого священнослужителя. Его терзал помысел, им овладело плотское искушение.

Что же он тотчас же предпринял? Уехал на Святую Гору, пришел в свой монастырь, взывал, умолял Бога освободить его от этого помысла. Двадцать дней, по числу времени, проведенного в миру, он мучился. На двадцатый день наступило упокоение. Бог принял его покаяние. Эта история – правда, можете не сомневаться. Ничто другое настолько не унижает человека, как его плотские страсти.

Прошу вас, давайте своевременно избавляться от лиц, которые или сами питают к нам страсть, или мы к ним, чтобы не впасть в сети. Один добродетельный клирик говорил: «Я начал бояться той любви, которую люди оказывают лично мне».

О ПОМИНОВЕНИЯХ

Дорогие мои, прошу вас, не торопитесь уходить со своего прихода, даже если вас к этому побуждает нездоровье. Молите Бога, чтобы Он даровал вам терпение. Это относится и к тому времени, когда вы уйдете на пенсию. Если вы желаете, чтобы Бог *пробавил милость Свою* к вам и даровал вам *долготу дней*, служите, сколько можете сами, и сколько выдерживают ваши ноги. Литургия вам дарует веки вечные.

Мне довелось знать иереев, которые ушли на пенсию по состоянию здоровья. Зимой их забирали дети в города. Летом они возвращались в свои села. Что я тогда заметил? Старые священники в своих приходах сохраняли синодики своих прихожан. Вероятно, эти синодики хранились долгое время, может быть даже со времени предыдущего настоятеля.

Эти добрые священники помнили имена из каждого хранившегося синодика, живых и усопших. Они их поминали. Проскомидию они совершали неспешно. Святые отцы говорили: «Хочешь, чтобы твоя душа спаслась просто так? Поминай как можно больше имен, столько, сколько сможешь».

Эти синодики представляют историческую ценность. Очень трогательно видеть, до чего же стерты их листы. На скольких литургиях их поминали! Я узнал, что эти священники брали их с собой, хранили их у себя дома и читали их на повечерии. И куда бы они ни ходили, везде спрашивали имена, чтобы их помянуть. Некоторые из них, когда были в силах, раз в год совершали сорокоуст¹.

¹ Т.е. служили сорок литургий подряд.

В России в монастырях есть послушание непрерывной молитвы. Иеромонахи, сменяя друг друга каждые два часа, все время поминают имена.

Один клирик, одержимый страстью пьянства, был вызван к епископу из-за обвинения на него. Под утро того дня, когда епископ должен был его принять, владыке было страшное видение. Бесчисленное количество людей окружали священника и защищали его. Епископ испугался, никому ничего не сказал, а когда утром встретил священника, то спросил его: «Как ты служишь? Что ты делаешь?» Тот ответил: «Я прихожу очень рано утром, потому что не успеваю помянуть имена, которые мне дали». Епископ облобызал его и попросил оставить свою страсть.

Мучением для священника является пренебрежение, которое ему оказывают, в том числе и его собратья, особенно когда он на покое. Я знаю священника, который, будучи на покое, приходя в ближайшую к своему дому церковь, с болью смотрел своим собратьям в глаза, надеясь, что ему предложат послужить вместе с ними. И какой радостью он преисполнялся, когда его звали! Однако это приглашение он получал не всегда.

Его не интересовали титулы и звания. Они всех нас испортили. То, что было нужно ему, это предстоять перед Святым Жертвенником, пусть и последним по порядку. Придет час, когда вы вспомните меня за эти слова, которые я сейчас вам говорю. И те, кто недолюбливает черное духовенство за то, что монахам предлагаются более почетные места, будут подвергнуты суровым испытаниям по духовным законам.

ВЕРА И СТРАХ БОЖИЙ у СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ

Не будем иметь готовности с легкостью оставлять наши приходы, наше малое стадо. Так же, как епископ не может оставить свою епархию и попросить перемещения, так как это противоречит канонам, так и священник совершает духовное прелюбодеяние, оставляя свой приход, чтобы взять «богатую невесту», то есть более богатый, более крупный приход с целью обеспечить себе материальное благополучие.

В одном священнике больше всего меня поразила его любовь к своей матушке. Она была старше его, очень больна, и он заботился и ухаживал за ней. У него была такая любовь к ней, что я бы ее описал, как первую любовь, сохранившуюся неповрежденной и перешедшую в небесное дарование, о чем свидетельствовала каждая сторона их жизни.

Очень точно сказал один покойный священник, отец Александр из Вианноса: «Моя матушка лучше меня. У нее больше веры. Я благодарен ей, потому что она именно была матушка священника. Она почита-

ла мой сан и уважала меня как человека». Позади хорошего иерея всегда стоит хорошая матушка.

Об этом священнике я расскажу еще кое-что, чтобы показать вам, какая у него была простота. Когда его рукоположил приснопамятный епископ Петрийский Дионисий¹, то подарил ему Кормчую². Вечером новорукоположенный иерей Александр открыл эту книгу, и его охватил страх и трепет. Он никому ничего не сказал. Как только наступила ночь, он оседлал своего осла и отправился в Неаполь. Он прибыл на рассвете и как только увидел епископа Дионисия, сказал ему: «Возьми назад рясу, которую ты мне дал, возьми и Кормчую. Я не гоюсь для этого служения». И епископ ему ответил: «Иди с миром, чадо. Ты годен для священства, потому что у тебя есть страх Божий». И он действительно был Священником с большой буквы.

Молодые священники обязаны искать таких освященных людей, которые есть и сегодня. Наши новые клирики должны учиться у ног этих честных служителей храма, в чьих мозолистых руках веками хранилось – и прославлялось – священство.

СВЯЩЕНСТВО И ОБЩЕСТВО

Как-то мне довелось видеть прекрасную фотографию. Критский священник держал руками греческий флаг, как будто его тело было деревом. Мне запал в душу этот образ.

Ряса – это второй флаг нашего народа. Наши священники – это благодетели общества и Отечества. Они как легкие, которыми дышала наша Родина, оставаясь духовно непокоренной. Такие люди доминировали, пока разоряющий демон материального благополучия не истребил все в наших местах.

Наши добросердечные, гостеприимные священники вдохнули жизнь в общество. Это не преувеличение. Сейчас некоторые желают запереть Церковь и религию в рамки частной жизни и лишить священников зарплаты. Однако этого никогда не случится. Церковь, наша вера всегда будет в центре, в сердцевине развивающихся событий. Она дает стержень нашему народу, она укрепляет ткань общества.

Говорить об этом, обращать на это внимание нужно сейчас. Почтение к священству должно быть у всех, но в том числе и у нас самих: у

¹ Дионисий (Марангудакис), епископ Петрийский с 1923 по 1953 гг. По утверждению владыки Нектария, он закончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию.

² Пидалион, сборник церковных канонов и правил, греческий аналог Кормчей, составленный прп. Никодимом Святогорцем в последние годы – VIII в. Учитывался составителями Книги правил.

епископов, священников, монахов. Если все мы будем почтительно относиться к священному сану, то и народ его будет почитать.

Не беспокойтесь о том, будут ли священники после нас. Когда апостолы приблизились ко Христу, и Он показал им побелевшие нивы, готовые к жатве, то не стал им говорить: «Идите во все концы вселенной и ищите соратников». А что Он сказал? *Молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою*¹.

Призывает Христос. «Не от людей, и не через людей, но от воли Божией наше призвание. Это дар Божий»². Он Сам об этом печется. Это Его дело и Его заботы. Он хочет от нас только одного: чтобы мы не препятствовали Ему благодетельствовать нам.

Что касается проблем, которые мы переживаем в последнее время, давайте будем искренними. Мы все испортились. Охладела наша любовь. Мы стали наемниками. Мы смотрели на наш сан как на профессию, а не как на дар. Потому-то мы и подвергаемся испытаниям, и будем подвергаться еще больше.

Что случится в будущем? Будет ли у нас в Церкви свой Каподистрия?³ Эпоха государственных назначений на приходы, кажется, окончена. Дают одно назначение в год, и то если очень сильно просить и лишить своих мест десятков других. Долго ли так будет? Священников станет меньше. В городах будет один пастырь на приход, как за границей. В деревнях, где будет священник, он, как в старые времена, будет обходить окрестности, чтобы совершать церковные требы по местам.

Мы не боимся таких условий. Церковь живет и на краю света, живет и там, где государство ей не помогает материально. Народ поддерживает Церковь, и именно народ потерять нам нельзя.

Итак, не впадайте в беспокойство. Мы совершаем дар надежды. От Живоносного Гроба Господня, источника нашего счастья, изливается радость и надежда. Церкви не угрожают кризисы, она их не боится. Мир будет жить, он не погибнет. Испытания становятся благословениями, если к ним правильно относиться. Будем доверяться Божественному Промыслу.

Прошу вас, помогайте молодым ребятам, поддерживайте их своей любовью, окружайте их своей нежностью. На днях один выдающийся европейский ученый мне сказал, что пятьдесят тысяч греческих ученых

¹ Мф. 9, 38; ср. Ин. 4, 35.

² Ср. 1 Кор. 1,1; Гал. 1,1; Ефес. 2, 8.

³ Иоанн Антонович Каподистрия (1776 – 1831) – министр иностранных дел Российской империи с 1816 по 1822 г. Первый президент и премьер-министр освобожденной Греции 1827 – 1831. Убит 9 октября при входе в церковь на воскресную службу.

в последние годы искали работу в Европе. Это молодые люди с хорошим образованием. Европейцы потирают руки, видя сокровище, которое мы им отправили.

Сейчас, когда стало больше проблем, трагедий, самоубийств, когда множество людей, лишенных насущного хлеба, у нас появляется настоятельная потребность непрерывного литургического благодарения. Будем постоянно находиться в окопах, на своих боевых постах – на наших приходах. Пусть наши храмы будут открыты и не стоят без службы, пусть благодать источается на всех, пусть люди черпают силы и терпение, пусть Бог станет их прибежищем, пусть они ежедневно видят священника и знают, что он их ждет, чтобы услышать их и благословить.

Самая тяжелое лишение в бедности – это недостаток любви. Никто не беден, когда Бог обитает в нем. Кто спешит разбогатеть, тот быстро обеднеет. Мы разорили нашу национальную экономику. Мы сделали экономику подножием, на котором водрузили наших идолов. Поэтому мы и дошли до такого состояния.

Пастырское дело Церкви в условиях любых кризисов состоит в том, чтобы помочь страждущему человеку, исходя из его потребностей. Кризис принуждает Церковь признать, что все мы обязаны оставить наш эгоцентризм и наше себялюбие, вновь обрести себя в своей приходской общине, где существует не «я», но «мы», не «мое» и «твое», *но все и во всем Христос*¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возлюбленные мои, сегодня я раскрыл перед вами свое сердце. Нходясь перед вами, я на основании личного опыта и того, что мне довелось увидеть, сделал набросок к портрету добросовестного иерея. Иерея по образу нашего Господа, Который пришел как слугитель с полотенцем для отирания ног, Который сопричастен радостям и горестям мира.

Иерея, который не просит и не требует. Что ты ему дашь, то он принимает с почтением и благодарностью, как святой иерей Николай Планас². Иерея, который не унывает под тяжестью своих крестов. Благообразного иерея, для которого встретиться со своим епископом – это радость, который почитает вышестоящее начальство, и, насколько может, выполняет его требования. Благоговейного иерея острова

¹ Кол. 3,11.

² Св. Николай Планас (1851 – 1932), известнейший афинский священник, стал пресвитером в 1884 г. в одном из беднейших афинских приходов. На протяжении полувекового периода своего служения отличался исключительной сострадательностью.

Спиналонги¹, который причащал прокаженных и служил им безбоязненно и бесстрашно, высоко подняв авторитет священного сана.

Иерея, который не поддается тому, о чем говорят и пишут те, которые впали в крайности благочестивого узколобия, боясь последних времен и межрелигиозных диалогов, словами и делами противоборствуя патриархам, считая их всех предателями веры.

Иерея, посвятившего себя Великой Христовой Церкви – источника благочестия для нашего народа, и почитающего нашего Всевятейшего Вселенского Патриарха.

Иерея, который послушен Священному Епархиальному Синоду Критской Церкви, который ежедневно поминает правящего епископа и не скрывает своего единения и общения с ним и со всеми другими епископами, входящими в Священный Синод.

Иерея, который меряет божественной меркой свои шаги, который приближает Бога к людям своим образом жизни, который хранит незапятнанной чуткость своего сердца в самых страшных жизненных обстоятельствах.

Иерея, который обнимает всех, который не бросит в беде, для которого все люди, все, кто относятся к его приходу, являются его собственными детьми, несмотря на то, что наше общество становится все более разнообразным по национальностям и культуре.

Иерея, у которого нет личной жизни, но есть жизнь церковная, у которого нет личного времени, которое можно убивать, но есть время, которое без остатка жертвуется всем и каждому. Иерея, который не уходит в отпуск, раз он призван нести службу на том боевом посту, куда его назначила Церковь.

Меня поразила сцена, которую я видел на одной хиротонии. После рукоположения во иерея, когда новопоставленный священник вышел из алтаря к народу, он снял обручальное кольцо и отдал его молодой матушке: «Возьми, спрячь его. Теперь в основном ты будешь заботиться о семье. Я получил новое задание – в первую очередь служить Невесте Церкви».

Сегодня, отцы и братья, то обстоятельство, что ты носишь рясу, что ты священник, для многих ничего не значит. Это может даже считаться предосудительным. Рамки само собой разумеющихся правил и традиционные отношения рухнули. Сегодня клирик должен приобретать открытость и доверие ближнего не ношением рясы, а тем, что он, как но-

¹ Спиналонга – маленький островок напротив Крита, недалеко от города Агиос Николаос, главного города епархии Петры и Херсонисса, известная историческая крепость. До 1952 года использовался как лепрозорий.

ситель благодати Божией, умеет любить, открывать новые перспективы и призывать, наполнять все Божественным присутствием.

Мы стали священниками и архиереями, закончив аспирантуру и имея ученые степени, не обоня кадильного дыма, не преклоня колена в молитве. Нам назначили зарплату, конечно, ровно такую, чтобы мы не попрошайничали и не просили подачек. Что же из этого вышло? Большинство из нас потеряло свое священство.

Мы предались сластолюбию, пользуясь интернетом, предались славолюбию, вынося суждения болезненного самолюбия, предались сребролюбию, стремящемуся к изобилию, и раздали множеству людей свою духовную свободу. Да. Мы поработились нашим похотям. И как все греки, так и мы измеряем свою жизнь банковскими счетами, а не кровящими любви. Еще один дом, еще одну машину, еще один современный сотовый телефон.

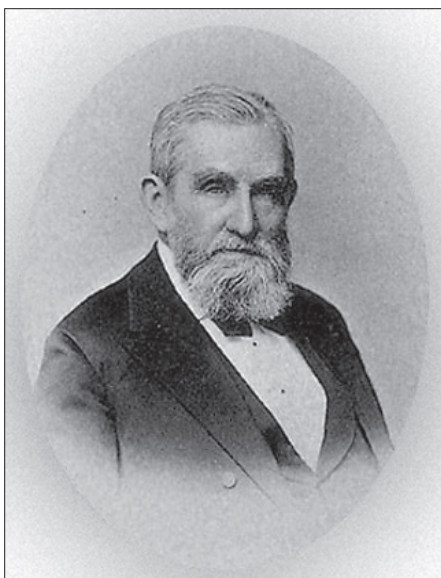
Ненасытность царит во всем! Ее видно даже в нашей спешке поскорее повесить епитрахиль после службы, чтобы приобрести все и сразу, ничего не упустив... да и во многом другом. И теперь наши дома и, самое главное, наша жизнь оказались завалены каким-то хламом, и более всего – тревогой, поскольку сейчас мы начинаем осознавать, что все это лишает нас возможности дышать, ведь мы сами закрыли то окно нашего дома, нашей жизни, нашего храма, которое выходит на Небо. Как писал Элитис¹: «Я возжелал малого, и меня наказали многим».

Я полагаю перед вами поклон. Простите меня за многословие. Доброй Пасхи всем нам. Христос Воскресе! И да помянет Господь Бог священство ваше.

Неаполь, о. Крит, 2013 г.

¹ Одисеас Элитис (1911 – 1996) – известный греческий поэт прошлого века, обладатель Нобелевской премии, отличавшийся афористичностью высказываний. Приведенный стих взят из поэмы «Светодрево и четырнадцатая красота», написанной в 1971 г.

ОЧЕРК О ЗАГРАНИЧНОМ ПУТЕШЕСТВИИ

Петр Иванович Саломон – русский государственный деятель, действительный тайный советник, происходил из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Православный. Родился 19 ноября 1819 года. Образование получил в Императорском Царскосельском лицее, который окончил с золотой медалью № 2. Медаль № 1 получил его друг Александр Васильевич Головнин, который и познакомил Петра со своей сестрой Поликсенией, дочерью прославленного вице-адмирала В. М. Головнина¹ (1776 – 1831). Поликсения Васильевна Головнина (1824 – 20 марта 1909) вышла за-

муж за Петра Ивановича Саломона. Через всю свою жизнь Александр Васильевич Головнин и Петр Иванович Саломон пронесли дружбу и участие в судьбах друг друга, даже жили рядом в Санкт-Петербурге: А. В. Головнин – на Гагаринской набережной, д. 20, а семейство Саломон² – на Шпалерной улице, д. 8. По окончании лицея в январе 1840 года Петр Саломон был определен в ведомство Министерства юстиции. В июле того же года он начал службу в Сенате старшим помощником секретаря 5-го департамента Сената. В феврале 1842 года одновременно стал помощником правителя Канцелярии Совета Воспитательного общества благородных девиц.

¹ Василий Михайлович Головнин (8 апреля, 1776, село Гулынки Рязанской губернии ныне Старожилковского района Рязанской области – 29 июня, 1831, Санкт-Петербург) – выходец из обедневшего старинного дворянского рода, русский мореплаватель и путешественник, вице-адмирал; член-корреспондент Петербургской Академии наук (1818). Кавалер ордена Святого Георгия IV класса за выслугу лет. В 2006 г. открыт памятник мореплавателю в районном центре Старожилково Рязанской области. <http://dic.academic.ru>

² Головнин П. А. Дворянский род Саломон в истории России. С. 199. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН <http://www.kunstkamera.ru>

В марте 1845 года Петр Саломон был переведен на должность обер-секретаря в 1-й департамент Сената, а через два года – в Общее собрание первых трех департаментов.

В январе 1850 года назначен помощником статс-секретаря Государственного Совета; в том же году определен директором, управляющим письмоводом Санкт-Петербургского опекунского совета и членом Высочайше утвержденного при 4-м отделении Его Императорского Величества канцелярии Секретного комитета под председательством П. Г. Ольденбургского. С 1855 года занимал пост директора канцелярии Государственного контроля. В следующем году вошел в состав Комитета по организации отчетности и ревизии.

В 1858 году Петр Иванович был переведен на службу по православно-духовному ведомству старшим чиновником за обер-прокурорский стол в Святейшем Синоде, а также управляющим синодальной канцелярией.

«Именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату данным, назначен 27 октября 1858 г. старшим чиновником за обер-прокурорским столом в Святейшем Синоде и управляющим Синодальной канцелярией. Тридцатого марта 1860 г. по Высочайшему повелению командирован для собрания сведений о состоянии православных церквей на Востоке, 29 октября 1860 г. возвратился из командировки. Командирован в качестве депутата со стороны Духовного ведомства в город Задонск для присутствия при открытии 13 августа 1861 г. Святых Мощей святителя Тихона, епископа Воронежского, в коей командировке находился по 23 августа»¹.

В 1889 году вошел в состав членов Государственного совета; присутствовал в Департаменте гражданских и духовных дел до 1 января 1896 года. За службу удостоен высших российских орденов до ордена Святого Владимира 1-й степени включительно.

Скончался Петр Иванович 9 марта 1905 года. Похоронен в Исидоровской церкви Александро-Невской Лавры (могила, вероятно, не сохранилась).

Николаева М. А.

Возвратившись из-за границы мы, по пути из Одессы в Санкт-Петербург, остановились в Козельской Оптиной пустыни с тем, чтобы привести в порядок собранные за границей материалы для составления отчета по возложенному на нас поручению, а между тем спешим представить Вашему Сиятельству краткий очерк нашего путешествия.

¹ Там же. С. 209.

*Князь Алексей Борисович
Лобанов-Ростовский*

тения христиан, известившихся о заговоре турок перерезать всех христиан в течение бейрама.

Встреченные в Архипелаге сильною бурей, мы достигли Святой Горы только 23 числа в четыре часа утра и почти месяц, без пяти дней, провели в постоянных разъездах по монастырям и пустыням.

Шестнадцатого июля мы отплыли на пароходе «Церера» в Смирну, где перешли на пароход «Херсонес» (оба Русского Общества), делающий рейсы по Александрийской линии, и первого августа прибыли в Яффу.

Со второго по пятнадцатое августа мы находились в Иерусалиме и имели счастье праздновать день Успения Божией Матери при самом Ея гробе. В торжестве сем принимали участие не только все христианские племена, населяющие Святый Град и его окрестности, но и мусульмане. Обратный путь из Яффы до Бейрута сделали мы на французском пароходе Общества «Messagerie Imperiale», а из Бейрута, по обязанности Греческого Консула¹, имели случай пройти прямо в

Шестого июня мы прибыли на Русском пароходе «Аргонавт» в Константинополь, где занимались до 18 числа. В этот день перешли мы на пароход «Юнона», долженствовавший отправиться на Афон, но по случаю открывшегося в паровых котлах повреждения, простояли на рейде до 20 числа и не сходили уже на берег по совету командира, который беспрестанно обнадеживал пассажиров, что пароход скоро снимется с якоря. Неприятности этой поддержки искупились тем, что мы не слышали шумных увеселений мусульманских по случаю празднования бейрама и не видели смя-

¹ Греческий Консул в Бейруте, сын знаменитого Канариса, во время опасности собрал «грозную» флотилию из лодок, на которых ловят морскую губку, и на этих лодках ночью спасалось множество бейрутских семейств. По его распоряжению греческие военные пароходы (от 30 до 150 сил) непрестанно ходят между Афинами и Сирией, перевозят несчастных пострадавших в Дамаске, привозят им хлеб и т. п., заходят в разные порты напомнить им о греческом флаге, и капитаны этих ничтожных пароходов в полной форме и в сопровождении офицеров торжественно проходят по городу, своим появлением одушевляя народ, который встречает их с восторгом как своих охранителей.

Пирей на небольшом греческом пароходе «Сфендони» (30 сил). После кратковременного пребывания в Афинах мы пришли четвертого сентября на французском пароходе в Константинополь для окончательного свидания с князем Лобановым-Ростовским¹, а восьмого числа вступили на Русский берег.

Поездка наша на Восток, благодаря Бога, совершилась благополучно, хотя она совпала с эпохой почти повсеместных волнений. Тяжело ложатся на сердце очевидца страдания восточных христиан. Не распространяясь о них только потому, что много об этом было писано, можем засвидетельствовать, что в обнародованных известиях нет преувеличения, а напротив, умолчано о тех подробностях, которые в сравнении с тяжелыми бедствиями должны были показаться мелкими и не важными, и которые, тем не менее, жизнь православного населения на Востоке делают настоящею пыткой. В Константинополе, например, нам называли архимандрита, которого на улице какой-то турок осыпал бранью и ударил по лицу без всякого повода. В Салониках указывали нам окруженные со всех сторон турками и евреями дома христиан, которые, вследствие сего, живут под постоянным страхом и в ожидании неизбежной смерти в случае первой смуты. В Родосе общий страх был так велик, что жены, у которых мужья в отсутствии, не смея ночевать дома, уходили на ночь к знакомым. На пароходе под Триполисом видели мы обливающуюся невероятно горькими слезами мать христианского мальчика, обещенного и убитого турками. В Бейруте нашли мы только пятую часть населения, жители большей частью удалились на острова, в Афины, в Александрию. В том же городе, уже по прибытии французских войск, видели мы, как турецкий солдат насильно заставил проходящего мимо христианина исполнить для него черную работу, как будто он был его рабом. Кто говорит, что жизнь и честь христиан на Востоке находится постоянно в опасности, тот говорит сущую правду. «Италию спешат избавить от иноземного владычества, – повторяли нам греки и арабы, – хотя она не терпела и сотой части того, что мы терпим, а нас забыли». Не говоря о страданиях народа и его деморализации четырехвековым рабством, возмутительно смотреть на самую землю, оскверненную турками, на чудесные своды Святой Софии, оглашаемые изуверскими кликами улемов, на знаки креста и остатки великолепнейшей мозаичной иконописи в храмах, обращенных в мечети.

¹ Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824 – 1896) – министр иностранных дел, чрезвычайный и полномочный посол в Константинополе (1878).

Великий князь Константин Николаевич

Среди общих страданий и неустойчивости, среди господствующей в Турции мерзости запустения утешительно было видеть и слышать многие свидетельства о нелицемерной привязанности восточных христиан к России. Трогательно было слышать, как высшие иерархи выражали радость о том, что русское правительство посылает чиновников узнать о положении бедствующих православных на востоке. В Афонских обителях на ектениях возносили «Государя нашего ... вся России и весь царствующий дом». С искренним участием расспрашивали все и в официальных, и в неофициальных беседах о Государе, о Государыне, о Великом Князе

Константине Николаевиче. С мельчайшими подробностями Патриарх Антиохийский (живший некогда в России) и Блаженнейший Кирилл Иерусалимский (видевший много русских в Святом Граде) осведомлялись о всех своих русских знакомых, называя каждого из них по имени и приводя на память все, что от них слышали.

Восточных христиан в невероятной для нас степени занимает все, что делается в России. История Карамзина в переводе Крокидоса (награжденного за этот труд орденом) быстро расходуется: в любом магазине Галаты и в других константинопольских кварталах можно видеть его в руках купца или приказчика. С особой любовью вспоминают о России бывавшие в ней и, вздыхая о ней, говорят: «Здесь у нас хорошо, а там лучше». «Благочестие гонится на Востоке и удалилось в Россию», – говорили нам и на Афоне, и в Иерусалиме. «Любите нас, – сказал нам, прощаясь, девяностолетний старец убогой Кастамонитской Афонской обители, – любите нас, вся надежда наша на Бога и на Россию». «Нет у нас помощника, – повторяли всюду в одних и тех же выражениях, – мы надеемся только на Бога и на Россию».

Святогорские иноки, судящие, по самому положению своему, беспристрастно о современных константинопольских событиях, радовались участию в них Русской Церкви, которая влиянием своим мо-

жет давать делам Вселенской Патриархии правильное направление. От России на Востоке все чают грядущего освобождения своего. Девяностосемилетний митрополит Афинский Неофит одну надежду питает в себе, что до кончины своей увидит падение Порты и себя Патриархом Константинопольским. Рассказывают, что, представляясь в прошлом году Государю Великому Князю Константину Николаевичу и видя в нем как бы залог или начало исполнения своих надежд, он громко начал читать молитву: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром: яко видеста очи мои спасение Твое» и т.д. Греческие царедворцы старались заглушить эти слова, чтобы их никто не слышал.

В Смирне есть богатый греческий купец Христофор Ангелопуло, преданность которого России доходит до фанатизма. Во время Крымской войны он, вследствие сего, должен был даже удалиться из Смирны. Он бился с английским консулом об заклад, что в такой-то срок Севастополь не будет взят, выиграл значительную сумму (кажется, до 300 руб. серебром), прибавил от себя еще вдвое и эти деньги пожертвовал на сооружение придела во имя русского святого (благодарного Князя Александра Невского) и на вечное поминовение в Бозе почившего Императора Николая I. Каждого приезжающего на восток русского он встречает как брата и непременно просит о содействии к исходатайствованию русского православного причета для выстроенной им, Ангелопуло, в Смирне церкви, которую, в ожидании осуществления этой надежды, не отделяет. Живя постоянно в Смирне, он сам выучился русскому языку и научил свою дочь, которой завещал выйти замуж непременно за сына одного из севастопольских героев. В прошлом году представлялся Государю Великому Князю Константину Николаевичу и за услугу, оказанную русской эскадре, получил орден Св. Станислава 3-ей степени, который, впрочем, носит на шее, не внемля никаким представлениям Консула. Многие выражали желание, чтобы на востоке православным христианам не давалось ордена Станислава, как не принадлежащего к лику православных святых. Другой смирнский купец, Калотти, известен также особенною преданностью России. Рассказывали нам, будто на о. Митилен богатый грек хотел пожертвовать дом свой Русскому Правительству, чтобы в нем устроилось русское благотворительное заведение, впрочем, на капитал, пожертвованный им же с сею целью; но ему отказано в принятии сего пожертвования.

В Латакии (древней Лаодикии) познакомились мы с Русским Консулом из местных жителей (сирийцев) Ильею Моркосом. Он также

беспредельно любит Россию и русских. Нас, как и всех соотечественников наших, принял он с большою торжественностью. Когда мы высадились, он уже ожидал нас на берегу. Для всего нашего общества были приготовлены отличнейшие арабские лошади. По случаю нашего посещения был созван чуть ли не весь город. Дочери Моркуса каждому из нас поднесли несколько цветочков. Угощали нас и восточными сладостями, плодами, арабскою музыкою и арабскими плясками. Наконец подали шампанское. Провозгласили тост за здравие Государя Императора. Арабские дамы, доселе беседовавшие с нами очень чинно, неожиданно подняли вместо нашего ура страшный пронзительный визг. Это повторялось несколько раз. Поистине, нигде и никогда не видели мы такого сильного, искреннего и детски простодушно выраженного усердия. Моркос, подойдя к нам, выразил желание, чтобы в этих странах скорее утвердилось владычество России. Мы отвечали, что более всего мы желаем, чтобы восточные христиане были свободны и счастливы, предоставляя благому Промыслу указать средства, которыми это может быть достигнуто. Когда мы простились, Моркос и сыновья его на лошадях, при свете факелов, в торжественном шествии проводили нас до берега. Моркос между арабами лицо могущественное. Недели за две до нашего приезда бедуины услышали, что жителям Латакии угрожает опасность от турок, и предлагали Моркосу выставить для его охраны двести человек.

Вообще, можно сказать, что на Востоке и люди духовные, думающие об одной Церкви и о Православии, и люди простые, не следящие за современной политикой и не ищущие для себя ничего особенного, – от всей души преданы России. Справедливость не позволяет, однако, нам умолчать, что, вместе с выражениями любви и преданности, слышали мы многие жалобы и недоумения. «Франция присылает войска, а что же делает Россия?» – спрашивали нас в доме Моркоса. Мы указывали на ноты князя Горчакова¹, на «Илью Муромца»², спасшего Бейрут от участи Дамаска. Другие говорили, что мы оказываем пренебрежение к преданности наших единоверцев на Востоке, и в доказательство сего указывали на то, что газеты, считающиеся на Востоке русскими и старающиеся представлять все по возможности в благоприятном для нас виде, именно в Россию пропускаются с величай-

¹ Горчаков Александр Михайлович (1856 – 1882) – князь, министр иностранных дел Российской империи. Обладал значительным литературным талантом, что отразилось в красноречивых дипломатических нотах.

² Российский фрегат «Илья Муромец» в составе эскадры под командованием контр-адмирала Федора Нордмана в 1859 г. находился в Средиземном море. В 1860 г. «Илья Муромец» вернулся в Кронштадт.

шими затруднениями, как и вообще все греческие книги и газеты, и вследствие сего не могут у нас распространяться. Указывали на значительные изменения церковного облачения, на распространение у нас итальянской живописи (вместо иконописи) и партесного пения. Удивляются, что в должности русских консулов на Востоке определяются не только не природные русские, не только лица с иностранными фамилиями (возбуждающими там недоверие), но и римо-католики, как, например, в Родосе, – и в подобных назначениях видят равнодушие к Церкви. Если присоединить к сему, что турки постоянно подозревают восточных христиан в преданности России, и что они от этих подозрений много страдали и страдают, что европейская политика старается посеять на Востоке нерасположение к нам, искусно возбуждая, между прочим, греческую народную гордость, то нельзя удивляться, что в том слое общества, который занимается более политикой, чем Церковью, и земным более, чем небесным, со дня на день усиливается недоверие к России. Неприятно было видеть, как некоторые лица, с которыми нам было бы интересно познакомиться, видимо уклонялись от нас, опасаясь навлечь на себя подозрение Порты и европейских посланников. Надо сознаться, охлаждение греков к России усиливается и вследствие болгарского вопроса, возбуждение которого они единственно приписывают тайным политическим видам России. Тщетно убеждали мы восточных архипастырей в том, что если им дороги интересы Вселенского Православия, то они должны пожертвовать частью своих личных материальных выгод и сделать уступку болгарам признанием их духовной иерархии независимой от Константинопольской Патриархии, что в противном случае они принимают на себя ответственность если не за отпадение шести миллионов душ в латинство, то за соблазн Церкви, в которой неизбежно произойдет раскол, образуется самочинная иерархия, подобная Буковинской. Обыкновенно нам отвечали, что установление Болгарской Патриархии требует непринужденного согласия всех Православных Церквей, но что нового Вселенского Собора быть не может, потому что где бы он ни состоялся, Порта будет подозревать в нем заговор греков и русских против Турции; и кто поручится, что на Соборе не последует открытое разделение между Православными Церквами по таким вопросам, по которым и теперь между ними есть разногласия. Впрочем, болгарскому движению сопротивляется не одно только духовное сословие, но вообще целая греческая нация, стремящаяся к восстановлению Византийской империи. Афиняне даже явно выражают негодование на свое правительство за то, что оно, подчиняясь немецкой политике, не объ-

Архимандрит Антонин (Капустин)

являет Турции войны с целью отторгнуть от нее Фессалию и Эпир. По словам Преосвященного Макариопольского Илариона¹, болгарские церкви очень нуждаются в богослужебных книгах. Для снабжения всех приходов, где богослужение осуществляется на славянском языке, потребно, по крайней мере, две тысячи экземпляров полного [богослужебного] круга. Нет надобности все это количество жертвовать даром; многие общины в состоянии купить для своих церквей книги. Но хозяйственное управление при Святейшем Синоде оказало бы большую услугу, удешевив издание богослужебных книг. В Афинах мы имели утешение познакомиться с архимандритом Антонином², который умом, кротостью и духовной жизнью приобрел там всеобщее уважение и любовь. Мы видели, как люди, ему вовсе не знакомые, останавливали его на улице и выражали сожаление, что его отнимают у них, т.е. переводят в Константинополь. Все сожалеют об этой перемене, тем более, что о. Антонин служил нашему посольству незаменимым помощником, своим влиянием искусно поддерживая связь между Россией и греческим народом, связь, которую в Элладском королевстве, более открытом европейскому влиянию, более, чем в Константинополе, и стараются подорвать. Нам указывали на недоброжелателей России и в Университете и при Дворе. Греки говорят, что само правительство с опасением смотрит и на Россию, и на связующее Россию с греками Православие, ко-

¹ В Константинопольской Патриархии в Патриаршество Кирилла VII (1855 – 1860) было хиротонисано несколько епископов болгарского происхождения, в т. ч. Иларион (Стоянов), возглавивший болгарскую общину Константинополя с титулом епископа Макариопольского (1856 г.).

² Архимандрит Антонин (Капустин) (1817 – 1894) – ученый-византист, с именем которого связан период расцвета деятельности Русской духовной миссии на Святой земле, с 1850 по 1860 год был настоятелем церкви при русском посольстве в Афинах, а с 1860 по 1865 год настоятелем посольской церкви в Константинополе.

тому, вследствие сего, и не оказывается должного покровительства. Недавно в Афинах издан закон, который должен иметь самые неблагоприятные последствия для Православия. Греческое духовенство, как известно, освобождено от присяги, преимущество это распространено и на латинское духовенство в Греции, между тем как оно не пользуется этой привилегией ни в Риме, ни в других католических странах. Все полагают, что латинские монахи, не связанные присягою, теперь еще сильнее будут вести свой прозелитизм. Говорят, что этим законом хотели угодить Франции и снискать ее расположение. До какой степени афинское правительство подозрительно смотрит на всякое проявление жизни в Православной Церкви, можно видеть из следующего случая. В сороковых годах в Морее¹ прославился святостью и проповедями иеромонах Христофор по прозванию Популаки (дедушка). Сила его слова была такова, что целые селения маниотов², преданные грабежу и другим порокам, после его проповеди исправлялись и возрождались духовно. Подозревая в Популаки политические замыслы, правительство обвинило его в ереси и заточило в монастырь на острове Андрос, где он находится и теперь. При таких действиях правительства неудивительно, что вольнодумие усиливается в Элладе и подрывает там православную веру. Пропаганда неверия и анархических идей в Элладе происходит преимущественно из Ионических островов и поддерживается англичанами, которые находят выгодным для своей политики колебать то, что составляет внутреннюю силу греческого народа и его связь с Россией. Главными средствами для достижения этих целей англичанам служат журналистика, доходящая в Афинах, как известно, до крайнего предела своеволия и дерзости, и заведение училищ, в которых вместе с полезными познаниями внушаются воспитанникам мысли, враждебные Церкви и вере. Бессознательные или сознательные орудия англичан встречаются, впрочем, нередко сильное противодействие и сами подвергаются преследованию ревностнейших поборников Православия. Так, ионический уроженец Феофил Каир, открывший училище на одном из Элладских островов и проповедовавший там учение, противное учению церковному, был потребован к суду; судьи, говорят, склонялись к снисхождению, но народ, узнавший, что хотят оправдать еретика, грозил восстанием. Каир был осужден и умер в заточении (1850 г.). Известный архим. Феоклит

¹ Морея – устаревшее название п-ова Пелопоннес в южной части Греции.

² Маниоты – жители местности Мани в Пелопоннесе. Считают себя потомками древних спартанцев, составляют особую клановую систему, схожую с мафиозными структурами Южной Италии.

Прп. Иларион Грузин. Икона

(Фармакидис)¹, – бывший преподавателем богословия сначала в Корфу, в заведении, основанном англичанином Гильфордом, потом в Афинском университете, – был обличен знаменитым экономосом в отступлении от чистоты и строгости отеческого учения и, вследствие чего, удален от Университета, хотя имел много друзей даже при Дворе. Но, к сожалению, поборники Православия, встречая мало сочувствия и поддержки, часто не в силах противостоять могущественным противникам Церкви и народа.

Из всего четырехмесячного путешествия нашего на Восток самое отрадное было время, проведенное на Святой Афонской Горе, где взгляду не представлялись ни страдания единоверцев

наших, ни козни врагов. Утешительно было застать там еще в живых такие лица, которые были очевидцами и даже родными новых мучеников, уже прославленных Восточною Церковью, как, например, престарелого митрополита Адрианопольского (в Ватопеде) Григория, родного брата св. Феодора, пострадавшего в 1798 году², иеросхимонаха Григория³, бывшего старцем новых мучеников, Игнатия (1814), Евфимия (1814) и Акакия (1816), мощи их сохраняются в церкви, устроенной в их честь, в той самой келии, в которой они обитали.

Утешительно было видеть на Афоне, что доселе есть на свете такие подвижники, которые своею жизнью напоминают первые века христианства, и что на Святом Афоне, жребии Матери Божией, сглажи-

¹ Архимандрит Феоклит (Фармакидис), получивший образование в Геттингене и усвоивший там протестантские взгляды на взаимоотношения Церкви и государства, был одним из главных идеологов создания ряда жестких мер, обеспечивающих подчиненное государство положение Церкви.

² В том же монастыре (Ватопеде) живет митрополит Андрианопольский Иоанникий, брат умершего в 1821 году и почитающегося в Одессе Святейшего Григория, Патриарха Константинопольского.

³ Живет в Иверском скиту св. Иоанна Предтечи.

вається исключительность отдельных народностей, что там совокупно работают Господу греки, болгары, грузины, молдаване и русские. Первый по высоте духовной жизни из современных Афонских подвижников принадлежит к племени малочисленному и негромкому в гражданской истории – к племени грузинскому. Мы говорим об о. Иларионе¹, восьмидесятидвухлетнем старце, лице весьма замечательном по своей жизни, который живет в келии безмолвствующих в получасе хода от скита св. Анны. Он уроженец Трапезундский, с четырех до двадцати четырех лет воспитывался в совершеннейшем уединении у своего дяди-пустынника, впоследствии был сделан духовником грузинских царей, оказал важнейшие политические услуги своей родине во время присоединения к России, сопровождал грузинскую царицу Марию, вдову Соломона II, в Москву и Петербург, в 1819 году скрылся от мира на Святую Гору, во время Греческой войны 1821 – 1829 годов совершил подвиг исповедничества и едва не был замучен турками. Сорок два года проводит в строгом уединении высокую духовную жизнь, питаясь хлебом и водой. Отец Иларион пользуется на Святой Горе всеобщим уважением, и трогательно видеть, как в нем сохраняется пламенная любовь и глубокая преданность России. Есть на Афоне и другой грузин, известный высоким аскетизмом, это друг и сверстник по годам отцу Илариону, – иеросхимонах Венедикт. Лет тридцать назад он жил в Русике, откуда перешел в келью близ Ивера. Двадцать пять лет отец Венедикт не видел у себя никого из мирян; первый, нарушивший его безмолвие, был Петр Иванович Севастьянов². Приняв нас очень ласково, отец Венедикт расспрашивал нас о том, что делается за Кавказом и, прощаясь с нами, заметил: «Вот уже вторые гости после двадцатипятилетнего одиночества, не знаю, что это значит», – тогда ученики его выразили опасение, что отец Венедикт в случае третьего посещения оставит настоящее свое жилище и будет искать более уединенное место. В скиту св. Анны пользуются особым уважением

¹ Иларион Грузин (1776 – 1864) – иеросхимонах, афонский старец. Принадлежал к грузинскому дворянскому роду Канчавели, с детства был посвящен Богу. Состоя на службе в царском дворце, Иессей Канчавели женился по настоянию царя Соломона II и принял сан пресвитера, овдовев, он стал тяготиться придворной жизнью, и, получив паспорт, намеревался побывать на Святой земле. Но, попав по дороге на Афон, скрыл свое происхождение и под видом бедного инока поступил в Диосиниат, близ которого подвизался знакомый ему грузин. Великим постом 1821 года они приняли постриг: протоиерей Иессей с именем Иларион, его друг – с именем Венедикт (впоследствии известный афонский старец Венедикт (Киотишвили)). Ведя подвижническую жизнь, о. Иларион безмолвствовал, жил в затворе, но вынужден был принимать приходящих за духовным советом. Его называли «духовником духовников Афона». Иларион Грузин преставился 14.02.1864 г. в Русике. Свящ. Синод Грузинской Церкви причислил его 17.10.2002 г. к лику святых.

² Известный ученый, исследователь и собиратель славянских рукописей.

Прибрежный Русик в начале XIX в. Литография

ученик о. Илариона иеросхимонах Савва, грек, который проходит устную молитву и вообще разделяет труды своего старца, – он имеет дар умиления, круглый год держит сухоядение, – и иеросхимонах Григорий, духовник скита св. Анны, бежавший еще в малолетстве на Афон из родительского дома, – он также упражняется в устной молитве.

В Зографском монастыре игумен Анфим, болгарин, состоявший с 1838 по 1846 год иеромонахом при нашей духовной миссии в Афинах, муж, соединяющий замечательное духовное образование и личную подвижническую жизнь. Мы слышали от о. Анфима, что он участвовал с Преосвященным Поликарпом, – ныне архиепископ Орловский, – в истолковании Псалтири. Труд этот остался у Преосвященного. Желательно было бы склонить Преосвященного к изданию в свет этого полезного и необходимого сочинения.

Безмолвник схимонах Василий, муж, исполненный духовного разума, к которому братья обители ходят на откровение.

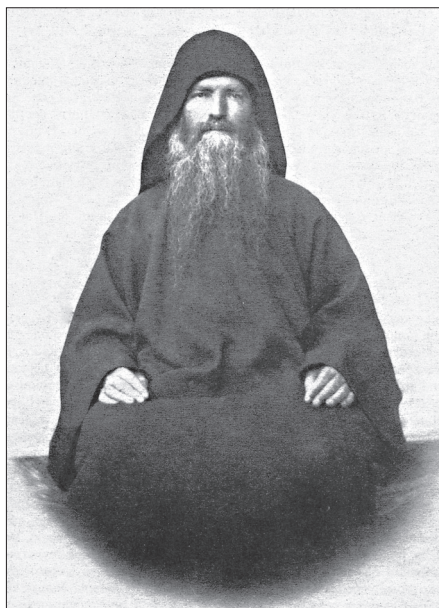
Агапий, духовник того же монастыря, маститый старец, пользующийся всеобщим уважением.

Настоятель скита Богородицы (Ксилургу) отец Никифор, который, по справедливому замечанию А. Н. Муравьева, молчит по своей богомудрой простоте и равно принадлежит сколько девятому, столько и девятнадцатому столетию.

В Пантелеимоновском монастыре (Русике) геронта – игумен Герасим, пребывающий в обители свыше шестидесяти лет, из них в долж-

*Игумен монастыря вмч. Пантелеимона
схиархимандрит Герасим Афонский.
Литография. 1864 г.*

*Иеросхимонах Иероним – духовник Русика.
Литография. 1850-е гг.*

ности игумена пятьдесят пять лет, – невзирая на девяносточетырех-летний возраст, ежедневно бывает у всех богослужений, хотя сам уже не священнодействует. Келья его никогда не запирается, во всякое время ночи можно найти его в монашеском одеянии с четками в руках.

Иеродиакон Иларион, возжелав иноческой жизни, бежал из Константинополя, где находился при Вселенском Патриархе Мелетии, который долго скорбел о разлуке с ним, и когда узнал о его пребывании, то предложил ему сан митрополита, но инок-подвижник отказался. Он и донныне остается в должности иеродиакона и принял схиму. Отец Иларион пользуется общим уважением обоих братств.

Иеросхимонах Мефодий, духовник греческого братства, замечательный по своему глубокому смирению.

Схимонах Мартиниан, о котором афонские старцы говорят, что он исполнил все заповеди Божьи и достиг совершенства. Пребывая в непрестанных трудах, этот инок духовную мудрость и добродетели свои прикрывает детскою простотою; за исповедничество Христа потерпел от турок сильные побои.

Иеросхимонах Иероним, духовник, опытностью и благоразумием которого поддерживается Союз Русского братства с Греческим.

[Иероним (Соломенцов Иван Павлович) – родился в г. Старый Оскол в 1805 году. С детства имея тяготение к монашеству, в 12 лет отказался от мясной пищи. После чудесного видения Божией Матери и ап. Иоанна Богослова он исцелился от холеры и получил «дар духовного рассуждения и слова». В 1836 г. приехал на Афон, где нашел себе духовного отца, иеросхим. Арсения Афонского, который вскорости постриг его в монашество с именем Иоанникий. Начав подвизаться в монастыре Ставроникита, он в 1840 г. перешел в Пантелеимонов монастырь по благословению иеросхим. Арсения. В 1840 г. был рукоположен во диакона, а затем во иерея и назначен духовником братии. Великим постом 1841 г. принял схиму с именем в честь блж. Иеронима Стридонского. Невозможно в кратком примечании отразить, как благоустроилась и расцвела при о. Иерониме обитель вмч. Пантелеимона на Афоне. За период его жизни в монастыре и за его пределами восстановлено и построено около 60 храмов. Начатая иеросхимонахом Иеронимом в 1850 г. просветительно-издательская деятельность не ограничилась пределами монастыря и была расширена при московской часовне во имя вмч. Пантелеимона. Здесь сотрудничали и помогали Пантелеимонову монастырю свт. Феофан Затворник, Херсонские архиепископы Димитрий (Муретов) и Никанор (Бровкович), Томский епископ Петр (Екатериновский), архим. Леонид (Кавелин), архим. Антонин (Капустин), архим. Иустин (Полянский), иером. Никон (Рождественский) и др.

Скончался иеросхимонах Иероним 14.11.1885 г. Во время заупокойного богослужения произошло исцеление двух паломников после прикосновения к телу усопшего. По свидетельству письменных источников и предания, после кончины иеросхимонаха Иеронима на Афоне и в России происходили его чудесные явления, сопровождавшиеся благодатной помощью. – *Ред.*].

Даскал¹ Иоанн, глубокой старости схимонах, болгарин из Тернова, преданный России; он имеет дар умиленной молитвы; по смирению не носит полного монашеского одеяния.

Ученик о. Иеронима, иеросхимонах отец Феофан, русский, проводящий самую строгую безмолвную жизнь в ските Кавсокаливском.

Отец Паисий, игумен малороссийского Ильинского скита, замечательный по своей хозяйственной деятельности.

Евлогий, игумен Дионисиатского монастыря, известный по своей подвижнической жизни; управляет киновию, считающейся самой

¹ Даскал (греч.) – учитель, наставник.

строгой по своему уставу на всей Афонской Горе.

В том же монастыре даскал Иоасаф, бывший иеродиаконом при Константинопольском Патриархе Григории VI, муж ученый и духовный, сохранивший в преклонных годах бодрость духа и ясность мысли.

В Лаврских пределах близ молдавского скита Иоанна Предтечи указали нам две пещеры, иссеченные в отвесной скале над самым морем; путь к обеим чрезвычайно труден и небезопасен для неопытного пешехода. Мы были в одной из них, в пещере св. Афанасия, где живет старец Неофит, большой постник. В другую пещеру не могли проникнуть по затруднительности спуска. Она принадлежит отцу Нифонту, игумену молдавского скита, который в текущем году приезжал в Россию для сбора подаваний.

Большинство поименованных здесь старцев живут в киновиях, некоторые только в отшельнических кельях; в идиоритмах же не указали нам ни одного замечательного подвижника. Невзирая на бедственное положение христианства на Востоке, иночество пользуется там едва ли не большею свободою, чем в некоторых христианских странах: на острове Халки¹ мы нашли двух отшельников, из которых один, отец Евстратий, особенно занимателен своею беседою; во время войны за независимость он выкупил из плена до тысячи христиан. Они живут в лесу в каливах с несколькими учениками, и никто не спрашивает у них, зачем они там поселились, чем занимаются, есть ли у них паспорта или нет.

В Палестине мы уже не застали отца Иринарха, подвизавшегося в посте и молитве близ Назарета и скончавшегося в прошлом году в возрасте девяноста лет, но мы имели утешение видеть и сделаться духовными детьми отца Иоасафа, архимандрита Лавры св. Саввы. Беседуя с

*Иеросхимонах Арсений. Литография.
Середина XIX в.*

¹ Халки – греческий остров в Эгейском море в составе архипелага Додеканес (Южные Спорады).

этим святым старцем, мы переносились мыслями в века Афанасия Великого, Исаака Сириянина, Аввы Варсонофия. Несмотря на свой, свыше семидесяти лет, возраст, смиренный архимандрит Иоасаф ходит в Иерусалим пешком, служит без диакона, разделяет с братией все послушания. Для удобнейшего соблюдения равенства между братиею, в недавнем только времени о. Иоасаф согласился посвятить двух иеромонахов, да и то не из греков, а из болгар; прежде же для служения в Лавре приглашались священники из мира. В силу молитв о. Иоасафа веруют не только христиане, но и магометане-бедуины, называющие его своим помощником, кормильцем.

На всем православном Востоке духовенство отличается большою простотою нравов; ни на ком не видели мы ни цветной, ниже шелковой рясы; жилища высших духовных лиц убранны весьма скромно.

СВЕДЕНИЯ О СОСТОЯНИИ АФОНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ*

Древние отцы и учителя Церкви Православной передали нам три вида иноческой жизни: одинокое отшельничество, безмолвное житие с одним братом или двумя (скиты) и общежитие (киновия).

Ослабление древних путей монашеской жизни породило особый род монастырей, в которых иноки ведут произвольный образ жизни. Они называются на Востоке идиоритмами и соответствуют отчасти нашим штатным монастырям. Святая Гора Афонская вмещает все виды иночества, представляя к тому полное удобство как по особенностям местности, так и потому, что турецкое правительство не стесняет подвластных ему христиан в удовлетворении аскетических потребностей. И в то время, как в государствах христианских даже не слышно о пустынножителях, на Фаворе, среди диких племен бедуинских и на высотах острова Халки два маститых грека с учениками своими живут Господа ради в землянках. На Афонской Горе находятся двадцать монастырей и одиннадцать скитов, до восьмисот отшельнических келлий и около тысячи калликов. Количество насельников Афонской горы с точностью определить нельзя: как потому, что поступление в число святогорского монашества не сопровождается письменными формальностями, которые у нас некоторым образом служат источником статистиче-

* Из личного фонда П. И. Саломона. Автор неизвестен.

ских данных, так и потому, что на Афоне есть много тайных подвижников, известных только их духовникам или старцам.

Кроме того, подать (харачь), которой обложены афонские монастыри, взимается турецким правительством по числу иноков.

Так по сведениям, собранным в 1845 и 46 годах архимандритом Порфирием, всех иноков афонских было в монастырях до 1700 человек; в скитах около 500 и келлиотов до 600, следовательно, всего 2800. Из описания Афона, изданного Русиком (под заглавием «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой горе Афон», 1857 г.) видно, что населенность иноческая на всем Афоне простиралась в 1843 году до 10 тысяч. Разница в этих цифрах объясняется, кажется, тем, что один автор основывается на официальных сведениях, а другой на частных показаниях самих святогорцев. Этим последним источником пользовался и я, потому что не имел рекомендательного письма к членам правительства.

Афон по географическому своему положению принадлежит к Митрополии Салоникской, но независим от нее во всем и относится непосредственно к Вселенскому Патриарху, влияние которого на монастыри ограничивается лишь делами высшего управления, каковы: утверждение новых или закрытие существующих обителей, окончательное разрешение спорных дел, возникающих между обителями относительно поземельной собственности, наконец, инвеститура избранных братством той или иной обители в начальники.

Непосредственное управление Афонскими монастырями сосредотачивается в Протате, учреждении коллективном, заступившим место, права и обязанности так называемого Прота (главного начальника Святой Горы). Это судилище составляют четыре члена (назира), избираемые из главных монастырей – Лаврского, Ватопедского, Иверского и Хиландарского – и чередующиеся между собою в представительстве погодно, и поверенные каждого из двадцати монастырей (антипросопы).

Первенствующий член, называемый проэдрот, получает определенное жалование. Антипросопы не участвуют в решении текущих дел, но, тем не менее, обязаны постоянно присутствовать в Протате как для того, чтобы иметь и еженедельно сообщать своим игуменам сведения о ходе всяческих дел, так, преимущественно, для рассмотрения дел особой важности, которые требуют общего согласия всех антипросопов, выражаемого приложением печати их монастыря к протоколу, не приводятся к исполнению внутри Святой

Горы и не должны восходить на утверждение Патриарха. Решения Протата как по важнейшим внутренним, так и по внешним делам, не принятые всеми антипросопами, не имеют для монастырей обязательной силы и не одобряются Патриархом без истребования объяснений о причинах несогласия между присутствующими. Для производства письменных дел имеется особый письмоводитель из иноков же, получающий жалованье (около 300 рублей серебром). Прочие члены Протата, проходя свои должности за послушание, обеспечиваются в своем внемонастырском содержании теми обителями, представителями которых они служат в Протате. Поскольку Протат помещается в Карее, постольку отпечаток привольной и праздной жизни мы и видим на штатных монастырях.

Достаточно войти в обитель, чтобы по одеянию, приемам и по всей внешности в первом встретившемся иноке узнать жителя идиоритма, – так резко они отличаются от киновиотов и скитян, которым, положим, Святая Гора и обязана поддержанием духовной своей славы. В идиоритмах хотя и не видно поражающих беспорядков и неблагочиния, но нет и признаков строгой иноческой жизни, нет прямого хозяина: ибо влияние старшего ..., епитропа, ограничивается лишь внешним хозяйственным порядком и не касается внутренней жизни.

Должность епитропа подвергается ревизии собора, состоящего из старшей братии и проигуменов. Впрочем, ревизия эта, касаясь движимого церковного имущества, не обеспечивает вполне интересов монастыря, потому что производится людьми, участвовавшими в распоряжении ревизуемого и делившими его выгоды. Полагают, и кажется правдоподобным, что они явились вследствие частой на продолжительное время посылки монахов в мир за сбором милостыни. Привыкнув жить между мирскими людьми по своей воле, они, по возвращении в обители, не могут уже подчиняться строгости монастырской дисциплины. По вниманию к понесенным ими трудам, им оказывается снисхождение. Послаблениями, допущенными в их пользу, пользовались и другие. Таким образом, малопомалу разрушался порядок общежития.

Как бы то ни было, нельзя не сожалеть о том, что одни из древнейших и знаменитейших монастырей Афонской Горы состоят в числе идиоритмов, каковы, например, Ватопед, Ивер, Пантократор, Хиландар и даже Лавра св. Афанасия. Восстановлению общежития в этих обителях противятся именно проэстосы, которым трудно пожертвовать своими интересами пользе общей, тогда как преобразование

это, обещающее несомнительное улучшение монашествующих и в нравственном, и материальном отношениях, необходимо, в особенности для Хиландара, откуда посылаются духовники в Болгарию. Напрасно оправдывать это противление недостатком средств: кроме богатых податей, получаемых от болгар, Хиландар имеет на Афоне обширные поземельные владения, которые приносили бы значительный доход, если бы обрабатывались самою братией, но проэсты, разумеется, предпочитают даровой хлеб трудовому.

На вольности жизни идиоритмов не сказывается существование на принадлежащих им землях пустынных келлий и скитов (собраний келлий), своею строгою и подвижническою жизнью сближающих наше время с временами первых веков христианства, таковы скиты, живущие по Уставу общежития св. Василия Великого. Видимый в них порядок (как нравственный, так и хозяйственный) основан на безусловном подчинении как своему геронте, так и игумену. Цель управления достигается духовным союзом этих двух лиц: игумена и старца. Союз этот заключается в том, что игумен во всем, что касается нравственной части, полагается на духовную опытность старца, которому известны свойства, достоинства, недостатки и вообще духовное устройство каждого из братии. Так, например, без его согласия никого не принимают в обитель; никого не исключают из оной; никого не удостаивают пострижения в монашество или рукоположения в сан; не изменяется или не прибавляется никакого нового порядка во внутренней жизни и распределении послушаний, делаемых также с его совета.

В хозяйственных же делах, кроме начальников отдельных частей (наместников, казначеев и экономов) игумену помогает советом старшая братия. В некоторых же важных случаях собирается нарочно совет из старшей братии для обсуждения дела, касающегося всей обители. Таково, например, дело, последствием которого был пересмотр старой и составление новой Омологии (условия) между Греческим и Русским братствами Пантелеимонова монастыря.

В доказательство того, как хорошо осознает местное Афонское правительство необходимость и важность старчества, можно привести следующий пример: недавно оно возвратило в киновию иеромонаха, назначенного в настоятели другой обители без его согласия. Содействие старчества к благосостоянию киновий заключается в хранении совести каждого, относящегося к старцу, частым исповедованием пред ним всех своих дел и помыслов. Эта нравственная отчетность устраняет необходимость сложных форм письмен-

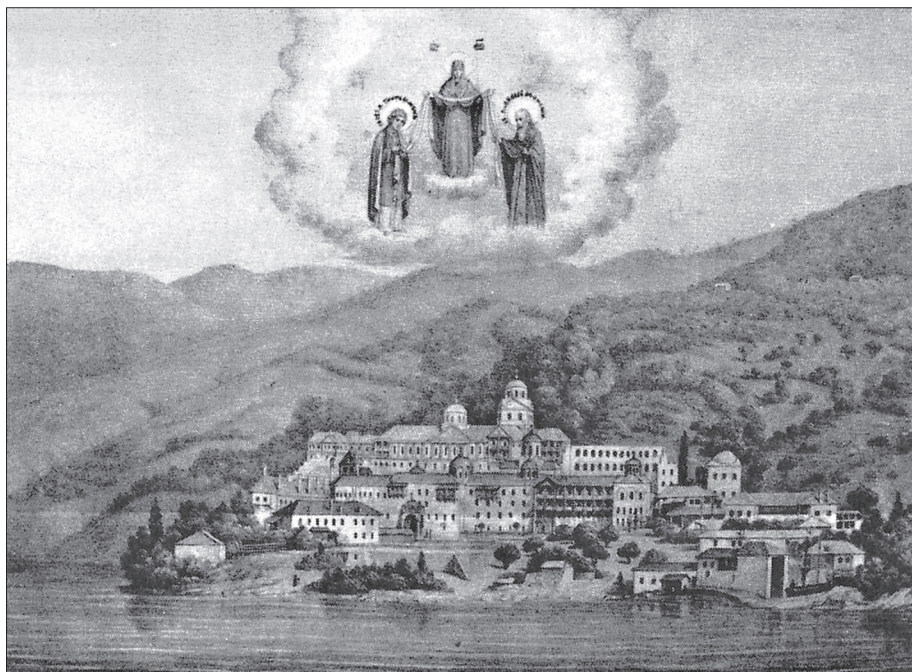
ной отчетности, которой обременяются наши монастыри без видимой пользы для их благоустройства. Это не значит, что в киновиях вовсе не существовало счетов прихода-расхода. Книги ведутся лицами, заведующими денежным и материальным имуществом, что поощряется собором старшей братии, но этой инстанцией все и оканчивается. И не было примера, чтобы в киновиях возникло по поводу отчетности обвинение в незаконном пользовании или утрате монастырского имущества.

Считаю необходимым заметить, что выбор старцев, которые имеют столь благодатное влияние на благоустройство киновий, зависит не от назначения внешнего и делается как бы по непосредственному указанию Промысла Божия, падая на людей, которые своею личною подвижническою жизнью и, главное, духовною опытностью уже предварительно заслужили любовь и доверие братии и приобрели известность всего Афонского иночества. Почти таким же образом избираются на Святой Горе и духовники монастырские. То обстоятельство, что на выбор духовников не имеют непосредственного влияния настоятели обители, упрочивает доверие к первым со стороны их духовных детей и учеников, отстраняя подозрение, что духовник избран настоятелем по своим личным видам. Подозрение, вселившись однажды, разрушает духовный союз духовника с братиею, к очевидному ущербу нравственного преуспеяния.

Достоинно внимания, что Афонская Гора является школою для духовников, которые в руках Константинопольской Церкви, при внешнем бедственном состоянии Православия на Востоке, служат верным орудием к поддержанию духовного просвещения в народе, к укреплению его в скорбях, к назиданию и утешению духовному и, наконец, к обнаружению злоупотребления епархиальных архиереев, формальное обследование которых судебным порядком признается неудобным и не всегда возможным по опасению или всю паству возмутить соблазнами в Церкви, или некоторых членов ее подвергнуть последствиям гонения за обнаружение истины.

Монастырь Св. Пантелеимона (Русик) хотя состоит частью из русского, частью из греческого братства, по справедливости признается всеми святогорцами за монастырь русский: относительно отправления Богослужения он держится русского календаря, то есть празднует все высокаторжественные дни тезоименитства и рождения членов Императорского Дома.

Здесь путешественники и странники находят радушное гостеприимство и получают средства и проводников для обозрения Святой

Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь. Литография. 1860-е гг.

Горы; здесь ныне Русское общество пароходства и торговли имеет свою пристань и агента; подаванием Русика поддерживаются беднейшие православные жители соседних провинций, в особенности болгары, приходские церкви снабжаются облачениями из Русика. Русское братство Пантелеимонова монастыря составляет живую связь Русского иночества с Афоном, который есть школа духовной жизни и хранитель древнего богослужебного чина Православной Церкви. Оно, сверх того, составляет и необходимое звено чисто духовных сношений наших с Православным Востоком, которым следует особенно дорожить по случаю перемены, последовавшей в наших политических отношениях после войны 1853 – 1856 годов¹.

Но Русик, не имея достаточно земельных угодий в турецких владениях, содержится преимущественно получаемую в России милостынею. Для подкрепления этого шаткого способа своего существования Пантелеимоновский монастырь, по случаю посещения Святой Горы Государем Великим Князем Константином Николаевичем, ходатайствовал пред Его Императорским Высочеством о

¹ Крымская война России с Турцией 1853 – 1856 гг.

*Афонская Пантелеимоновская часовня
в Москве. Фотография. 1890-е гг.*

даровании этой обители подворья в Москве. Ходатайство это не было удовлетворено – в Русике полагают, будто бы за несогласием Московского епархиального начальства; в действительности же потому, что доселе подворья жаловались одним только патриархом по уважению к иерархическому значению. Впрочем, братия Русика вполне сознает неудобство иметь в России подворье с церковью, при которой для Богослужения необходимо было бы постоянно содержать несколько монашествующих с большою опасностью вреда для их нравственности. Поэтому, оставляя мысль о подворье, братия мо-

настыря св. Пантелеимона предпочитает иметь в Москве или Петербурге часовню. Для облегчения же сношений Русика с Россиею представляется необходимость иметь в Одессе своего агента, обязанности которого исполнял добровольно почетный гражданин Одессы Новиков, ныне за преклонностью лет и слабостию здоровья отказывающийся от этих занятий.

Многие из известных старцев объясняли мне необходимость учреждения на Афоне нового Русского монастыря по неимению в Русике помещений для встреч русских, изъявляющих желание остаться на Афоне в иноческом звании. Позволю себе думать, что учреждение особого Русского монастыря может встретить важные препятствия со стороны политической, и потому казалось бы более удобным обратить внимание на целесообразное устройство Русского скита, существование коего уже признано на Афоне, – разумею скит Андреевский (Серай)¹, в котором тогда само собою собирается избранное Русское братство.

¹ Скит во имя св. ап. Андрея Первозванного при монастыре Ватопед (в честь Благовещения Пресвятой Богородицы). – В 1845 г. состоялось посещение Афона великим князем Константином Николаевичем. В связи с приездом члена императорского дома было возбуждено ходатайство перед Константинопольским Патриархатом о преобразовании Се-

Вид русского Андреевского скита. Литография. Вторая половина XIX в.

С другой стороны, русские иноки на Афоне скорбят о том, что живут здесь как изгнанники из Отечества, не признающего даже духовного их характера. Существующие постановления о сроках пребывания за границею русских подданных не допускают никакого изъятия в пользу желающих спастись на Афонской Горе. И потому, не имея права просить увольнения за границу для всегдашнего пребывания на Святой Горе, они увольняются для временного посещения святых мест. Многие же выходят из России даже без намерения оставить навсегда свое отечество, но самим Промыслом призываются к иноческой жизни на Афоне.

райской келлии в русский скит во имя апостола Андрея. В августе 1849 г. на Афон прибыл русский посол в Османской империи В. П. Титов, настоятель посольской церкви архим. Софония и камергер императорского двора А. Н. Муравьев, стараниями которых келлия была преобразована в Андреевский скит. В память о посещении великим князем Афона один из параклисов (придел в честь «Похвалы Богородицы») в Покровском корпусе Пантелеимонова монастыря был освящен во имя св. равноап. Константина и Елены. Неизменную помощь русским насельникам оказывали русские послы в Константинополе Игнатьев и Нелидов.

КАК НАДО ПОНИМАТЬ СБЛИЖЕНИЕ С НАРОДОМ?

Константин Николаевич Леонтьев родился в 1831 году в калужской помещицкой семье. Учился в Московском университете на медицинском факультете. В крымскую кампанию был военным врачом, потом сельским врачом в Нижегородской губернии. Впоследствии десять лет, с 1863 по 1873 год, прожил в Турции, занимая консульские должности на о. Крит, в Адрианополе, Тульче, Янине, Зице и Салониках. Выйдя в отставку, провел более года на Афоне. После чудесного исцеления от холеры в Салониках пожелал принять монашеский постриг, но старцы Иероним (Соломенцов) и Макарий (Сушкин) не благословили его, сочтя это решение преждевременным. Позже Леонтьев писал: «Православию выучили меня ... афонские духовники Иероним и Макарий». Благословение на монашество получил от прп. Амвросия Оптинского и сподобился пострига за два месяца до своей кончины в 1891 году. Приняв тайно пострижение с именем Климента, он переехал в Сергиев Посад, где и умер.

При жизни Константин Леонтьев, единственный крупный мыслитель из консервативного лагеря, «да и вообще один из самых блестящих и своеобразных умов в русской литературе», как писал о нем Бердяев, — не встретил в русском обществе ни понимания, ни признания. Его честная, самостоятельная мысль противостояла либеральным настроениям интеллигенции и шокировала современников.

Леонтьев был крайним и искренним сторонником византийско-аскетического религиозного идеала. Дорогими, требующими достойного охранения, он считал, во-первых, реально-мистическое, строго церковное и монашеское христианство византийского типа; во-вторых, крепкую, сосредоточенную монархическую государственность и, в-третьих, красоту жизни в самобытных национальных формах. Он стремился в своих трудах доказать, что это все нужно охранять против одного общего врага — уравнительного буржуазного прогресса, неприятие которого и было главным вдохновителем его основных трудов: «Византизм и славянство», «Записки отшельника», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». Пророческие, продиктованные глубокой любовью к России и ее самобытному народу, страницы книг Константина Леонтьева поражают силой ума, прозорливостью и безоглядной верой в Того, Кому Он со страхом служил и с трепетом радовался в последние годы своей жизни.

Впервые: *Варшавский Дневник*. 1880. № 93, 107. Здесь: по КНЛ «Восток, Россия и славянство». С. 288 – 298.

У нас давно уже говорят о «сближении» или даже о «слиянии» с народом. Говорят об этом не только агитаторы, неудачно пытавшиеся «ходить» в этот народ; не только умеренные либералы, желающие посредством училищ, земской деятельности и т. п. мало-помалу переделать русского простолюдина в нечто им самим подобное (то есть национально-безличное и бесцветное); о подобном «сближении» говорят, хотя и несколько по-своему, даже и люди охранительного, или, скажу сильнее, слегка реакционного, взгляда (я говорю *слегка*, ибо сильно реакционного взгляда людей у нас очень мало, и они до сих пор еще не влиятельны).

Константин Николаевич Леонтьев

Но как понимают эти умеренные охранители подобное «сближение» – вот в чем вопрос.

По нашему мнению, нужно не столько *слияние интересов*, сколько *сходство идей*. Не нам надо учить народ, а самим у него учиться. Мы *современные* европейцы, а народ наш не европеец; скорее его можно назвать византийцем, хотя и не совсем, – вот чем он лучше и выше нас. Для нас вопрос решается так: *если культурная солидарность наша с Западом неотвратима и неисцелима, то национальное дело наше раз навсегда проиграно*. Чтобы объяснить без обычных в литературе нашей ужимок, как мы понимаем эти ужасные слова (которые произнести даже и наедине с самим собою страшно), мы должны сказать вот что: правы ли мы или нет – это другой вопрос; но мы думаем, что все государства Западной Европы должны в не слишком продолжительном времени *отречься* решительнее прежнего *от всего того, что составляло национальные основы их государственного быта, и принять форму республик*. Сольются ли они постепенно все в один атеистический союз или сгруппируются сперва только *по племенам*, или, наконец, эти *бесцерковные* республики останутся приблизительно в пределах тех государств, из которых они выродятся и будут жить бок о бок, подобно республикам Средней и Южной Америки, не сливаясь *государственно*, но ничем почти *культурно* и не разнясь друг от друга – все это вопрос второстепенных оттенков, для нас, славян, не слишком существен-

ных; ибо во всех этих случаях республиканский Запад будет еще враждебнее Русской Империи и союзу восточно-православных народов, чем была Европа монархическая. Подобно Соединенным Штатам Северной Америки, не пожелавшим выносить в Мексике соседства сильной империи, республики европейского Запада будут тяготиться формой нашего правления, прилагать все старания, чтобы изменить ее у нас, даже и посредством насилия. Подробнее здесь об этом я распространяться не буду. Мне кажется, это и так ясно.

Я не намерен также на этот раз «предсказывать», каков должен стать основной *экономический строй* этих европейских республик: «мещанский», т. е. либеральный, подобно строю нынешней Франции, или *принудительно-социалистический*... Хотя эта сторона вопроса для славян и России несравненно существеннее и важнее, но именно вследствие этой первостепенной важности дела о нем нельзя говорить слегка в статье, имеющей другую, специальную цель. На этот раз я позволю себе только мимоходом заметить еще вот что: во всех государствах и у всех наций нашего времени все однородные охранительные силы находятся в постоянной между собою борьбе, государство воюет с государством; религия с ожесточением борется против другой религии; представители одной аристократии противятся остаткам другой знати или последним могиканам другого дворянства; даже либеральная или полулиберальная буржуазия – и та, под знаменем национал-либерализма, выступает охотно и нередко на бой, даже и кровавый, против буржуазии соседней, ведомой под точно таким же государственно-племенным штемпелем, и т. д. В *эти минуты* буржуазия даже и от ежедневно попираемой ею религии вовсе не прочь!

Все охранительные силы Европы, говорю я, находятся теперь в постоянной и непримиримой борьбе между собою, и объединить их еще раз так, как объединились они в первой половине XIX века для борьбы против Франции и против напора ее демократических насилий, оказывается невозможным во второй половине истекающего века. *Согласны везде между собой только одни анархисты, коммунисты и те, которые им потворствуют.* Они согласны, и число их ежегодно и повсеместно растет; они убежденнее, тверже, решительнее людей всех других партий и учений. Идеал их прост и ясен. *Разрушить все прежнее, расторгнуть все преграды; сначала анархия, организация – позднее; она придет сама собою.* Это последовательно и даже сравнительно легко; ибо создание нового и даже охранительная поддержка раз созданного гораздо труднее разрушения.

Вот состояние дел во всей Европе, вот *общее течение* исторического потока... Я думаю, никто этого отрицать не может?

Ввиду всего подобного, мне кажется, что для нас весь *роковой вопрос* должен состоять в том, сумеет ли славянское племя вовремя оградить себя

от напора, не скажем – социалистических (ибо *социализм*, понятый только с *экономической* стороны, может принять и *охранительный характер*), а скажем – просто *разрушительных* волн и обойти это течение по своему собственному руслу?.. Или оно осуждено историей и темпераментом своим на вечное умственное рабство и должно тоже, хотя и несколько позднее других, отдать на заклятие все лучшие исторические начала свои? Мы думаем, что нет мыслящего человека в России, который бы позволил себе *еще теперь*, даже в уме своем и с глазу на глаз с своею совестью, *произнести решительный ответ!* При взгляде на иные стороны нашей русской жизни кажется более вероятным последний, ужасный исход; при воспоминании о других оживляются надежды. Нельзя, разумеется, не отчаиваться в будущности славянства, когда слышишь, например, что множество русских людей ожидают спасения России от «дальнейших либеральных реформ» или, скажем яснее, – от демократической *конституции*. Нельзя не ужаснуться за наше будущее, когда с изумлением начинаешь понимать, что соотечественники наши хотят лечить нас от крайнего европейского радикализма тем же самым радикализмом, только постепенным и умеренным. Или еще когда встречаешь иного рода заблуждение, уже не в либеральном, а в консервативном лагере. Есть у нас, например, консерваторы, которых мнения и наклонности мы чрезвычайно уважаем, но не можем не указать на то, что и они часто не в силах перенестись на ту настоящую точку зрения, которая одна может открыть нам глаза на наши ошибки и несчастья. Есть консерваторы, которые желают все того же *сближения с народом*. Они сокрушаются о том, что русский народ русскую «интеллигенцию» *не любит*. Это не *государственная, не объективная* мысль; это чисто личное порождение невольного какого-то страха или оскорбленное чувство доброго и честного человека, считающего себя перед «народом» ни в чем не повинным.

С точки зрения *государственной* надо, напротив того, *радоваться*, что народ «интеллигенцию» *нашего времени* не очень любит, что она ему *не нравится*. Пускай в среде этой «интеллигенции» есть прекрасные и гуманные люди, пусть мы сами принадлежим к ней, все-таки надо *радоваться*, что эта «интеллигенция» так непопулярна, несмотря на всю теперешнюю гуманность свою.

Радоваться надо этому потому, что идеи и политические вкусы, господствующие в интеллигенции, *все заимствованные*, а у народа идеи и вкусы *все свои*; сближаясь с народом, мы только вредим ему; вредим не в том каком-нибудь грубом смысле, что мы его обманываем или грабим, или можем отстранить его от каких-нибудь вещественных благ, а в том *более важном смысле*, – что мы почти нечаянно учим его *европейству* и не можем не учить, потому что сами до сих пор выдумать ничего не были в

силах и в деле творчества национального стоим гораздо ниже азиатских народов: индусов, китайцев, мусульман, у которых все почти *свое*.

Поэтому польза (или даже *спасение* наше) – не в *смешении с народом* и не в *практическом* каком-нибудь с ним *соглашении*, а в *сходстве с ним*, в некотором, так сказать, *подражании ему*. Вот чего не различают и что в высшей степени важно. Славянофилы как будто понимали это, но в их учении есть одна чрезвычайно слабая сторона – это *эгалитарный либерализм*. Ни один из них не обратил внимания на то, что при том *слиянии или смешении с народом, которое они так всегда хвалили, не народ слиняется, так сказать, на нас своими яркими национальными цветами, а мы заразим его нашими европейскими миазмами*, потому что мы все-таки сильнее его ежедневным нашим влиянием... Юридическое сословное разделение было полезно для сохранения национального типа. Объясняюсь проще и нагляднее. Между прежним привилегированным и «передовым» все-таки для своего времени дворянством и крепостными крестьянами, даже между тем же «онемеченным и офранцузенным» дворянством и *благотворно отставшим* купечеством стояла каменная стена юридических прав и привилегий. Пороки крестьянства и старого купечества были пороками *личными; национально, в смысле общего типа*, оба эти сословия были почти всегда безукоризненны; дворянство же, во многих случаях *лично* почтенное и *государственно* всегда чрезвычайно доблестное, с точки зрения *национально-культурного типа* было ниже и хуже не только китайских мандаринов, но даже и турецких пашей и беев, которых, по крайней мере, резкие особенности их религии *принуждают не все* свое уступать европеизму, не все обычаи, не все поверия, не все юридические понятия и т. д.

Пока наше, частью вполне, частью полувосточное дворянство было отделено от низших классов той стеною привилегий, о которых я говорил выше, оно могло вредить народу только вещественно, стеснять его волю, наносить безнаказанно ему личные оскорбления, пользоваться иногда неразумно и жестоко даровым трудом мужика, брать с купца взятки без всякого зазрения совести. Все это так; но оно не могло тогда вредить народу *духовно, государственно, воспитательно, религиозно и культурно, стирая своим примером и влиянием драгоценные черты его национального характера*. Нанесению этого рода вреда (несравненно более существенного, чем вред материальный и личный в глазах того, кто понимает, что значат слова: *государство, нация, культурный тип!*) – нанесению этого вреда препятствовали тогда глубокие предрассудки и закоренелые привычки обеих сторон. Эгоизм и открытое презрение высших привилегированных, с одной стороны, апатия и скрытое отвращение низших – с другой, спасали культурный стиль народа. Высшие *не спешили учить* и ласкать низших, привлекая их этой лаской постепенно к подражательности. Низшие, со

своей стороны, смотрели на «господ», как на нечто чуждое, «немецкое» и даже весьма противное не потому именно, что «наказывает» и «заставляет на себя работать», а потому, что «в узком и коротком платье ходит, посты плохо соблюдает и т. д. ...». Купцы «московского типа» на дворян не работали, не зависели прямо от них и нередко в частных случаях преобладали над ними; но и они чувствовали этого рода *культурное* отвращение к европейскому стилю дворянства. Возьмем один пример. Я помню крепостное право; я вырос на нем; полжизни моей прошло при его условиях, и только во второй ее половине (30-ти лет) я увидел новые порядки. Я спрошу: когда слуги и простолюдины вообще строже содержали православные посты – тогда или теперь? И тогда многие «господа» ели и в Страстную пятницу мясо; и тогда были здоровенные молодые люди, до того изломанные нравственно, что уверяли, будто одна неделя поста расстраивает их железное здоровье. Но в то время не только мужик, который из своего маленького окна издали и невнимательно смотрел на барские хоромы, плохо даже и понимая, что там происходит, но и *слуги* в доме как-то не заражались нашим примером. Я помню слово одного 20-летнего дворового нашего. Я был тогда студентом и спросил его:

– Мне вот ничего, что я ем скромное; а ты не хочешь ни за что. Отчего это?

Он же отвечал мне с улыбкой:

– Мы понимаем это так, что *господа от счастья забылись... Вот и все!*

Чем больше равенства, больше общения, больше даже откровенных бесед, больше взаимного понимания, чем больше нравственного *влияния* сверху вниз, со стороны более *сведущей*, но культурно *более испорченной* (ибо культура не *в массе знаний*, а в живом *своеобразном освещении* этого умственного хаоса), чем меньше сословного *отчуждения*, тем легче *общелиберальная зараза*. Поэтому говорю: тот, кто понимает, до чего дорог культурный, национальный стиль для нашего государства, до чего спасительно может быть теперь для славянства постепенное свержение *умственного ига* Европы, тот должен желать не дальнейшего влияния «интеллигенции» нашей на простолюдина русского, а наоборот, он должен искать наилучших способов и наилегчайших *путей подражания мужику*.

Дело теперь не в дальнейшем уравнивании *прав* (главным и последним уравниванием было бы столь убийственное для порядка разрешение крестьянам продавать личные земельные участки); спасение не в каких-нибудь деловых юридических земских и т. п. соглашениях или сближениях с народом, а в *развитом восстановлении его идеалов, верных и самобытных, но загубелых* в его бедных руках, и потому и нам не всегда достаточно ясных, и даже в самом простолюдине несколько менее утвержденных, чем могли бы быть утверждены в нем эти самые идеалы, если бы *сближен-*

ная уже с ним теперь реформами интеллигенция подавала ему сама поразительный пример развитого, самосознательного, я готов даже сказать, *надменного в независимости своей культурного руссизма!* Я попытаюсь доказать (как умею), что достичь этого возможно (и даже легко) на нескольких, быть может, даже и на всех поприщах общественной жизни. И прежде всего на поприще научно-философской мысли.

Я сказал, что нам *нужно* вовсе не *смешение с народом, а сходство с ним*. Я говорил, что польза не в юридическом слиянии всех со всеми и спасение не в земском каком-нибудь или вообще *деловом сближении* высших слоев общества с низшими; не в воспитательном, наконец, воздействии *русских европейцев* на их *еще не испорченных культурно* «меньших братий», спасение наше не в *практическом, а в идеальном* сближении с простолюдином нашим; то есть, говоря яснее и проще, в *подражании мужику, в развитии восстановления* его идеалов, верных и самобытных, но *загрубелых* и потому не всегда ясных даже и ему самому. *Вовсе не надо* быть непременно *равным* во всем мужику, нет даже *вовсе* особенной нужды *быть всегда любимым* им и *силиться всегда* самому любить его *дружественно*: надо любить его *национально, эстетически*, надо любить его *стиль*. *Нужно быть с ним схожим в основах*.

Например, простолюдин любит Царя не за то только, что Он *сделал* для него вот *то-то* и *то-то*, а *за то именно, что Он – Царь!* И мы должны понять, что слишком далеко простертые идеи демократического индивидуализма и т. п. с серьезным взглядом на Самодержавие решительно не совместимы. Мы должны рассуждать так: «Русский Царь по существенному атрибуту Его власти, по основным законам государства имеет право на всякое действие, *кроме одного – кроме действия самоограничения*». «*Самодержец не может перестать быть Самодержцем*». Ибо пословица русская говорит: *ум* хорошо, а два лучше того... *Ум* – т. е. рассуждение, совет... Она не говорит, что *две воли* или *двести воли* лучше одной. Это большая разница – *ум* и *воля!* К тому же во всех палатах или национальных собраниях, конечно, *не ум же кладет шары*, утверждает законы и свергает министров, а *воля*, то есть легально организованная игра интересов и страстей. *Ум* в делах конституционных собраний играет весьма второстепенную роль, как и всякий ум, *везде*, когда приходит минута *практического действия*; его в *последнюю минуту* выбора обыкновенно заменяет *нечто другое*, какая-то совокупность наших сил: нравственных, телесных и отчасти только умственных. И сверх того, разве в эти палаты и собрания выбираются всегда самые умные люди? Всякий знает, что нет. Пошлость и пустота конституционных собраний была прекрасно изображена недавно Daudet¹ в его

¹ Доде Альфонс (1840 – 1897) – французский писатель. В России произведения Доде переводили сразу после опубликования их во Франции. Роман «Набоб» вышел в 1877 г.

«Набобе»... Всякий читатель, не подкупленный желанием самому стать депутатом, чувствует, что Daudet прав и вовсе не клеветает. И еще гораздо прежде его Добролюбов очень удачно осмеивал западные «говорильни». В этом необходимо Добролюбову отдать справедливость.

Вот один, очень простой пример тому, как мирозерцание простого человека может совпадать с убеждениями и *политическими вкусами*, так сказать, образованного русского. И можно даже сказать прямо, что те из нас, которых ум *дорос* до этих убеждений и *далеко перерос* понятия *современного* западно-мещанского права, обязаны, в большинстве случаев, *живому примеру* русского мужика. *Первоначальная*, либеральная испорченность нашего воспитания, встречаясь в жизни со стихийной мощью мужицкого мировоззрения, заставляет нас краснеть за себя; презрение к *прогрессивной* Европе, которого не может не чувствовать в *наше время* русский человек, *добросовестный мыслитель*, располагает нас искать иных путей, и эти пути – *тут, они так близко*, – они *за сохой*; они в сельской церкви; они под соломенной крышей, в дыму курной избы; они в этих – *полукрестьянских монастырях* наших.

«Русский» смысл не в массе знаний, подавляющих только слабые умы большинства учащихся и учащих, а в *способе освящения этих знаний*, этой массы фактов в так называемом «выходе в жизнь».

Мужик, например, не только молясь в Церкви, но даже и сидя в кабаке, уже тем умен и хорош, что он в *прогресс* не верит (т. е. в прогресс *благодетственный и вечный*). Он, когда ему случается подумать о чем-нибудь другом, кроме хозяйства, податей и водки, думает, что «все мы под Богом» и «все от Бога!»

Поэтому ему сразу (пока наше влияние его еще не исказило) покажется даже смешным, если он услышит, что какие-то французы и немцы надеются усилиями своего разума устроить на земле если не рай, то что-то приблизительное. И для этого одни насилем, бунтами, кинжалами, динамитом, а другие – «машинами» и «постепенностью», «говорильнями» и т. д. хотят разрушить все то, что было создано мудростью веков. Простолюдин найдет эту затею глупою. Так мыслит мужик, когда он удосужится помыслить; так думает он полусознательно, не размышляя много и действуя сообразно с этой стихийной, темной думой своей, он *покоряется*, верит и крестится.

Разве такое мировоззрение есть непременно удел одной простоты и невежества? Ничуть!

Такое воззрение на неизбежность в жизни страданий, зла, обид, разочарований и даже ужасов, на *невозможность* устранить все это *разумом, наукой и гражданской правдой* и даже на *огромную, косвенную пользу* всех этих зол вовсе не принадлежит только *незнанию*, или так называ-

емой «наивности». Такое воззрение на жизнь имеет даже и в области философской мысли *особое название*; этот род мирозерцания зовется *пессимизмом* [pessimus по-латыни, как многим известно, значит *наихудший*, optimus – *наилучший*, отсюда оптимизм, то есть учение о том, что *все* идет к *наилучшему*. Впрочем, эти термины, грамматически или филологически прямо противоположные, в философском смысле не всегда удачно противопоставляются друг другу. Если мы философскому и религиозному пессимизму (т. е. *зло должно быть* и, кто знает, может быть, *все на земле идет к худшему*, например, к разрушению) противопоставим такой сложный термин: *оптимизм прогрессивно-эвдемонический*, то есть *поступательно-благоденственный*, – то, мне кажется, что это будет точнее].

Я сказал, что не одним только простым или невежественным, как говорится, людям свойственно придерживаться пессимистического неверия в благоденственный прогресс.

Все положительные религии, создавшие своим влиянием, прямым и косвенным, главнейшие культуры земного шара, – были учениями *пессимизма*, *узаконившими* страдания, обиды и неправды земной жизни. Даже «светлая», как говорят, религия греков, и та учила, что «боги завидуют счастьем людей и мучают их». Вспомним только великие трагедии Софокла, где столько «органически сросшихся с жизнью» неправд и горестей терзают людей!

При всем этом сознании бедствий земной жизни греки никогда не надеялись на какой-то прогресс, долженствующий сделать *человека счастливым*. Замечательно, что все лучшие мыслители древности были более или менее консерваторами. Вся древняя греко-римская мысль была направлена или на сохранение *государства*, или же на *личное эстетическое наслаждение*, *преходящее*, и потому именно драгоценное. Идея прогресса (*или улучшения жизни для всех*) есть выдумка нашего времени; она есть не что иное, как ложный продукт демократического разрушения старых европейских обществ. Бессознательный обман, самообольщение, могучее орудие постепенного расстройств в незримой руке исторического рока. *Человечество всегда в чем-нибудь ошибалось*. Оно ошиблось и теперь, воображая, что *созидает нечто, уравнивая* общество во имя *прав и благоденствия*. Оно этим приготовляет лишь размягченную почву для *нового* какого-то (*юридического даже*) *неравенства*, для нового рода страданий, для нового рода *организованной* муки! Человечеству размышления мало; ему нужен *опыт*. И *опыт* будет! И мысль о *прогрессе равномерного счастья* будет снова отвергнута.

Возвращаюсь к *пессимизму*. Все христианские мыслители были тоже своего рода пессимистами. Они даже находили, что зло, обиды, горе в высшей степени нам *полезны* и даже *необходимы*; так что христианское

мировоззрение с этой стороны можно назвать – *оптимистическим пессимизмом*. Приводить цитаты из христианских писателей ни древних, ни современных я много не буду. Пусть, кто хочет, заглянет сам. Я приведу только два примера: один древний, другой, так сказать, вчерашний. Древняя цитата моя будет точная, а новейшая, прошу простить мне, немного «по памяти».

Первый пример мой будет из книги Блаженного Августина «О граде Божием» (*De ci vitale Dei*). Готфы взяли Рим, разграбили его и произвели в нем множество всякого рода злодейств и насилий. Блаженный Августин в своей книге утешает пострадавших христиан и возражает по этому поводу язычникам (их было еще в его время много). Учитель Церкви находит, что все эти страдания и оскорбления были христианам нравственно *полезны*. В одном месте у него мы находим следующее: «Но многие христиане, говорят они (т. е. язычники), были уведены в плен»... «Это действительно было бы величайшим несчастьем, *если бы они могли быть уведены в какое-нибудь такое место, где не нашли бы своего Бога*». И только. Сам по себе плен не есть еще самое великое несчастье.

И еще, убеждая не сокрушаться о том, что многие тела не были погребены после избиений, Блаженный Августин говорит так: «... И если отсутствие и таких необходимых для поддержания жизни людей живых вещей, каковы пища и одежда, *хотя и причиняет страдание*, не уничтожает в добрых силы терпеть и переносить лишения и не вырывает из души благочестия, а, *напротив, делает его более плодотворным*: то не тем ли более...» и т. д. (следует о непогребенных телах и утешения родным и друзьям, которые при опустошении города не могли этого сделать). Далее:

– Много христиан было *убито*... И это не важно. Не важно, каким родом смерти умрет человек, а *куда он пойдет после смерти?* Хороша ли была его жизнь или худа?... И т. д.

– Многие были ограблены? Потеряли богатства и т. д.?.

– Потеряли они веру? – спрашивает Блаженный Августин.

– Потеряли благочестие? Если они их не потеряли, то что значит потеря богатства?... Тот, кто обладая богатством, не привязывался к нему, тот спокоен; а те, которые были послабее, которые, хотя и не предпочитали этих земных благ Христу, были, однако же, хотя с некоторою страстностью привязаны к ним, те, теряя их, *почувствовали, насколько, любя их, грешили*. Вот *главная польза* – сознание своей *греховности*... Остальное – неважно. Утешения в этом роде Блаженным Августином предлагаются даже тем из молодых христианонок, изнасилованных готфами, которые сокрушались об утрате девственности и чистоты. Оправдывая пострадавших тем, что *воля их в чужом грехе не участвовала*, он прибавляет, что некоторым это насильственное осквернение тела было *полезно* для уничтожения той

нравственной гордости, которая могла быть им свойственна прежде, при строгом соблюдении целомудрия.

Так как грабеж и опустошение Рима варварами причинили жителям почти *все главные роды человеческих страданий* и несчастий: насильственную, болезненную, преждевременную смерть, страх, мучения при виде страданий близких, удаление из отчизны в тяжкий плен и рабство, вероятно, множество физических страданий от ран, ушибов и т. п., потеря имущества и вообще обеднение, преследование и, наконец, гражданскую, конечно, скорбь о взятии великого города, которого никто так долго взять не мог, – то я и привел именно этот пример для доказательства, насколько христианству присущ тот *оптимистический пессимизм*, о котором я говорю и который во всяком страдании и зле видит прямую или косвенную пользу для человека, верующего во Христа.

Вот древний пример. Что касается до нового примера, который я решаюсь привести немного «наобум» (потому что, к сожалению, потерял номер той газеты, где я его очень недавно нашел), то это не что иное, как наставление одного из наших епископов приходскому духовенству – как обращаться с паствой. Там, между прочим, сказано нечто подобное:

– Надо помнить, что все люди восприимчивее ко влияниям духовным в случае поразивших *их несчастий*, в случае потери близких и любимых лиц, болезней, денежных потерь и т. п. ... *Надо пользоваться особенно этими случаями, чтобы делать им пользу* (духовную)...

Итак, с христианской точки зрения можно сказать, что *воцарение на земле постоянного мира, благоденствия, согласия, общей обеспеченности* и т. д., то есть именно того, чем задался так неудачно демократический прогресс, было бы *величайшим бедствием в христианском смысле*... С христианством можно мирить философскую идею сложного *развития* для *неизвестных* дальнейших целей (может быть, и для всеобщего *разрушения*), но эвдемонический (благоденственный) прогресс, ищущий счастья в равенстве и свободе, – совершенно непримирим с основной идеей христианства... *Этого рода прогресс и настоящее христианство* могут только кое-как *жить* рядом, но слиться в принципах никогда не могут.

Но оставим пессимизм христианский и вообще религиозный (мистический), на почве которого могут сходиться легко самый ученый муж и самая безграмотная баба; оставим христианство... Новейшая, *именно самая передовая* философия Запада проповедует этот самый *пессимизм*, это мужественное и честное неверие в благоденственную спасительность прогресса. Вот что говорит Гартман¹:

¹ Гартман Эдуард (1842 – 1906) – немецкий философ, создатель «философии бессознательного». Считал мировой процесс неразумным, но целенаправленным, несмотря на постоянную борьбу разума и воли.

«*Пессимистическое* понимание мироздания, род понимания, в котором религиозная потребность ежедневно восстанавливает свои силы, не может не расти и не крепнуть, ибо чем более человечество умножает средства для приятности своего существования, тем более убеждается оно в невозможности преодолеть мучение жизни и достичь не только благоденствия, но и некоторого довольствия. Восходящий (т. е. прогрессивный в обыкновенном понятии этого слова) период человеческих дел может придерживаться оптимизма (т. е. веры в постепенное улучшение жизни) до тех пор, пока человечество еще надеется найти счастье на конце пути и насладиться им, но только что та или другая цель достигнута, народ, стремившийся к ней, тотчас же начинает находить, что он не только не прогрессировал в довольстве, а, напротив того, лишь увеличил грызущие и терзающие его нужды».

«Поэтому оптимизм есть всегда лишь временное состояние наций, находящихся еще на полпути мирских стремлений; но пессимизм есть основное расположение самосознательного человечества, и это настроение прорывается всегда с удвоенной энергией при конце порывистых эпох. Будем же, поэтому, ожидать, что потребность человечества возвысится (хотя бы только в идее) над *тищетой этого света*, выразится все с большей силой при исходе именно тех периодов, в которых «мир» праздновал, так сказать, свои триумфы и в течение которых *земные интересы все поглощали!* Будем ожидать, что религиозный вопрос сделается самым жгучим именно тогда, когда человечество, достигнув самой высшей степени возможной на земле цивилизации, окинет жизнь широким и ясным взглядом и поймет при этом всю сокрушительную нищету своего состояния!» («*La religion de l'avenir*», par Edouard de Hartmann. 1876. Стр. 137 – 139).

Я привожу с истинным восхищением эти прекрасные слова главы пессимистического учения, несмотря на то, что я почти ни в чем остальном не могу согласиться с ним. Ни с тем, например, что это неверие в будущее всеобщее счастье должно быть сопряжено с простой моралью (т. е. независимой от «страха Божия» и вообще от какой-нибудь обрядно-мистической религии, такая сухая *нынешняя* мораль, сознаюсь, мне просто ненавистна по причинам, объяснения которых для людей простоватых должны быть очень пространными и потому здесь неуместны, а умные и так согласятся со мной). Я, конечно, не могу сочувствовать Эд. Гартману еще и в непочтительных отзывах его о христианстве. Он находит хорошим в нем только мужественное примирение с горестями и ужасами жизни (т. е. только тот самый пессимизм, о котором идет здесь речь). Не могу довольствоваться и тем слепым, безучастным, неумолимым имманентным Богом, которого он предлагает людям взамен наше-

го Бога, Бога *личного*, «живого». Имманентный Бог Гартмана – это тот «ненужный» Бог, про которого еще Альфред де Мюссе¹ сказал:

«Un Dieu inutile, qui ne veut pas d'autels...»

«Этот не “живой” и не-сознательный Бог был бы ниже своего сознательного творения – человека!»

Гартман не верит и в бессмертие души, так что его религия *будущего* очень странна, убийственно скучна и потому невозможна. Без веры в награду, без страха наказания, без поэзии, даже без молитв и без «алтарей»!..

Конечно, по отношению к земной жизни или к «научной истине», так сказать, и такая мрачная решимость – *ничего лучшего в смысле приятности не ожидать от человечества* на земле, – гораздо уважительнее и правильнее и прудоновской веры в какое-то гадкое однообразие и математическое равенство каких-то, все более и более мелких (*от популяризации науки и средней обеспеченности*) *людишек будущего*, и боклевской наивности, почему-то вообразившей, что дальнейшие успехи *разума* непременно будут усиливать *личную свободу*, и всех других *эвдемонических* (благоденственных) верований, столь распространенных в наше время и даже господствующих до сих пор по умственной косности прогрессистов, которые, вопреки очевидности, перебиваются двумя-тремя уже стареющими идеями...

Конечно, «пессимизм» Гартмана вернее, умнее, мужественнее и в научном смысле честнее и реальнее веры в прелести индустриально-бюргерского благодушия и в *неприкосновенность* всякой, самой гнусной европейской «личности», все ниже и ниже спускающейся в эстетическом и нравственном отношениях...

Разумеется, мировоззрение «пессимистическое» лучше *обыкновенного* прогрессивного, и наш Тютчев был не прав, «пугаясь» уж слишком его успехов в Германии. Тютчев, утратив веру в Запад, стал верить в оригинальное, сильное и новое славянство, в «единение славянской любви». Но этот *розовый* славизм, сколько бы в нем ни было искренности, «органических» бедствий и присущих жизни разочарований изменить не может, и потому какие бы мы *союзы «любви»* этой не составляли с южными и даже западными славянами, точно так же будут войны, междоусобия, дифтерит, холера вернется, будет трус и глад, будет скука и ревность, и лукавство, и жадность, и несправедливость; мосты на железных путях будут проваливаться, от свечек Яблочкова будут болеть глаза, электрическое освещение *ваших* внутренностей все-таки долговечности *вашей* не устроит. Ведь с точки зрения *благоденствия*, какое

¹ Мюссе Альфред де (1810 – 1857) – французский писатель и поэт эпохи романтизма («Исповедь сына века», стихи и поэмы).

кому дело до того, что *всему человечеству* прибавится каких-нибудь *отвлеченных* пять-шесть лет *средней* продолжительности жизни? Людям нужны не эти *отвлеченные* и *никому собственно не принадлежащие* пять лет; людям нужны *индивидуальных лет 50 лишних и здоровых!* Так, чтобы им жизнь сама уже *наскучила бы!*

Этого и самый «любовный» союз панславизма, вероятно, не даст и ни от чего существенно-бедственного нас не избавит... И Тютчев был решительно не прав, называя учение Шопенгауэра¹ и Гартмана – *une doctrine décevante!* [вводящим в заблуждение] кажется, он так выражался?

Напротив того, *отрицательная* сторона этого учения вовсе не разрушительна и не вредна.

Отвергая прямо *всеспасительность эвдемонического* прогресса, признавая зло и страдания неотразимой принадлежностью жизни, это учение должно вести и в области общих идей, и на практике к примирению *со всеми теми неудобствами государственной и общественной жизни*, против которых *так упорно* борются либеральные прогрессисты; оно, это учение, своими отрицательными сторонами мирит *ум наш* и с *неравенством* (хотя бы и *словным*), и с *войнами*, и с *недугами*, и с *семейным деспотизмом*, и с *личными распрями*, и с *тяглом наших государственных обязанностей...*

На почве, глубоко *расчищенной* учением *пессимизма*, могла бы свободно произрастать и приносить свои прекрасные плоды какая угодно *положительная религия*; ибо на одном печальном *отрицании* всех благ – и *земных*, и *загробных* (как предлагает Гартман) – кто же станет долго жить?

Гартман прав, ожидая, что совершенное разочарование в приятных плодах *земного прогресса* вскоре доведет людей сызнова до полнейшего поворота к религиозному, мистическому одушевлению; но пойдут люди молиться, конечно, не к тому мертвому, слепому и безличному Богу, которого он предлагает нам...

Его учение дорого только как *приготовительное средство* для тех несчастных людей, которые *прямо истин веры принять не в силах!*.. За *пессимизмом* в науке, в педагогике, в литературе последует вера; за верой – *послушание и дисциплина*; за верой и *послушанием Церкви и властям независимость национального духа!*..

¹ Шопенгауэр Артур (1788 – 1860) – немецкий философ, основоположник системы, проникнутой волюнтаризмом, пессимизмом и иррационализмом. Основной труд – «Мир как воля и представление».

СОРОЧИНСКИЙ ХРАМ

Жизнь каждого священника состоит не только из церковных служб и общения с паствой и причтом, в ней происходит множество событий семейного и личностного значения, из которых он извлекает уроки для себя и своих близких, чтобы помочь им в трудную минуту. Однажды отец Евгений рассказал мне о некоторых таких событиях, ставших уже семейными преданиями, и даже разрешил записать услышанное. Так появились «Сорочинские рассказы».

Памяти протоиерея Евгения Иноземцева посвящается

История сорочинских церквей тесно связана с историей города-крепости Сорочинская, которая была основана в 1736 году. «...Оная крепость положение свое имеет по течению р. Самары на левой стороне и большой столбовой дороге, идущей из Оренбурга в Бузулук, а в ней церковь об одном приделе во имя Воздвижения Святого Животворящего Креста Господня...» – так гласит летопись о первом сорочинском храме.

Первоначально жителями крепости были солдаты и офицеры со своими семьями, защищавшие границу России от киргиз-кайсацких набегов с востока. В 1750 – 1753 годы свободные участки земли вокруг крепости Сорочинской получили за службу офицеры из Закамских ландмилицких полков. Тогда же сюда на постоянное место жительства приехало много выходцев из Малороссии. И по сей день в Сорочинске и его окрестностях можно услышать певучий украинский говор и встретить потомков первых малороссийских поселенцев. В 1788 году стараниями священника Егора Гаврилова и купца Михаила, сына Колосова, была построена деревянная церковь с колокольней и освящена во имя Рождества Христова.

История сорочинских церквей связана также с историей Самарской епархии, так как город Сорочинск, а тогда село Сорока, до 1917 года входил в Бузулукский уезд Самарской губернии. В 1850 году в селе насчитывалось в среднем от четырехсот до пятисот дворов, где жили государственные крестьяне. В 1852 году жители обратились в Самарскую духовную консисторию с прошением о постройке в селе вместо ветхой Христорождественской церкви новой, большей по размерам, на каменном фундаменте, деревянной церкви во имя Архистратига Божия Михаила. В том же году план и фасад новой церкви был утвержден Самарской губернской строительной комиссией.

Строительство Михаило-Архангельской церкви с двумя приделами, правым – во имя святого Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских, и левым – во имя святого Митрофана, епископа Воронежского, чудотворца, было окончено в 1859 году. К этому времени старый Христорождественский храм окончательно обветшал и пришел в полуразрушенное состояние из-за нехватки средств, уходивших на строительство новой церкви. В том же 1859 году Самарская духовная консистория дала разрешение на разборку старой церкви по вышеуказанной причине. Однако полученное разрешение не было использовано, так как 27 апреля 1860 года возник сильный пожар, в результате которого обе церкви и большая часть села, до трехсот дворов, сгорели. Удалось спасти лишь часть церковной утвари, ризницу новой Михаило-Архангельской церкви и два антиминса, которые были помещены на временное хранение в Крестовоздвиженскую церковь соседнего села Тоцкое. Только в 1872 году жители с. Сорока сумели построить небольшую деревянную однокупольную церковь с колокольной и двумя приделами, освященными и наименованными так же, как и в сгоревшем храме. Главный престол – во имя Архистратига Божия Михаила – был освящен Преосвященным Герасимом, епископом Самарским¹, 13 сентября 1872 года. Интересен тот факт, что, по воле случая, наблюдение за строительством новой церкви осуществлял епархиальный архитектор по фамилии Иностранцев², а через сто лет, в ноябре 1999 года, протоиерей Евгений Иноземцев завершит восстановление Михаило-Архангельского храма в том же объеме и масштабах.

Население села увеличивалось, и маленький деревянный храм не вмещал всех желающих. Тогда на площади, располагавшейся в центре села, неподалеку от Михаило-Архангельской церкви стали строить каменный Казанско-Богородицкий храм. В 1889 году церковь была построена и окрашена в белый цвет, пять ее куполов покрыли жстью, окрасили под медь и увенчали чугунными золочеными крестами. Двадцатого декабря 1892 года преосвященный Гурий, епископ Самарский³, освятил новый храм, и он стал приписным к Михаило-Архангельскому.

Двадцать третьего июля 1899 года деревянный храм Михаила Архангела вновь сгорел дотла. К этому времени село Сорока значительно уве-

¹ Епископ Герасим [Георгий Иванович Добросердов (Попов)] – 26.01.1866 г. – 08.12.1877 г. епископ Самарский и Ставропольский.

² Иностранцев Павел Александрович (1835 – 1886) – с 1875 г. по 1886 г. губернский и епархиальный архитектор в Самаре.

³ Епископ Гурий (Буртасовский) – с 24.10.1892 г. по 23.04.1904 г. епископ Самарский и Ставропольский.

Церковь во имя Михаила Архангела. Сорочинск. Фото нач. XX в.

личилось, количество домов возросло в три раза и достигло 1499 дворов, а число жителей равнялось девяти тысячам человек. Ежегодно в селе проводились три хлебных ярмарки. В 1872 году, с постройкой Оренбургско-Златоустовской железной дороги, была открыта железнодорожная станция Сорочинская. В условиях высокого экономического развития и быстрого прироста населения селу стала нужна большая каменная церковь. И вот 25 июля 1900 года Самарская духовная консистория дала разрешение на постройку нового Михаило-Архангельского храма, техническое наблюдение за строительством которого принял на себя епархиальный архитектор Т. С. Хилинский¹. В областном архиве сохранился план села Сорока, на котором показана Базарная площадь с расположенной на ней будущей церковью, проект которой также был предложен Хилинским. По этому проекту одновременно строились две каменные церкви – в селе Иловатом (ныне с. Виловатое Богатовского района Самарской области) и в селе Сорочинском, о чем свидетельствует подпись на плане строительства: «Копия на каменную церковь в с. Сороках Бузулукского уезда, что и в с. Иловатове Бузулукского уезда».

Строительство церкви во имя Михаила Архангела велось с 1901 по 1907 годы, а в следующие четыре года в ней проводились внутренние

¹ Хилинский Тадеуш Северинович (1855 – 1905) – занимал пост самарского губернского архитектора с 1883 по 1905 г., с 1887 г. – епархиальный архитектор.

отделочные работы. Архитектурным решением для новой церкви стал так называемый псевдорусский стиль, столь характерный для рубежа двух веков. В декоре храма соединялись мотивы древнерусской архитектуры различных исторических периодов и местных школ: обработка оконных проемов и висячие арки карнизов были выполнены в духе Владимиро-Суздальской архитектуры XVI века, тамбуры боковых глав с накладными острыми фронтонами – по образцу храма Василия Блаженного в Москве. Входные крыльца были обработаны в стиле Ярославской архитектуры XVIII века, а вазообразные формы ярусных глав восходили к образцам глав XVIII века, устроенных на ряде церквей XVII века, например, Иоанна Предтечи в Ярославле и многих других. Двадцать первого ноября 1911 года состоялось первое богослужение в новой Михаило-Архангельской церкви, ставшее всеобщим христианским праздником. По свидетельству еще живых в 1963 году очевидцев, над селом целый день стоял малиновый звон многопудовых храмовых колоколов, после литургии до самого вечера непрерывно служились молебные пения с акафистом святому Архистратигу Божию Михаилу приехавшими из соседних сел священниками, пел большой сводный хор из Бузулука, Тоцкого и Сорочинского. Одетые в праздничные, как на Светлую Пасху, одежды люди заполняли улицы и площади села. – Казалось, теперь Сорочинское навеки обрело свой храм, который, с легкой руки тогдашнего настоятеля протоиерея Павла Поспелова, стали называть собором. Но недолго, всего лишь семь лет служил храм Михаила Архангела верующим Сорочинского и прихожанам из окрестных сел. Пришедшая в Оренбургский край новая богоборческая власть в 1918 году запретила совершать церковные службы. В первую очередь за то, что священники Андрей Докин и Андрей Алонзов встречали хлебом и солью отряды освободительной армии атамана Дутова¹ и возглашали «Многая лета» Комитету Учредительного Собрания, изгнавшему большевиков из Самары и захватившему там власть. За это оба пастыря вместе с диаконом Симеоном Любимовым были арестованы и без суда и следствия расстреляны...

Затем новые властители стали уничтожать сорочинские святыни. Первой была разрушена прекрасная белокаменная церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, из ее кирпича построили общественную баню, а на месте храма устроили танцевальную площадку. В 1920 – 1921 годах, в ходе гражданской войны и голода, охватившего многие города Поволжья, началось изъятие церковных ценностей – золотых

¹ Дутов Александр Ильич (1879 – 1921) – русский военный, белогвардеец, атаман Оренбургского казачества, генерал-лейтенант.

Церковь Михаила Архангела. Май 1931 г., с колокольни сбросили главный колокол, а с центрального купола сорвали луковницу с крестом

Поруганный храм использовался в разное время как дом культуры и как кинотеатр «Октябрь», главный вход в кинотеатр был устроен через алтарь, в боковых приделах помещались курилки и входы в туалеты

и серебряных потиров, дискосов, окладов и златотканых риз, лампад и паникадил. Среди окрестных храмов, по словам прихожан, первым был ограблен и ободран дочиста Михаило-Архангельский собор села Сорочинское. В 1930 году с колокольни уже закрытого храма сбросили многопудовые колокола, разобрали и уничтожили все три иконостаса. Навсегда погибли бесценные храмовые иконы из иконостасов, созданные иконописцами из Ельца и Москвы. Верующие пытались протестовать, писали властям в Самару и в Оренбург, добровольцы устраивали возле храма ночные дежурства, чтобы не допустить разрушения святыни, но все тщетно. Письма либо не доходили, либо оставались без ответа. А тех, кто дежурил у храма, постепенно арестовывали и высылали из села, заселяя в их опустевшие дома люмпенизированных неверующих жителей из соседних голодающих городов: Саратова, Сызрани и Балаково (верующих разных сословий из вышеуказанных мест также либо расстреливали, либо высылали в Сибирь). Обезглавленный, с разрушенной колокольней и разорванной кровлей храм стоял в таком виде до начала 40-х годов как

страшный памятник первым безбожным пятилеткам, в которые обезумевший народ так рьяно выполнял приказы своих вождей. Вскоре все, что осталось от храма, передали под кинотеатр с характерным для эпохи названием «Октябрь». Через главный алтарь был устроен вход,

в боковых приделах в честь святителей Николая и Митрофана – туалеты и курилки. Храм и самое место храма были осквернены полностью. Рассказывали, что когда уничтожили и сняли главный престол, под ним оказалась мраморная плита. Кто-то из большевистских агитаторов пустил слух: дескать, при закладке камня под каждый из четырех углов престола в специальные свинцовые отверстия закладывали по сто золотых царских червонцев. В поисках клада мраморную плиту разбили, перерыли под ней весь пол, добрались до грунта, но так ничего и не нашли. Образовавшуюся от разрушенного престола квадратную яму закрыли большим толстым листом железа, и вход в кинотеатр был устроен так, чтобы входящие попирали ногами место, где было «Святое Святых».

Но сорочинцы, молодые и старые, зная, что было в здании до открытия кинотеатра, туда не ходили. Они упорно не хотели ступить на металлическую плиту и, теснясь, обходили ее стороной, несмотря на окрики билетных контролеров. Кому бабушка, а кому и старик-сосед рассказали, что такое престол в православном храме и что значит для человека его осквернить. И хотя время брало свое, у молодежи были новые кумиры, и она иначе утоляла духовный голод, – никто из местных так ни разу и не посмел ступить на запретную плиту. Так было до закрытия кинотеатра в 1987 году...

У Сергея Есенина в поэме «Страна негодяев» есть строки:

Странный и смешной вы народ!

Жили весь век свой нищими

И строили храмы Божию...

Да я б их давным-давно

Перестроил в места отхожие.

Как нельзя лучше эти страшные строки иллюстрировали кощунство безбожной власти, поправшей понятия чести, совести, Отечества...

Только 19 марта 1946 года в Сорочинском, которому с 16 мая 1945 года был присвоен статус города, но уже не Самарской, а Чкаловской области¹, возродилась церковная жизнь. Областным уполномоченным по делам РПЦ было подписано разрешение на служение и требоисправления как в самом Сорочинске, так и во вновь устроенном молитвенном доме, под который переоборудовали обычный жилой дом по ул. Чернышевского, 31, купленный на добровольные пожертвования горожан. Этот молитвенный дом прихожане так же решили освятить во имя Архистратига Божия Михаила.

¹ В период с 1938 по 1957 гг. город Оренбург носил имя Чкалов, а Оренбургская область называлась Чкаловской.

*Евгений Иноземцев (внизу второй слева) у ног епископа Мануила (Лемешевского)
в Никольском соборе г. Оренбурга*

Вскоре Господь благословил сорочинских трудников-прихожан великой радостью – на освящение молитвенного дома 26 марта 1946 года прибыл епископ Мануил (Лемешевский)¹, назначенный после очередной ссылки на Чкаловскую кафедру.

Сохранились дневниковые записи владыки Мануила об этом дне: «В Сорочинск прибыл в 8 часов утра поездом с А. А.² и тремя иподиаконами. На вокзале теплая встреча с главными ревнителями и старателями. После службы и освящения сложное и подъемное настроение. А. М. Андреева пожертвовала чудом сохранившуюся вызолоченную дарохранильницу. Какая радость и воодушевление! Впервые за столько лет люди безбоязненно идут в молитвенный дом... С необычайным подъемом и воодушевлением в конце молебна пропели хором “Тебе Бога хвалим...”! Ревность к храму своему среди верующих Сорочинска очень велика».

¹ Мануил (Лемешевский) с 14.02.1945 г. по 5.09.1948 г. епископ Чкаловский и Бузулукский.

² Савин Андрей Андреевич – секретарь Оренбургского (Чкаловского) Епархиального управления.

Архипастырь верно подметил характерную для сорочинских прихожан черту – ревность и любовь к своему храму. Это было тогда и присутствует доньше. Люди отдавали последнее на украшение своей маленькой, но такой дорогой святыни. Кто принес чудом уцелевший кусок довоенного плюша, и из него сшили облачение для престола и церковную завесу, кто отдал свои лучшие иконы и самые красивые вышитые рушники. Те же, кому нести было нечего, просто приходили и просили благословить потрудиться Христа ради на церковном дворе и в самом молитвенном здании. Теперь же в городе царила всеобщая радость, которую вместе с Андреем Андреевичем Савиным, келейником владыки Мануила Ваней Снычевым и всеми прихожанами с восторгом разделял высокий темноволосый иподиакон Евгений Иноземцев, впервые попавший в Сорочинск и первый раз в своей жизни видевший чин освящения храма. Конечно, он тогда и не подозревал, что в этот день Господь дает ему возможность обозреть ниву, на которой ему придется трудиться, будучи настоятелем сорочинского храма без малого сорок лет. И конечно же, не знал будущий протоиерей Евгений Иноземцев, что его сподобит Господь быть свидетелем и участником освящения восстановленного из руин Михаило-Архангельского собора 19 сентября 1993 года. Впереди его ждали счастливые годы учебы в Саратовской духовной семинарии, не менее счастливые и радостные десять лет служения в Никольском кафедральном соборе Оренбурга, встречи и задушевные беседы с владыкой Мануилом и его келейником, будущим владыкой Иоанном, но Господь уже определил его судьбу, накрепко связав жизнь будущего пастыря с сорочинским Михаило-Архангельским храмом.

«Духовный Собеседник» в 2016 году

О Первой мировой войне и ее последствиях в истории России.

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Проповеди митрополита Иоанна (Снычева), записанные его духовной дочерью М. С. Ивановой.

Материалы, посвященные 1000-летию русского присутствия на Афоне.

«Заветы о молитвенном делании» схиигумена Смоленской Зосимовой пустыни Германа (Гомзина).

Работа митрополита Петрийского и Херсонисского Нектария (Пападакиса), посвященная аскетической жизни мирян.

Воспоминания и наставления архимандрита Мирона (Пепеляева).

Повести протоиерея Евгения Зеленцова.

1-я стр. обложки: Юная паломница с книгой. *Фотография Юрия Ивукина.*

2-я стр. обложки: Икона равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей Словенских. Епархиальный церковно-исторический музей, г. Самара. Иконописец Григорий Журавлев. Подпись внизу иконы: «Сия икона писана зубами в Самарской губернии, Бузулукского уезда, Утевской волости, того же села, крестьянином Григорием Журавлевым безруким и безногим. 1885 год. 2 сентября». *Фотография Михаила Тимофеева.*

3-я стр. обложки: Митрополит Петрийский и Херсонисский Нектарий (Пападакис) на самарской земле. 2013 г. *Фотография Романа Гребенникова.*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская и Сызранская Епархия Русской Православной Церкви. №3(83). Отпечатано в типографии ООО «Волга Принт Плюс», адрес: Самарская обл., Пестравский р-н, с. Пестравка, ул. Мира, д. 1Б. Подписано в печать 15.04.2016 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ**
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 2-ое полугодие 2016 года.

**Духовный
Собеседник**

- В любом почтовом отделении России – наши подписные индексы:
99955 – в каталоге «Почта России»
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
- Для жителей Самарской области в почтовых отделениях существует возможность льготной подписки - по специальному абонементу:

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ												
	на журнал										73718		
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
на 2016 год по месяцам										кол-во		1	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
						X		X		X			
Куда													
Кому													
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
ПВ	место	литер	на журнал									73718	
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
Стои- мость	по каталогу					765 руб. 54 коп.					кол-во комп. 1		
	за доставку					руб. коп.							
на 2016 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
						X		X		X			
Куда													
Кому													

- Через Сбербанк (см. на обороте)

3. **Напрямую** (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **270 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с №40702810400000016337 в ОАО «Первобанк» г. Самара

БИК 043601927 к/с 30101810100000000927

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2016 г. на ___ номеров.

В этом случае необходимо прислать в редакцию заполненный заказ:

БЛАНК ЗАКАЗА					
Я подписался на следующие выпуски журнала «Духовный Собеседник» в 2016 г.:					
№1(81) Январь - Февраль	№2(82) Март - Апрель	№3(83) Май - Июнь	№4(84) Июль - Август	№5(85) Сентябрь - Октябрь	№6(86) Ноябрь - Декабрь

* отметить четко номера крестиком или галочкой

Плательщик (подписчик): _____

Почтовый адрес подписчика (с указанием индекса): _____

желательно указать телефон для связи _____

Сумма: _____ руб. ___ коп.

Подпись: _____ **Дата:** " ___ " _____ 2016 г.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

4. **Наложенным платежом**, обсудив и оформив заказ по телефонам, указанным в п. 3.

Духовный Собеседник